

2020

Issue 1

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Phone.: +7-910-971-39-04 (Markova Elena Vladimirovna)

2020

№ 1

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Тел.: +7-910-971-39-04 (Маркова Елена Владимировна)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 78782. Подписано в печать 17.03.2020. Формат 60 x 84 1/8. Объем 132 с. Тираж 32 экз. Заказ № . Свободная цена. Дата выхода в свет 31.03.2020. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Maksim V. Bavsun (Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia)

Alexander I. Dontsov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)

Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Vladimir P. Konyakhin (Kuban state University, Krasnodar, Russia)

Natalia L. Krylova (The Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)

Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)

Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)

Viktoriya M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)

Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)

Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Elena V. Markova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

М. В. Бавсун Омская Академия МВД России, Омск, Россия)

А. И. Донцов (МГУ, Москва, Россия)

А. Л. Журавлев (ИП РАН, Москва, Россия)

Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)

А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)

В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

В. П. Коныхин (КубГУ, Краснодар, Россия)

Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)

А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

С. П. Маврин (Конституционный Суд РФ, Москва, Россия)

С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)

В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)

Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)

В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

В. Д. Шадриков (ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Е. В. Маркова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

- Ermakov A. M.** Survival Strategies in the Third Reich in the Memoirs of German Jewesses 6
- Krylova N. L.** «We Cannot Predict How Our Word will Respond...» (Pages of history) 14
- Uriadova A. V.** The Soviet-Polish War in Perception of Russia Abroad..... 22
- Gavristova T. M.** Vladimir Markov (V.I. Matvey): In Search of Beauty..... 30
- Moyzinovich A. M.** Anti-hero images in Gabriele Galantara's caricatures 36
- Zhdanova E. S.** «Rapid progress is increasingly attracting our attention»: Pius XII on scientific progress science 48

LAW

- Lushnikov A. M.** Labor law and economics: problems of interaction 54
- Tarusina N. N.** Family Institute: On the Trends in the Interaction of Religious and Legal Regulatory Systems 62
- Isaeva E. A.** Mechanisms for stimulating the involvement of citizens in the institution of volunteering in the regions of Russia..... 68
- Simonova S. V.** Ensuring human rights in personal records database: digital challenges..... 74
- Kovalkova A. S.** Object of kidnapping in Russian legislation: historical aspect 80

- Nechaev S. V.** The right to free medical care in the context of reforming the domestic health care system 86

PSYCHOLOGY

- Tolochek V. A.** Styles of business communication: a phenomenon, a problem, a methodology, concepts..... 92
- Isaeva O. V., Klyueva N. V.** The relationship of the religiosity of parents with the organization of family relations 100
- Vinarchik E. A.** Cross-cultural features of the relationship of spouses with different levels of intelligence 106
- Pavlova D. S., Filippova Y. V.** Orphanage as an organization for the integration of health and education 114
- Markina P. N., Chistopolskaya A. V., Lazareva N. Yu.** The significance of perceptual complexity in the «9 dots» problem..... 124
- Vilches-Nogerol V. V., Mashkova A. S.** Factors of organizational culture in determining of manager's styles of business communication: professional specifics and the role of the environment..... 128
- Tokareva V. B.** Locus of control as a metacognitive process subject's professional activities 136

ИСТОРИЯ

Ермаков А. М. Стратегии выживания в Третьем рейхе в воспоминаниях немецких евреек 6

Крылова Н. Л. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» (Страницы истории) 14

Урядова А. В. Советско-польская война в восприятии русского зарубежья.....22

Гавристова Т. М. В. Марков (В. И. Матвей): в поисках Красоты 30

Мойсинович А. М. Образы антигероев в карикатурах Габриэля Галантара 36

Жданова Е. С. «Стремительный прогресс все больше привлекает наше внимание»: Пий XII о научном прогрессе.....48

ПРАВО

Лушников А. М. Трудовое право и экономика: проблемы взаимодействия 54

Тарусина Н. Н. Институт семьи: о тенденциях взаимодействия религиозных и правовых регуляторных систем.....62

Исаева Е. А. Механизмы стимулирования вовлечения граждан в институт добровольчества в регионах России.....68

Симонова С. В. Обеспечение прав человека при эксплуатации информационных систем персональных данных: вызовы цифровой среды ..74

Ковалькова А. С. Объект похищения человека в отечественном законодательстве: исторический аспект 80

Нечаев С. В. Право на бесплатную медицинскую помощь в условиях реформирования отечественной системы здравоохранения.....86

ПСИХОЛОГИЯ

Толочек В. А. Стили делового общения: феномен, проблема, методология, концепции 92

Исаева О. В., Клюева Н. В. Взаимосвязь религиозности родителей с организацией внутрисемейных отношений..... 100

Винарчик Е. А. Кросс-культурные особенности взаимоотношений супругов с разным уровнем интеллекта..... 106

Павлова Д. С., Филиппова Ю. В. Организационная культура Дома ребенка как учреждения интеграции сфер здравоохранения и образования..... 114

Маркина П. Н., Чистопольская А. В., Лазарева Н. Ю. Значимость перцептивной сложности в задаче «9 точек»..... 124

Вильчес-Ногерол В. В., Машкова А. С. Факторы организационной культуры в детерминации стилей делового общения менеджеров: специфика профессии и роль среды 128

Токарева В. Б. Локус контроля как метакогнитивный процесс профессиональной деятельности субъекта..... 136

Survival Strategies in the Third Reich in the Memoirs of German Jewesses

A. M. Ermakov¹

¹The Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinskiy, 108/1 Republican str., Yaroslavl 150000, Russian Federation

Research Article

The article deals with life conditions and survival strategies of German Jewesses, forced into illegality in Nazi Germany. The sources of analysis are memoirs of Jewish young women survived in the territory of Germany at the time of Holocaust. It is proved that the preconditions of successful resisting Nazi terror were such personal qualities of the young women as courage, ingenuity, will to live, ability to adjust quickly to unusual situations as well as their high level of education, availability of wide network of non-Jewish social connections.

Keywords: Third Reich; anti-Semitism; genocide; Holocaust; deportation; survival strategies

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ermakov Alexander M. | E-mail: a.ermakov@yspu.org
| Doctor of Sciences in History, Professor

Стратегии выживания в Третьем рейхе в воспоминаниях немецких евреек

А. М. Ермаков¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

УДК 373+374
Научная статья

В статье рассматриваются условия жизни немецких евреек, перешедших в нацистской Германии на нелегальное положение. Источниками для анализа являются воспоминания еврейских девушек, выживших во время Холокоста. Доказано, что предпосылками успешного противостояния нацистскому террору были такие личностные качества девушек, как смелость, находчивость, воля к жизни, умение быстро приспосабливаться к нестандартным ситуациям, а также высокий уровень образования и наличие широкой сети социальных связей в нееврейской среде.

Ключевые слова: Третий рейх; антисемитизм; геноцид; Холокост; депортация; стратегии выживания

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ермаков Александр Михайлович. | E-mail: a.ermakov@yspu.org
| Доктор исторических наук, профессор

К моменту прихода Адольфа Гитлера к власти в Германии проживало около 525 тысяч евреев (0,75 % населения), которые исповедовали иудаизм, и неизвестное количество евреев, принявших христианство и потому не охваченных статистикой [1, с. 133]. Часть их эмигрировала, часть погибла от рук штурмовиков и гестаповцев в самой Германии, 134 тысячи были депортированы в гетто и лагеря смерти на Востоке. По подсчетам исследователей, на территории Германии Холокост пережили 5–7 тысяч евреев, которые состояли в браке с «арийскими» гражданами, жили по подложным документам или ушли в подполье, спрятались от властей [2, с. 261]. От 1 700 до 2 000 из них скрывались в Берлине [3, с. 155].

В 1933–1945 гг. в Третьем рейхе было издано около 2 000 антиеврейских законов и рас-

поряжений. Германия, по словам ушедшей в подполье Марии Яловиц Симон, превратилась из страны Иоганна Вольфганга Гете и Иоганна Себастьяна Баха в другую страну – страну Гитлера [4, с. 397]. Многие скрывавшиеся евреи попали в руки гестапо и погибли в силу доверчивости, неосторожности, нервных срывов, отсутствия жилья, документов, денег, продовольственных карточек, доносов «арийских» соседей и знакомых, деятельности агентов гестапо, завербованных в еврейской среде.

Большинство евреев, скрывавшихся от властей, ушли в подполье во второй половине 1942 г., когда депортации на Восток приобрели массовый характер и пришла уверенность в том, что «переселение», «релокация», «переезд», «смена жилья», «путешествие» на деле означают уничтожение. Оставшиеся

в Германии еврейки несли те же тяготы войны, что и немецкое население: стояли в очередях за продовольствием, страдали от нехватки топлива, пищи, особенно витаминов и жиров, подвергались опасности воздушных налетов и хронически недосыпали из-за постоянных бомбардировок. Нелегальное положение порождало ряд дополнительных проблем: острую нехватку денег ввиду отсутствия стабильного заработка, отсутствие продуктовых и иных карточек, ограниченные возможности пользования транспортом и бомбоубежищами, неудобство перемещения из страха перед проверками документов. Спаслись в таких условиях могли только те, кто обладал смелостью, находчивостью, хладнокровием и выработал успешную стратегию выживания.

Некоторые выжившие в подполье немецкие еврейки оставили воспоминания, позволяющие реконструировать условия их жизни на нелегальном положении и стратегии выживания, принесшие им успех в борьбе с нацистским аппаратом террора. Одной из них, Труде Симонсон, удалось продержаться в подполье лишь пару месяцев, другие оставались нераскрытыми более двух лет. К моменту прекращения легальной жизни самой старшей из них, Эдит Хан, было 28 лет, а самая младшая, Ханни Леви, еще не достигла 19-летия. Их воспоминания стали доступны читателям спустя несколько десятилетий после Второй мировой войны, что связано с особенностями процесса «преодоления прошлого» в Германии. Самая ранняя публикация относится к концу 1970-х гг. Она принадлежит берлинской еврейке Инге Дойчкрон, которая после войны переехала в Израиль и работала журналисткой [5]. Т. Симонсон впервые выступила перед учащимися в 1978 г. и с тех пор постоянно рассказывала о своей судьбе в школах, университетах, церковных общинах, профсоюзных группах, архивах [6, с. 144]. Мария Симон диктовала свои воспоминания на магнитофон в 1997–1998 г., будучи смертельно больной, по настоянию сына. Ее книга увидела свет только в 2014 г. Также, уступив уговорам дочери, рассказала о своей судьбе и Эдит Хан. Ее книга была опубликована в 1999 г. В ней она отмечала, что «старалась забыть прошлое

и не мучить новые поколения своими грустными воспоминаниями» [7, с. 3]. Эдит Эрбрих выступала в немецких школах как современница событий с 2001 г., а книгу опубликовала в 2014 г. Лило Гюнцлер впервые выступила с публичным рассказом о своей судьбе в 2005 г., опубликовать биографию решила в 2008 г. До этого времени она соблюдала «неписанный закон молчания» и не рассказывала ничего даже мужу. Так же молчали ее родители и брат [8, с. 213]. Новые публикации воспоминаний еврейских девушек, спрятавшихся от нацистов, публикуются в Германии до сих пор [9].

Слухи о предстоящей депортации немецких евреев в Польшу распространились летом 1941 г. «Тогда мы еще не знали, что ждет евреев в Польше, но догадывались, что ничего хорошего, – рассказывает Э. Хан. – Мы думали, что Польша – это что-то вроде пустоши, которую немцы решили колонизировать, подчинив себе местных крестьян». Девушка предполагала, что в Польше придется прислуживать немецким колонистам: мыть посуду и полы, утюжить одежду. В конце года до Эдит дошли слухи о том, что нацисты убивают умственно отсталых, сумасшедших и престарелых с помощью газа, чтобы «очистить» расу. Но подобные сведения считались «перебором», «чьими-то выдумками». Доверие вызывала лишь информация о высокой смертности евреев в гетто и концентрационных лагерях. Этих сведений оказалось достаточно, чтобы Эдит в июне 1942 г. перешла на нелегальное положение [7, с. 87, 109–110]. Когда в октябре 1941 г. нацисты отправили первый транспорт из Берлина «на Восток», лишь немногие, и среди них М. Симон, были уверены в том, что депортация означает смерть. Уверенность окрепла после того, как от тети перестали поступать какие-либо известия. «Зимой 1941/42 годов надвигалась угроза, которая все больше затягивалась на моей шее, как петля. Я боялась. Точнее говоря, страх овладел мной. Я хотела спастись, но не знала как», – вспоминает она [4, с. 75, 86–87].

Желание некоторых сильных духом евреев спрятаться от властей окрепло тогда, когда стало известно, что депортация из Германии «на Восток» означает смерть. Источ-

никами информации о действительной судьбе тех, кто явился для отправки «на работы», стали солдаты-отпускники и сообщения британского радио. Семья Л. Гюнцлер получила сведения о судьбе польских евреев еще летом 1941 г., когда в отпуск с фронта приехал их сосед Зеппель Циглер. На вопрос отца Лило, «что они там делают с евреями», Зеппель ответил: «Я едва ли в состоянии это рассказывать. Они заставляют польских евреев копать себе могилы. Мужчин, женщин, стариков и дряхлых женщин и даже детей. Те, кто делает это – это не люди». Солдат посоветовал семье Гюнцлеров уехать из Франкфурта в деревню, где их никто не знает, а лучше всего – покинуть Германию [10, с. 65].

Инга Дойчкрон вспоминает, что впервые услышала о газовых камерах и расстрелах по Би-би-си в ноябре 1942 г. Сначала она не поверила британскому радио, но в то же самое время с Востока вернулся «соседский Фриц», молодой солдат, который по секрету сообщил, «что там делают с евреями» [5, с. 104, 108]. Э. Хан узнала о лагерях смерти Майданек и Аушвиц зимой 1945 г. из обращения Томаса Манна, которое транслировала Би-би-си [7, с. 240–241].

Еще до полного ухода на нелегальное положение девушки научились быстро избавляться от желтой звезды на одежде, которую они были обязаны постоянно носить с 19 сентября 1941 г., и также быстро водворять ее на прежнее место несколькими стежками. Некоторые боялись, что власти запланировали «стихийную» реакцию населения на звезды; без звезды они могли пользоваться общественным транспортом наравне с «арийцами», а не только для поездок на работу, совершать покупки в любых магазинах и в любое время, сдавать в стирку белье, посещать концерты, театры и кино [5, с. 85]. Для избавления от звезды использовались проходные подъезды домов, потому что выйти из квартиры и вернуться в нее нужно было со звездой во избежание доноса [4, с. 86]. Э. Хан решила избавиться от звезды, когда в июне 1942 г. узнала о депортациях евреев на Восток. Она выполнила задуманное в поезде, идущем из Ашерслебена в Вену: «Примерно через час после отправления поезда я отправилась в туалет. Бормоча извинения, я пробралась мимо

полицейских. Звезда была прикрыта плащом и сумкой. В туалете я разорвала нитки и кинула нашивку в сумку» [7, с. 126]. Эдит Эрбрих, первые сознательные воспоминания которой относятся к зиме 1941/42 гг., вспоминает, что мать постоянно повторяла ей: «Не забудь звезду!». Когда Эдит вместе с сестрой ходила за углем, рассыпанным возле магазина, они снимали звезды и убирали в карман. «Сегодня у нас не хватило бы на это смелости, – пишет она. – Тогда мы уже знали, что нам нельзя снимать звезды с пальто, мать постоянно повторяла нам это. Если мы куда-то выходили, то это всегда означало, что надо быть осторожными. Но к этому времени мы уже не появлялись на улице так часто, а просто погулять мы не выходили вообще» [8, с. 26].

Упоминания об избавлении от звезды встречаются и в других воспоминаниях. Л. Гюнцлер рассказывает, что во время бомбардировки Франкфурта 18 марта 1944 г. семье пришлось перейти в бомбоубежище, предназначенное для «арийцев» и отец, немец по национальности, сорвал с ее брата Гельмута звезду, «иначе он не пережил бы эту ночь. В этом убежище его линчевали бы, ведь пропаганда возлагала на евреев ответственность за все, в том числе за бомбардировки» [10, с. 128]. Даже непрочно пришитая звезда таила в себе опасности. Гестаповцы на улицах останавливали евреев и при помощи карандаша проверяли, достаточно ли прочно пришита звезда. Если им казалось, что нашивка держится плохо, несчастный попадал в концлагерь. Будучи свидетельницей таких проверок, И. Дойчкрон избавлялась от звезды другим способом: «Я сделала то, что впоследствии делала сотни раз. В пустом подъезде я сняла пальто со звездой и надела жакет без звезды, который носила в сумке. Затея была рискованная <...> Пальто на жакет я меняла много раз <...> Уловка с переменной одеждой отнюдь не была простой и легкой. Сперва нужно было отыскать место, где можно снять одежду со звездой и надеть что-то другое. Разумеется, выйти в пальто без звезды из дома, где тебя хорошо знают, я не могла. Как не могла и вернуться без звезды в этот дом». Опасны были и встречи с евреями, которые здоровались и подходили поговорить, не заметив отсут-

ствие звезды. В этом случае Инга не отвечала на приветствие и как можно скорей проходила мимо [5, с. 85].

Все еврейские девушки пытались обзавестись новыми документами – фиктивными или фальшивыми. Одни обращались за помощью к евреям, которые промышляли изготовлением фальшивых документов, другие пользовались почтовым удостоверением. Получить документ можно было у почтальона по месту жительства за пачку сигарет. Фотография клеивалась настоящая, а фамилия и имя указывались вымышленные [4, с. 138].

И. Дойчкрон, которая пряталась от гестапо более двух лет, пользовалась подлинными продуктовыми карточками, удостоверениями сотрудницы различных фирм и трудовой книжкой. Но все документы были фиктивными, купленными у владельцев или полученными в официальных инстанциях обманным путем [5, с. 113, 166].

В июле 1942 г. Э. Хан получила от своей «арийской» подруги Кристль Деннер подлинники документов – свидетельства о рождении, крещении и продовольственную карточку. В полиции Кристль заявила об утрате документов и получила копии. Так как все немецкие женщины должны были зарегистрироваться на бирже труда и «двойники» с одинаковыми именами и датами рождения были бы сразу выявлены, Эдит устроилась на работу медсестрой Германского Красного Креста (они не подлежали регистрации). Оформить себе карточку на покупку одежды она не могла по той же причине: владельцы карточек вносились в общегерманский регистр [7, с. 147].

Не раз приходилось пользоваться сомнительными документами и М. Симон. Сначала ей пожертвовала свое удостоверение личности подруга Иоганна Кох. Так как Марии было тогда 20 лет, а Иоганне 37, то на удостоверении пришлось не только переклеить фотографию, но и исправить год рождения с 1905 на 1915. С этим паспортом и фальшивым путевым предписанием вермахта ей удалось из Берлина через Вену и Загреб добраться до Болгарии. Хорватский чиновник заметил, что военное предписание фальшивое, но выписал визу [4, с. 139].

Т. Симонсон после побега из концлагеря в начале 1945 г. оказалась в группе из десяти еврейских девушек, таких же беглянок, двигавшихся в потоке беженцев по Силезии. Девушки заранее договорились отвечать на вопросы о багаже и документах, что они потеряны во время бегства. В одном населенном пункте самая энергичная участница группы, Эльвира, отправилась к обер-бургомистру, чтобы получить жилье для всех десяти человек. «Он заявил: “Вы еврейка. Я укажу на Вас, на Вас и Ваших подруг. Я прикажу вас расстрелять”. Однако потом передумал, ведь было начало 1945 года. И сделал прямо противоположное тому, что обещал Эльвире. Он выдал ей удостоверение: “Отряд из 10 девушек со старшей отряда. Прошу позаботиться о расквартировании и снабжении”. С печатью, подписью и всякой всячиной. С этой бумажонкой мы двинулись дальше. Мы приходили к обер-бургомистру деревни, и он давал нам место в пустующих домах или сараях». С этим удостоверением девушки успешно прошли одну гестаповскую проверку и были разоблачены только тогда, когда Эльвира попыталась через знакомого солдата получить фальшивое удостоверение для себя одной. В гестапо Труде язвительно сказали: «Если бы Ваша подруга не была такой легкомысленной, Вы спокойно дождались бы здесь конца войны» [6, с. 89, 97].

Девушки старались проявлять осторожность, когда приходилось вступать в любые разговоры с немцами. «Я притворялась арийкой, а значит, я должна была общаться с нацистами и нацистками, – вспоминала Э. Хан. – Да, к партии принадлежали не все, но для меня все они были нацистами. В моей ситуации делать различия между ними <...> было бы глупо и опасно: “хорошие” легко могли сдать меня, а “плохие” – спасти мне жизнь» [7, с. 207]. Ушедшие в подполье еврейки не проявляли страха или возмущения, если слышали заявления о том, что «евреев, этих иуд, нужно всех убить», старались контролировать не только свою речь, но и мимику и жесты, а если сдержат волнение не удавалось – различными способами переключали внимание собеседника [4, с. 12]. Порой они общались с немцами, едва сдерживая саркастические комментарии.

Т. Симонсон помнит свою беседу с убежденным нацистом – генерал-лейтенантом медицинской службы вермахта. «Как Вы относитесь к евреям? Вы ненавидите евреев?» – спросила я его однажды. – «Ненавидеть? Я вообще ни к кому не испытываю ненависти. Я ведь врач, естествоиспытатель. Но евреи? Я вообще не знал бы, о чем с ними говорить». – «Знал бы ты, с кем разговариваешь», – подумала я» [6, с. 96]. Сохранять спокойствие в подобных ситуациях стоило больших трудов [5, с. 164].

Все девушки – авторы воспоминаний – были студентками университетов или выпускницами гимназий. В подполье им часто приходилось жить и зарабатывать на жизнь среди простых и малообразованных людей. Они овладевали их языком (например, в рабочих кварталах германской столицы нужно было изъясняться на берлинском диалекте, чтобы не вызывать подозрений) и всячески скрывали свой интеллект. Э. Хан вспоминает, что в бытность медсестрой Германского Красного Креста ей пришлось ухаживать за крупным немецким промышленником. В одном из диалогов она потеряла бдительность и невольно выдала себя. «А вы не такая уж простая девушка, – сказал собеседник, – вы весьма умная женщина. Где вы учились?» Я вся напряглась. Во рту пересохло <...> Я чуть не выдала себя. Самое небольшое проявление воспитанного ума – знание литературы или истории в объеме, недоступном обычной австрийке – могло выдать меня столь же верно, как обрезание у мужчин. По пути домой <...> я в миллиардный раз повторяла себе, что нужно быть осторожной, что я должна прятать свой интеллект, что нужно молчать и казаться глупой» [7, с. 12–13].

М. Симон рассказывает, что однажды в разговоре с немецкими случайными собеседниками она заговорила о «Критике чистого разума» И. Канта и сразу получила замечание от подруги. Позднее Марии пришлось в течение нескольких дней общаться с венгерским офицером, тот подметил разницу между высоким уровнем ее образования и затруднительным материальным положением и решил навести справки. Девушку спас только внезапный отъезд офицера на фронт. В тре-

тий раз она вызвала подозрения женщины-библиотекаря, заметившей, что Мария интересуется книгами Теодора Фонтане. Испугавшись доноса в гестапо, девушка больше не появлялась в библиотеке [4, с. 117–118, 153–154, 289].

Как показывает анализ воспоминаний «спрятавшихся» еврейских девушек, нередкими были попытки спастись с помощью настоящего или фиктивного брака с «арийцем» или иностранцем [5, с. 47]. М. Симон сначала попыталась заключить фиктивный брак с китайцем Шу Ка Лингом, но назначенная им цена – 40 тысяч марок – была ей не по карману. Предложение китайца вступить в настоящий брак тоже не было реализовано – германские власти не дали своего разрешения, несмотря на предъявленную фиктивную справку о беременности Марии. Из-за доноса закончилась провалом и новая попытка, когда избранником Марии стал болгарский рабочий Димитр Чакалов. Хотя болгарин вызывал у нее антипатию, девушка в первые полдня знакомства добилась от него согласия на помолвку и выезд в Болгарию [4, с. 100, 120].

Э. Хан любила мужа, немца Вернера Феттера, но главную роль в ее решении сочетаться браком играла не любовь, а мотив самосохранения: «Я понимала, что с Вернером я буду в безопасности – я стану достойной домохозяйкой, женой члена партии и сотрудника компании, которая производила самолеты, сбрасывающие на Лондон бомбы. Вернер был не последним человеком. Ему доверяли, на него полагались. Конечно, быть женой такого человека гораздо безопаснее, чем быть одной» [7, с. 172].

Если для получения хотя бы временного убежища требовался сексуальный контакт с хозяином жилья, некоторые девушки шли на это, преследуя единственную цель – выжить [4, с. 13, 116, 166]. Они были вынуждены втридорога платить за жилье и терпеть капризы квартирных хозяев, подстраиваться под их образ жизни и привычки. «Мне нужно быть осторожной и молниеносно приспосабливаться к привычкам людей, которые меня принимают. Я зависела от помощи и не могла никого раздражать», – замечает М. Симон [4, с. 113].

Постоянной заботой девушек, находившихся на нелегальном положении, были поиски пропитания. В воспоминаниях не раз встречаются контрастные описания «здоровых, сытых, розовощеких немцев» [7, с. 149], продуктовый рацион которых до самого конца войны оставался хорошим, и собственного голода, который молодые еврейки не могли утолить годами. «Мы просто не понимали, как люди могли жаловаться на скудость пайков, – рассказывает И. Дойчкрон, вспоминая конец апреля 1945 г. – Для нас это было даже много, по сравнению с тем, чем мы располагали все эти годы» [5, с. 183]. Очень часто они пользовались деньгами, продуктами карточками или продовольствием «арийских» друзей или тратили средства, полученные от продажи семейного имущества. Так как эти источники приобретения продуктов были недостаточными, то девушки искали и находили другие способы прокормиться. Так, Э. Хан знакомилась на улице с молодыми немецкими солдатами-отпускниками и посещала с ними кафе. «Я была рада каждому лишнему бутерброду и пирожному», – рассказывает она. На таких встречах она старалась как можно меньше говорить и больше слушать, что было нетрудно. Если солдат предлагал встретиться еще раз, то Эдит соглашалась, но никогда не приходила на свидание [7, с. 153]. И. Дойчкрон вместе со своей матерью собирала грибы, которые составляли значительную долю их рациона. Она пишет: «Для нас осень была лучшим временем года, потому что мы почти каждый день собирали грибы в ближайшем лесочке. Грибы были не только вкусные, но и питательные» [5, с. 147, 156].

Евреи не могли купить специальный талон, без которого пребывание в лесу было смертельно опасным для них. «Дезертиров и спрятавшихся евреев, у которых не было продуктовых карточек, справедливо подозревали в том, что они собирают ягоды и грибы в лесу. Многие лесники устраивали облавы на людей без *Sammelschein* – письменного разрешения на сбор – в надежде положить к ногам своего любимого фюрера их отсеченные головы», – рассказывает М. Симон [4, с. 330].

Все авторы воспоминаний сообщают, что внешне не походили на представителей своей нации, какими их представляла нацистская пропаганда. Только Ханни Леви пришлось сразу же после ухода на нелегальное положение обесцветить волосы у знакомого парикмахера [9, с. 68]. «Арийская» внешность диктовала им одно из главных правил конспирации – ни при каких обстоятельствах не искать общения с другими «спрятавшимися», а при случайной встрече лишь обменяться быстрым взглядом и немедленно разойтись. М. Симон объясняла своей подруге: «Давай-ка будем отталкиваться от типичной карикатуры “Штюрмера” на еврея. Она имеет десять отличительных признаков: вьющиеся волосы, тучность, плоскостопие, огромный нос и так далее. Когда один человек имеет все эти признаки, то люди сразу подумают: это еврей. Но если еврей имеет только один из этих десяти отличительных признаков, то он совершенно не бросается в глаза в группе с девятью германскими типами. Но если десять евреев, каждый с одним таким отличительным признаком, сидят вместе, то это, несомненно, еврейская группа» [4, с. 206–207].

«Спрятавшиеся» подвергались постоянной опасности быть схваченными гестапо, которое завело специальную «картотеку беглецов» и использовало для поиска нелегалов еврейских шпииков. Шпиики неоднократно упоминаются в воспоминаниях как люди, встреча с которыми была чревата смертью [5, с. 137, 148]. В еврейской среде их называли *Greifer* – ловцами. М. Симон именно из-за боязни встретиться со шпииком отказалась посещать места, где встречались еврей-нелегалы для обмена новостями и товарами. «Мне нечего менять и продавать, и я не хочу никакого контакта с этими кружками. Это было бы против всяких правил конспирации», – считала она [4, с. 305].

Таким образом, выявленные в воспоминаниях способы выживания в подполье имели тем больше шансов на успех, чем больше шире был круг друзей и знакомых (не евреев), не боявшихся нацистского террора и готовых помочь с получением документов, предоставить жилье, поделиться деньгами и продовольствием. Многие авторы воспоминаний называют свое спасение чудом, потому

что очень многие немцы знали о них, но не доносили в гестапо или потому что им сопутствовало везение в безвыходных ситуациях. Успешные стратегии выживания удалось выработать тем девушкам, которые были хорошо образованы, отличались смелостью и находчивостью, умением молниеносно ориентироваться в нестандартных ситуа-

циях и приспосабливаться к меняющимся условиям.

Предпосылкой выживания стало несогласие многих немцев с антисемитской политикой гитлеровского режима, которое выражалось как в активной помощи преследуемым, так и в нежелании содействовать карательным органам нацистского государства.

Ссылки

1. Benz W. Geschichte des Dritten Reiches. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2000. 288 S.
2. Herzig A. Jüdische Geschichte in Deutschland. Von der Anfängen bis zur Gegenwart. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. 327 S.
3. Schieb B. Nachwort. Stille Helden // Räfte C. Die Unsichtbaren. Untertauchen, um zu überleben. München: Sandmann, 2017. S. 153–157.
4. Simon M. Untergetaucht. Eine junge Frau überlebt in Berlin 1940-1945. 2. Aufl. Frankfurt am Main: S. Fischer, 2014. 416 S.
5. Дойчкрон И. Я носила желтую звезду: Воспоминания. М.: Текст, 2001. 207 с.
6. Simonsohn T. Noch ein Glück. Erinnerungen. Göttingen: Wallstein Verlag, 2013. 152 S.
7. Беер Э. Х. Жена немецкого офицера. М.: АСТ, 2016. 304 с.
8. Erbrich E. Ich hab' das Lachen nicht verlernt. Neu-Isenburg: Edition momos Verlagsgesellschaft mbH, 2014. 115 S.
9. Lévy H. Nichts wie raus und durch! Lebens- und Überlebensgeschichte einer jüdischen Berliner. Berlin: Metropol Verlag, 2019. 192 S.
10. Günzler L. Endlich reden. 3. Aufl. Frankfurt am Main: Henrich Editionen, 2013. 226 S.

«We cannot Predict How Our Word will Respond...» (Pages of history)

N. L. Krylova¹

¹Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 30/1 Spiridonovka Str., Moscow 123001, Russian Federation

Research article

The article tells about the Moscow meeting dedicated to the memory of V.I. Rykova, a Russian immigrant, witness of the campaign of the Russian Black Sea Squadron to Tunisia in 1920 and a participant in the anthroposophical movement in Europe and Russia, who for many years devoted herself to the theory and practice of eurythmy.

Keyword: Russian emigration; Africa; cultural and historical heritage; interview; Russian symbolism; anthroposophy; eurythmy

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Krylova Natalia L. | E-mail: krylovanl@yandex.ru
| Doctor of Sciences in History, Professor

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» (Страницы истории)

Н. Л. Крылова¹

¹Институт Африки Российской академии наук, ул. Спиридоновка, 30/1, Москва, 123001, Российская Федерация

УДК 94; 929; 091 (130.33)

Научная статья

В статье рассказывается о московской встрече, посвященной памяти В. И. Рыковой, русской эмигрантке, свидетельнице похода Русской Черноморской эскадры в Тунис (1920 г.), участнице антропософского движения в Европе и России, посвятившей себя изучению теории и практики эвритмии.

Ключевые слова: русская эмиграция; Африка; культурное и историческое наследие; интервью; русский символизм; антропософия; эвритмия

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крылова Наталия Леонидовна | E-mail: krylovanl@yandex.ru
| Доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Некоторое время назад в мемориальном музее – квартире Андрея Белого, что на углу Арбата и Денежного переулка¹ – москвичи, петербуржцы, члены антропософского общества России, гости из Швейцарии вспоминали Валентину Рыкову – одну из последних свидетельниц и участниц (если считать таковой семилетнюю девочку) последнего похода Императорской Черноморской эскадры из Севастополя в тунисский город-порт Бизерту в 1920 г. Там прошли ее детство и отрочество.

Автору этого материала повезло больше других: весной 2014 г. довелось встретиться с Валентиной Ивановной в Женеве, где она

проживала в то время. Это было своеобразное знакомство. Валентина Ивановна приняла меня сдержанно (если не сказать неприветливо). Но, услышав о моей просьбе поделиться своими воспоминаниями, милостиво согласилась и, опираясь на собственный «*curriculum vitae*», составленный ею прежде для какой-то административной надобности в Дорнахе (Швейцария), где она провела большую часть своей жизни, принялась рассказывать.

«12.10.1913 года. Валентина Рыкова родилась в Петербурге. 1920 год. Выход семьи с флотом из Севастополя в Тунис, в Бизерту². Четыре года житья на старом корабле «Георгий Победоносец», а потом мы сошли на тунисскую землю. Учеба во французском колледже» [1, с. 346–347] – таков фрагмент ее воспоминаний.

¹ Единственный в мире уникальный музей, посвященный русскому поэту, прозаику, мыслителю, одному из представителей символизма Андрею Белому (настоящее имя Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934). Он расположен в квартире, где будущий писатель родился и прожил 26 лет. Описание ее можно найти во многих книгах и мемуарах А. Белого – в романах «Москва», «Котик Летаев», «Крещеный китаец». Обитатели квартиры и ее многочисленные гости выведены в прозе А. Белого. Поэт во второй половине жизни часто менял адреса, и только арбатская квартира оставалась для него «настоящим домом».

² Отец Валентины Ивановны, Иван Сергеевич Рыков, выпускник Морского Корпуса 1906 г., капитан второго ранга, прибыл в Тунис с Русской эскадрой, в Константинополе получив назначение командиром ледокола «Илья Муромец». Мать Валентины Ивановны – Полина Ивановна Рыкова (ур. Ефимова).

«О переходе в Бизерту я помню. Папа был старшим офицером на «Адмирале Корнилове», этот корабль последний уходил, потому что всегда флагманский последним уходит. И я помню вечер, Севастополь горит весь, и я именно ребенком не могла понять одной вещи: чувствуется страх кругом, почти осязаемый, грохот пушек (обстрел приближается), огонь всюду, вода темная и дома стоят, они в огне и все стоят <...>. Огонь-то был сзади, а я этого понять не могла и все думала, это странно как-то <...> И этот ужас, который кругом, и все это у меня осталось <...>. И, как я пишу, «Мы покидали Россию в огне, Красную Россию!»» [2, с. 161]. Все суда Черноморской эскадры оказались в бухте Каруба, военном порту Бизерты, а семьи моряков были размещены на старом крейсере «Святой Георгий Победоносец». «Этот старый крейсер стал нашим жилищем, нашим пристанищем; мы провели на нем четыре года в невообразимой скученности, тяжело переносимой взрослыми, но детям жилось счастливо в этом неожиданном и необычном месте, так хорошо подходящем для игр», – отмечает В. И. Рыкова [2, с. 151]. И не только для игр.

На судне была создана школа, где преподавали как профессиональные педагоги, так и морские офицеры. Занятия проходили очень живо, и часто школьный материал дополнялся описаниями и рассказами, которые позволяли нам глубже и лучше узнать покинутую страну. Да и любовь к чтению, столь распространенная среди русских, способствовала углублению наших знаний.

«Как мы учились на корабле <...> У нас занятия только утром были, по-моему. Потому что мы много играли тоже, потом у нас учительница французского была, совершенно очаровательная, несчастная, мы ее мучили. Не то сицилианка она была, не то еще что-то такое <...> А нам ее дали, чтобы учить французский язык. Но она, скорее, русскому научилась, чем мы французскому. А мы ни бельмеса не знали по-французски. Несколько слов, мы знали “сава” – это филин по-нашему, у них значит. Еще наш священник был очаровательный. Тот, который в хоре пел, в казацком. У него бас был замечательный. Молодой был, с такой бородкой. Я его очень любила. И он нас всех любил и называл: Вы все мои орлы. И рассказывал

очень хорошо. Он Закон божий преподавал, в общем, мы его очень любили <...>.

Тогда мы, как редкость, ели французский шоколад. В маминых записках, в которых она мои штуки записывала³, в одном месте: “У Вали завтра будет день рождения, и нам очень тоскливо, потому что нет денег чего-нибудь купить”. И вдруг письмо от тети Ляли⁴, и там она всегда посылала доллары (они там хорошо зарабатывали). И мы отправились покупать! И вот что мы купили: плиточку маленькую шоколада. Столько-то изюмчика. Несколько фиников. Потом еще какой-то кошелечек арабский. И еще что-то такое. Я поражена была – какую массу роскоши можно было купить! И потом, когда все это купили, я ей говорю: «Мама, как будто Рождество завтра!» Всего понемножечку. Это казалось чем-то потрясающим, я до сих пор вижу это <...>. Поэтому когда я говорю, например, что нам, детям, во всяком случае, было замечательно, то, думаю, что взрослым было ужасно. Я в этом не сомневаюсь, но тогда мне было хорошо, и я не могла думать за других», – вспоминает В. И. Рыкова [3].

Так пролетели четыре года жизни в этой своеобразной русской колонии в Африке. Расставание с кораблями стало тяжелым испытанием не только для взрослых, но и для детей, которых даже в столь необычных условиях воспитывали в любви к Родине и в уважении к военно-морским обычаям. Свидетельство тому – ее собственные слова:

«Первое время я даже как-то не помню. Покуда нашли какую-то квартиру, работу, по-французски не умели говорить <...> мама говорила хорошо по-французски <...> Папа, я думаю, научился <...>.

Мама рукодельница была, она очень хорошо вышивала и вообще у нее масса вкуса была. И первое время у нас была одна такая статуэтка <...> И постепенно все исчезло куда-то: надо было деньги иметь <...>.

Я под парусом любила ходить. У папы был катер, я умела так рулем править и гордо так

³ Дневники П. И. Рыковой частично опубликованы в книге «Автографы Бизерты. Дневники. Воспоминания. Размышления» [2, с. 150].

⁴ Родная сестра Полины Ивановны Рыковой, эмигрировавшая в Польшу, куда из Бизерты в 1920-е гг. переехали на некоторое время Валентина Ивановна с матерью.

пришвартоваться. Это очень приятно было. Как взрослая...» [3].

Тогда среднее образование в Бизерте можно было получить только в монастыре Сионской Божьей Матери и в коллеже для мальчиков Стефана Пишона. В. И. Рыкова вспоминает: «Монахини – это была единственная для меня школа, которая дальше вела. Поэтому я там оказалась <...>. Меня старались очень в католицизм привести, уже тащили в церковь, и тут я упала в обморок, потом меня уже оставили в покое. И мама сказала, что мне незачем здесь Ветхий Завет учить, что «она это все по-русски прочтет». В этой школе я оставалась больше года. Когда я перешла из монастыря в мужскую гимназию, там были арабы. Двое в моем классе. Я помню одного, и он что-то такое сделал, и педагог ему: «Пико» (а это очень нехорошее слово) и в зад ногой ему. С французом такое было невозможно, никто бы такого не сделал, а с арабом можно. Нет, понимаете, это было возмутительно! Но такое было возможно <...>. Одного я помню, рыженький такой, из очень богатой семьи. Меня пригласили к ним на какой-то праздник, и мы пошли с Астой. Нас принимали очень хорошо. В хорошей семье, знаете, замечательное воспитание <...>. Нет, у восточных часто есть чему поучиться...» [3].

«Наша жизнь на твердой земле постепенно организовалась вокруг двух церквей, возведенных русскими моряками, одна – в Бизерте, другая – в городе Тунисе. Мы совместно проводили праздники, наносили друг другу визиты, создали библиотеку. Книги и русские газеты, которые издавались в Париже, приносили всевозможные новости <...>. И вот однажды мама нашла сообщение своей старшей сестры <...> Через некоторое время нас пригласили в Варшаву. Мы с мамой начали готовиться к поездке» [2, с. 156].

«Во второй раз, когда я приехала к папе после Польши, я целый год пожила в Бизерте, потому что, в конце концов, сообразили, что мне надо школу заканчивать, а я все где-то и не занималась. И я поехала к папе кончать школу в Бизерте...» [3] – так рассказывала героиня данной статьи о своей жизни. Слушать ее было необычайно интересно. Помимо таланта рассказчицы, она в своих воспоминаниях твердо придерживалась двух неперемennых условий

повествования: это верность исторической правде и нежелание подгонять жизненный материал под какую-либо сюжетную схему, расшифровывать и адаптировать «под читателя или слушателя». Тогда, в весенние дни 2014-го, проведенные в обществе Валентины Ивановны, мой профессиональный интерес в основном сводился к той части ее жизни, которая проходила в Африке. Но В. И. Рыкова прожила долгую (она скончалась на 102-м году жизни в 2016 году), интересную, подвижную, богатую событиями жизнь. Судьба сложилась так, что она стала свидетельницей не только великих исторических переселений XX столетия, но и интереснейших событий «в области духа». Одним из них стала встреча русского символизма с антропософией Рудольфа Штайнера, австрийского учёного, доктора философии, эзотерика, социального реформатора, архитектора, основоположника антропософии – популярного религиозно-мистического учения, выделившегося в начале XX в. из теософии⁵ [4, с. 9].

В Европе это был период расцвета мистицизма, спиритизма, оккультных течений. Р. Штайнер призывал к получению знаний в области непознанных миров. В круг его слушателей, учеников и последователей входили: художница Маргарита Волошина (урожденная Сабашникова) и её муж поэт Максимилиан Волошин; поэт и писатель Андрей Белый и его жена, художница Ася Тургенева; актёр Михаил Чехов, востоковед Юлиан Шуцкий, художник Василий Кандинский и другие, считавшие антропософию источником духовного возрождения и вместе с тем способом развития в разных своих ипостасях актерского мастерства, пластического искусства, врачевания [5, с. 227]. Постулаты учения были близки С. Есенину, А. Скрябину, К. Малевичу – многим деятелям культуры и искусства.

Будучи ученицей Марии Штайнер фон Сиверс⁶ и близкой знакомой Аси Тургеневой («антропософской монахини», которая в пер-

⁵ В воспоминаниях содержатся подробности знакомства А. Тургеневой и А. Белого с антропософией, Р. Штайнером, со многими талантливыми людьми Серебряного века.

⁶ Вторая жена Р. Штайнера, сыгравшая значительную роль в становлении Антропософского общества. После смерти мужа занималась сохранением и публикаци-

вую декаду XX столетия к тому же сопровождала А. Белого в путешествии по Северной Африке и Ближнему Востоку), Валентина Ивановна много лет провела в уникальном духовном пространстве науки, с помощью которой возможно выразить в познавательной форме, понятной для каждого человека, основные черты духовной подосновы истории, внутреннего существа души человека, его духовного и физического здоровья [6]. Об этом периоде ее жизни много говорилось на вечерах ее памяти представителями антропософских обществ Москвы, Санкт-Петербурга⁷. В числе присутствующих были: заведующая музеем-мемориальной квартирой, заслуженный работник культуры РФ наук Моника Спивак; Юрий Глухов, до недавнего прошлого Генеральный консул РФ в Женеве; авторитетный антропософ Дорнаха Ханс Хаслер, руководитель реставрационных работ в Гетеануме⁸ и автор Путеводителя по Гетеануму.

Вот один из фрагментов автобиографии В. И. Рыковой:

«1931 год. Мой приезд в Дорнах по зову моей матери и поступление в школу Фридварт.

27.02.1935 года. Получен документ члена антропософского общества. Член отдела в Гетеануме. Диплом эвритмистки, подписанный Марией Штайнер. Начало работы на сцене в Гетеануме.

ей его творческого наследия посредством собственного издательского дома.

⁷ Впервые антропософское общество в России было зарегистрировано весной 1913 г. под названием «Русское антропософское общество». В 1923 г. Обществу было отказано в перерегистрации, его члены продолжали работать нелегально. В 1990 г. Русское антропософское общество возобновило работу как «Антропософское общество в России» (АОР) с местопребыванием в Москве (в Санкт-Петербурге имеет ветвь «София»). Его отделения существуют на Украине, в Германии. АОР является коллективным членом Всеобщего антропософского общества (ВАО) с центром в Дорнахе (Швейцария). В апреле 2012 г. и в июне 2013 г. в Санкт-Петербурге состоялись две встречи в связи со 100-летием обращений Р. Штайнера к русским антропософам.

⁸ Гетеанум — всемирный центр Антропософского движения, названный в честь Иоганна Вольфганга Гете, в городе Дорнах. А. Белый участвовал в строительстве Гетеанума вместе со своей первой женой А. Тургеневой. Она расписывала интерьеры здания, он плотничал, вырезал по дереву. Первый, деревянный, Гетеанум сгорел в 1923 г. Сейчас в Дорнахе существует второй Гетеанум — из монолитного железобетона.

1939 год. Параллельно с работой на сцене по просьбе музыкальной секции обучение на арфе, чтобы впоследствии поступить в оркестр Гетеанума. Вначале оплата обучения Дорнаха и Гетеанума, потом получила стипендию Базеля. Двойная активность (на сцене и в музыке) продолжалась в Дорнахе до 1954 года. Отправлена Марией Штайнер в Париж как эвритмистка по специальности «просьба генерального секретаря» [3].

За сухим изложением фактов скрыт огромный и интереснейший этап жизни, связанный с ее «погружением» в эвритмию — «зримую речь», попутный вид искусства, сопровождающий антропософскую идею, призванный в сценической пластике выражать и изображать то, что живет в душе, исходя из двух фундаментальных антропософских начал — света и тени, бытия и небытия.

Однако эвритмия представлена не только в своих духовно-пластических ипостасях. Эвритмия (ее называют одним из любимейших духовных детей Р. Штайнера) завоевала признание также в области педагогики и медицины⁹. В арсенале ее гармоничных, размеренных движений, согласованных со звучащим словом музыкальным звуком, присутствует и лечебный эффект, о чем много говорила сама В. И. Рыкова. Она была убеждена, что подобный музыкально-двигательный комплекс физически способен помочь взрослым и детям в восстановлении внутренней гармонии и духовно-душевной целостности. Особенное внимание В. И. Рыкова уделяла вопросам дикции, интонации и артикуляции, утверждая, что каждый звук наполнен своим неповторимым содержанием, каждый — уникален.

Неожиданно, сделав меня своей «пациенткой», Валентина Ивановна показывала, как в лечебно-эвритмической терапии избирается движение одного или нескольких звуков, которые многократно повторяются. На примерах нескольких звуков и жестов эта женщина, уже отметившая к тому времени столетие, про-

⁹ Сегодня к трем основным направлениям эвритмии — педагогической, художественной и лечебной — прибавилось четвертое направление: социальная эвритмия, которой в вальдорфской педагогической системе отводится важная роль. Она соединяет общеразвивающее и терапевтическое действия (осанка, снятие зажимов, пластичность), помогает понимать и чувствовать действия других людей.

демонстрировала мне необыкновенную гибкость и подвижность своих рук. Так, в сочетании с произносимым звуком л это производило впечатление некоего осязаемого, образующего начала, звука, стремительно летящего вслед за жестом. И даже не летящего – гармонично сочетающего звук и жест, идущий не от рук даже, а как будто от всего тела.

Художественные движения, которые соответствуют звукам речи, являются, по ее утверждению, основополагающими элементами лечебной эвритмии. К слову сказать, ученица из меня получилась не бог весть какая, сурово осужденная Валентиной Ивановной за «забалтывание» и «проглатывание» слов и звуков. Тем не менее стало понятно, что процесс этот, даже в ограниченном объеме практик, трудный; его с первого раза не повторить. Движения же звуков речи в лечебно-эвритмической терапии по своему характеру исполнения столь же многообразны, сколь многообразны по своим задачам и функциям отдельные органы и системы органов.

Вслед за Р. Штайнером, подробно изложившим эти мысли в своем труде «Основы развития врачебного искусства» [7], современные специалисты утверждают, что, выбирая определенную последовательность, количество упражнений, тщательно выстраивая способ их выполнения, можно создать комплекс, который будет оказывать терапевтическое воздействие сообразно индивидуальному состоянию конкретного пациента. Характеризуя лечебную эвритмию, ее создатель отмечал, что она «способна очень многого достичь в терапии тех или иных хронических да и острых состояний, но особенно действенной будет в профилактике подступающих болезней, в борьбе с предрасположенностью к ним» [8, с. 9]. Однако, подчеркивал Р. Штайнер, правильно использовать возможности такого врачебного знания и врачебного мастерства можно, лишь «поднявшись до тех точек зрения, из которых эти медицинские воззрения возникли» [8, с. 2]. Современной терапии с помощью эвритмии обучаются несколько лет, и специалисты работают в тесном контакте с квалифицированными врачами.

Сегодня терапия с помощью эвритмии используется в лечении широкого спектра заболеваний и патологий: сердечно-сосуди-

стых заболеваний, болезней желудочно-кишечного тракта, неврологических болезней, проблем с опорно-двигательным аппаратом, нарушений в детском развитии, при жизненных кризисах и других медицинских показаний. Она помогает в лечении душевных заболеваний, улучшает качество жизни при тяжелых хронических заболеваниях. Снова обратимся к «послужному списку» В. И. Рыковой:

«1954–1957 годы. Активная работа в эвритмии во Франции (Париж). Частные уроки в провинции Франции.

1957 год. Отъезд в Женеву по просьбе группы, которая хотела <...> идать новую жизнь антропософии (включая детский сад, эвритмику); создание антропософского центра, которым я должна была заниматься. Эвритмическая работа в институте для больных детей в швейцарской провинции, а затем в Женеве. Курсы студентов из Гренобля, Ренна и других городов...» [3].

Антропософия Штайнера нашла применение не только в медицине. Она оказала огромное влияние на педагогику. Во время наших встреч Валентина Ивановна много говорила о детях, работе с которыми посвятила не один год; неоднократно возвращалась она и к деятельности Вальдорфской школы, которая представляет собой медико-педагогический комплекс работы с детьми разных возрастов. Сама идея создания учебного заведения заслуживает отдельного рассказа. За неимением такой возможности лишь отметим, что в 1919 г. в Германии Р. Штайнер впервые применил новую методику, основывающуюся на его учении, на детях рабочих, трудившихся на табачной фабрике «Вальдорф Астория» (г. Штутгарт, Германия). Свое название методика получила от названия предприятия, где она впервые была опробована. Позже при той же фабрике стараниями Штайнера был организован и вальдорфский детский сад.

В основе вальдорфского метода лежит как его ключевой элемент безграничное уважение личности ребенка, аккуратное, ненавязчивое предоставление ему помощи для полноценного гармоничного развития личности, что особенно актуально для детей с проблемами личностного развития. Не спешить развивать интеллект ребенка, идти вслед за его интересами – вот принцип вальдорфской школы.

Развитие воображения, формирование словарного запаса ученика, освоение прикладных навыков, не механическое зазубривание, а запоминание в ходе эмоционального проживания информации – эти приемы способствуют эффективному обучению без ущерба психологическому здоровью формирующейся личности. Далеко не последнюю роль в вальдорфской педагогической системе играет учебная эвритмия, которая преподается на всех этапах обучения наряду с обычной гимнастикой. И сейчас, когда в сфере образования, в образовательных программах все больше внимания уделяется гуманизации учебного процесса, гармонизации личности ребенка, необходимо понимание того, что для развития творческой, всесторонне развитой личности важно, чтобы его физическая активность окрашивалась и эмоционально. Чтобы в учебные программы включались не только традиционные уроки физкультуры, но и предметы, направленные на духовное развитие ребенка [9].

Именно на проблемах молодого поколения сегодня специализируются педагоги вальдорфской системы и дошкольных учреждений. Комплексы движений, принятых в эвритмии (при условии, что они выполняются систематически и под руководством профессионально подготовленного специалиста), приводят к изменению физического и психического состояния пациента. Уже несколько лет принципы антропософической медицины включены в программы подготовки медиков в университетах Швейцарии, о чем рассказал Дорнаха Ханс Хаслер, который был лично знаком с Валентиной Ивановной.

Вопрос широкого использования принципов вальдорфской школы остается дискуссионным. С одной стороны, ее методики популярны во всем мире. В некоторых странах Европы подобные учебные заведения называются «свободными», «штайнеровскими школами», что не меняет суть подхода к принятым воспитательным и образовательным практикам. Например, руководство американских городов Милуоки и Детройта начало финансировать вальдорфские школы, которые были оформлены как государственные «альтернативные» школы [10]. Сегодня суммарное их количество превышает три тысячи учреждений [10]. Широко некоторые элементы вальдорф-

ской школы используются в образовательной системе на государственном уровне в Финляндии. Есть последователи методики и в России. Вальдорфские школы действуют в Москве, Ярославле, Владимире, Воронеже, Санкт-Петербурге, Уфе. Российских детских садов, ориентированных на этот метод, не менее полусотни. Атмосфера школ, наряду с всеобщим вниманием учителей к воспитанникам, делает вальдорфскую педагогику необычайно привлекательной для родителей.

С другой стороны, такая система работы с личностью – малышом, подростком, юношей – требует тщательной многолетней подготовки корпуса педагогов высокого уровня. Есть в системе и другие проблемы, нарушающие традиционный путь школьника. Например, неприемлемое для государственных стандартов образования акцентирование на мистические постулаты и доктрины, которые способны оказывать негативное влияние на содержание учебных программ. Однако, бесспорно, положительным в вальдорфской образовательной системе остается именно эвритмическая составляющая. Психотерапевты всего мира с тревогой отмечают слабое развитие эмоциональной сферы современного ребенка, частое отсутствие эмпатии у детей, их душевную вялость, безразличие к окружающему миру и людям. Не менее важная область применения лечебной эвритмии в школах XXI века – подростковые изменения опорно-двигательного аппарата (например, сколиоз, плоскостопие, косолапость), а также заболевания глаз (близорукость, дальнозоркость и др.). При правильном применении лечебной эвритмии движения благоприятно действуют на больные органы и нервную систему подростка, поскольку физическое движение напрямую связано с его внутренним миром, через который оно оказывает действие на нездоровые органы, способствует их выздоровлению.

Почему же встреча состоялась в мемориальной квартире Андрея Белого? Дело в том, что именно здесь – почти мистически случайно – оказалась, будучи в Москве, В. И. Рыкова. Она вспоминает: «... шла по Арбату и вдруг вижу – Дом-музей Андрея Белого. Тогда в его коллекции почти ничего не было, а у меня дома стояли две корзины – переписка, первые издания с дарственными надпи-

сями Асе – и я не знаю, что с ними делать» [3]. Сюда, в этот дом-музей, Валентина Ивановна позднее передала множество личных вещей, фотографий, рукописей, книг, так или иначе связанных с ее жизнью в духовном пространстве антропософии и значительно пополнивших экспозицию музея. Но лучше всего об этом периоде ее жизни опять-таки свидетельствует «послужной список» Валентины Ивановны:

«... Но это еще не конец. Это была моя «перестройка». Мне было 85 лет, и я воспользовалась временем, которое у меня освободилось, чтобы погрузиться в эвритмическую работу. Я стала продолжать работать с курсами в Москве и Петербурге, со своими эвритмистками, а также взялась за перевод книги «База эвритмии». И я во все это погрузилась. Было страшно интересно, и я была занята, понимаете? И в этой книге я массу всевозможных вещей соединила <...> Потом тексты, которые я нашла и прибавила к этой книге. Сказки, которые я немножко переделала, чтобы можно было с детьми работать. Потом я сама сказку напи-

сала тоже. И стихи. Словом, все это я собрала, и такое учебное пособие получилось. И там написано (адаптировано В. Рыковой)...» [3; 11, с. 3].

Эти хронологические наброски точно выражают сущность и темперамент В. И. Рыковой, женщины целеустремленной, волевой, организованной и чрезвычайно ответственной в делах, которые она считала исполнением своего человеческого и творческого долга перед своими духовными учителями, наставниками и новыми поколениями последователей антропософии. Ее воспоминания – не только автобиографическая хроника, но и своего рода биография культурной эпохи, причудливо сплетающей элементы африканского иммигрантского бытия с творческим познанием духовной науки, ставившей целью «братское единение людей на почве признания общих духовных основ жизни, совместную работу над исследованием духовной природы человека и изучение общего ядра в мировоззрениях и верованиях различных народов» [12].

Ссылки

1. Русская колония в Тунисе, 1920–2000. М.: Русский путь, 2008. 496 с.
2. Автографы Бизерты. Дневники. Воспоминания. Размышления. М.: Фонд им. А. А. Манштейн–Ширинской, 2012. 352 с.
3. Из интервью с В. И. Рыковой. Женева, Швейцария, апрель 2014. // Из личного архива автора. Фонд не описан.
4. Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетенаума. М.: Новалис, 2002. 138 с.
5. Хемлебен Й. Рудольф Штайнер: Биографический очерк. М.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2004. 296 с.
6. Прокофьев С. О. Духовные судьбы России и грядущие мистерии Святого Грааля. М.: Энигма, 1995. 544 с.
7. Штайнер Р., Вегман И. Основы развития врачебного искусства. СПб.: Деметра, 2008. 128 с.
8. Булатова С. Проект «Гигиена всем полезна и нужна. URL: <http://setilab.ru/ms/evr/gigiena/> (дата обращения: 12.10.2017).
9. Даган Д., Даар Дж. Можно ли считать вальдорфские школы Рудольфа Штайнера нерелигиозными? URL: http://www.k-istine.ru/sects/steiner/steiner_dagan.htm (дата обращения: 15.03. 2018).
10. Сикорская Н. Валентина Рыкова; «В моей жизни было много чудес» // Наша газета. Женева. 2011. 22 июня.
11. Annemarie Dubach. Eurithmie. Elements de Base. A. R. Traduction de ValaRikoff / Editions Anthroposopiques Romandes. Geneve: Suisse, 2003. 216 p.
12. Рудольф Штайнер – человек-загадка. URL: malltalks.ru/slava/523-shtainer-rudolf.html (дата обращения: 30.10.2017).

The Soviet-Polish War in Perception of Russia Abroad

A. V. Uriadova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Scientific article

The article presents several major lines related to the perception of the Russian emigration of the Soviet-Polish war. It examines and analyses the various points of view that have developed in exile towards to the war. Three main positions were identified: neutrality (or uncertainty), patriotism and defeatism. The key-point to different perception was the attitude to national-state building, or rather, the acceptance (partial or full) or rejection of the self-determination of the limitrophs and territorial changes in the borders of future Russia. This study is not only about perception, but also its manifestation in specific actions of emigration (written protests, activism, the creation of military units). Special attention is paid to the perception of emigration of the truce and the Riga Peace Treaty, its conditions and possible future consequences for Russia and the Russian emigrants. It is noted that the attitude to these documents was not always correlated with the attitude to the war.

Key words: Russian emigration; Russia abroad; Soviet-Polish war; Russian history; history of Poland; Riga Peace Treaty

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Uriadova Anna V. | E-mail: koukouch@mail.ru
| Doctor of Sciences in History, Professor

Советско-польская война в восприятии русского зарубежья

А. В. Урядова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 9.35(32)

Научная статья

В статье представлены несколько основных сюжетов, связанных с восприятием русской эмиграцией советско-польской войны. Были проанализированы причины появления различных точек зрения, сложившихся в эмиграции по отношению к войне. Выявлено три основных позиции: нейтралитет (или неопределенность), патриотизм и пораженчество. Причиной расхождения взглядов на войну явилось отношение к национально-государственному строительству (полное или частичное приятие или неприятие самоопределения лимитрофов) и к территориальным изменениям границ будущей России. Отношение к советско-польской войне – это не только некая политико-идеологическая позиция, но и определенные действия в соответствии с ней (письменные протесты, активизм, создание военных формирований). Особое внимание в статье уделяется итогам войны и их последствиям для будущей России и русского зарубежья. Отмечается, что не всегда отношение к данным документам коррелировалось с отношением к войне.

Ключевые слова: русская эмиграция; русское зарубежье; советско-польская война; история России; история Польши; Рижский мирный договор

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Урядова Анна Владимировна | E-mail: koukouch@mail.ru
| Доктор исторических наук, профессор

В апреле 1920 г. посол во Франции В. А. Махлаков писал послу в США Б. А. Бехметеву, что польский вопрос – самый важный вопрос, по которому среди русских нет единодушия и в нем будет нужна «отчетливая, а не виляющая политика» [1, с. 200]. Действительно, в эмиграции не было общей точки зрения по данной проблеме. Можно выделить три основные позиции: неопределившиеся (занявшие нейтральную позицию), патриоты и пораженцы. В воспоминаниях подпоручика В. С. Гвоздева, участника Белого движения на юге России, четко зафиксированы подобные настроения: «Среди наших офицеров встречались и такие, кто откровенно радовался успехам

поляков, злорадствовал в адрес большевиков и их незадачливой армии. Иные молчали, не рискуя отдать симпатии ни той ни другой стороне. У большинства же офицеров заговорили национальные чувства. Они болезненно восприняли поражение России, радовались, когда Советам удалось остановить наступление, а Первой конной армии обратить поляков в бегство...» [2].

Эмигранты не были уверены в том, что важнее для них (и России) – победа или поражение Польши. Так, бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов, в то время состоявший на службе у А. Деникина, признавался, что у него сердце разрывается на ча-

© Урядова А. В., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

сти при мысли: «желать ли потерь полякам или большевикам» [3]. Не всегда нейтралитет, который занимали те или иные деятели, был обусловлен неуверенностью: это был вопрос политический и стратегический. Так, Б. А. Бахметев рекомендовал П. Н. Врангелю остаться в советско-польском конфликте безучастным и нейтральным [1, с. 302]. Генерал не последовал совету.

Часть эмигрантов заняла патриотическую позицию, исходя из государственных (национальных) интересов России, посчитав, что в России на тот момент не было другой власти (кроме большевистской), которая оставала бы их, в том числе в польском вопросе. Подобная позиция была характерна для консерваторов [4, л. 18]. В. А. Маклакову она виделась следующим образом: «Сохранить Россию как государство для меня всего важнее, сохранить единство России и ее международное положение есть мой патриотический долг. Всякое вмешательство иностранцев в русские дела, отторжение от России известных ее частей и т. д., все это вещи, которые претят моему национальному чувству» [1, с.303].

События апреля–мая 1920 г. усилили тенденции к сплочению. В письме генерала А. А. Брусилова начальнику Всероссийского главного штаба Н. И. Раттелю [5] и его совместном воззвании с другими бывшими царскими генералами «Кo всем бывшим офицерам, где бы они ни находились» [6], он выступил с призывом отстоять Россию и не допустить ее расхищения. А. А. Брусилов так вспоминал о мотивах написания документов: «Я хотел что-нибудь предпринять, чтобы оградить Россию от Польши, вместе с тем возбудить в армии национальный дух, вернее, расшевелить национализм» [7, с. 270]. Он недоумевал, «как русские, белые генералы ведут свои войска заодно с поляками, как они не понимали, что поляки, завладев нашими западными губерниями, не отдадут их обратно без новой войны и кровопролития. Как они недопонимают, что большевизм пройдет, что это временная, тяжелая болезнь, наносная муть. А поляки, желающие устроить свое царство по-своему, не задумаются обкромсать наши границы. Я думал, что, пока большевики стерегут наши бывшие границы, пока Красная армия не пускает в бывшую Россию по-

ляков, мне с ними по пути. Они сгинут, а Россия останется. Я думал, что меня поймут там, на юге. Но нет, не поняли!..» [7, с. 270–271]. Однако в Белой армии и в эмиграции не все верили в искренность слов генералов, оставшихся в России, полагая, что их «купили» или вынудили написать данные документы.

Представители русского зарубежья собирали агентурные данные, поступавшие из России, анализировали их, приходили к заключению, что «успехи на польском фронте, создавая угрозу выхода Красной армии к границам Германии, Чехословакии, Венгрии, должны были по расчетам большевиков еще больше упрочить политическое положение Советской России и облегчить большевикам их агитационно-пропагандистскую деятельность в Западной Европе. И действительно, победы на польском фронте имели весьма крупное значение и своими дипломатическими успехами в Лондоне – большевики были обязаны больше Красной Армии, чем Каменеву и Красину» [8, л. 22–23].

Ряд эмигрантских газет и посол в США Б. А. Бахметев также отмечали определенную взаимосвязь развития советско-английских отношений с ситуацией на польском фронте. Последний полагал, что в тот момент любая внешняя война была выгодна большевикам, особенно в условиях, когда приходится защищать Россию как таковую, и, напротив, бездействие убийственно для большевиков, так как заставляет вернуться к внутренним проблемам. Применительно к Польше Европа должна была, по его мнению, гарантировать неприкосновенность границ с Запада: «Перемирие с большевиками должно обезопасить их от красных вторжений, а мудрая позиция Врангеля указывает пути для будущего» [1, с. 221]. В случае если большевики не согласятся на перемирие, – писал он, – им грозят военной помощью Польше. Бахметев скептически относился к этому, т. к. такая позиция являлась бы фактическим объявлением Западом войны России и только усилила бы общность национальных элементов с большевиками и привела бы Красную армию к новым победам [1, с. 221].

Наиболее выигрышной Бахметеву представлялась следующая позиция: «Мы всегда были и продолжаем быть против

переговоров с большевиками. Однако переговоры эти – факт, который мы бессильны изменить. С ним надо считаться и использовать в наивысшей мере. В случае если большевики пойдут на перемирие, я думаю, не следовало бы противиться тому, чтобы одним из пунктов соглашения явилась разграничительная черта на Юг» [1, с. 221]. В отличие от многих других деятелей эмиграции он опасался лишь одного, что большевики не пойдут на мир. Так и произошло в тот момент, когда были написаны эти строки, но дипломат не учел другого фактора – польского национального движения, которое, по сути, и изменило ситуацию.

Обсуждались эмиграцией и разногласия среди советских политических деятелей по вопросу войны и дальнейших внешнеполитических целей. «Правые (Г. В. Чичерин, А. В. Луначарский, Л. М. Карахан, М. Горький, Л. Б. Каменев, Л. Красин и др.) указывали, что разгром Польши, противоречащий лозунгу самоопределения народов, провозглашенному Советской властью, вызовет новые нападки и усилит агитацию против большевизма не только со стороны буржуазии и Европы, но и со стороны умеренных социалистов. В самой Польше Россия получит лишь новый ненадежный район: поляки в массе своей еще не изжили национального шовинизма. А. Луначарский предупреждал, что увлечение наступлением может привести к «серьезной интервенции и активной поддержке Южно-Русского правительства». Судя по всему, как указывалось далее в вышеупомянутых аналитических материалах, СНК это не принял во внимание и продолжил военные действия, ограничившись западными границами Польши, намереваясь не подталкивать революцию в Германии, а добиться дипломатических уступок со стороны Антанты, экономических связей с Европой, а может быть, и официального признания» [8, л. 23–24].

Интересен вывод В. А. Маклакова, относящийся к ноябрю 1920 г., касавшийся взаимоотношений с лимитрофами, в том числе с Польшей: «Словом, совершается как будто бы объединение прежней России большевистскими руками, что в некоторых политических слоях вызывает сочувствие

к большевизму» [1, с. 281–282]. И если здесь он «как будто» предполагает, то в декабре 1920 г. прямо пишет, что «в настоящее время национальная русская программа во внешней политике осуществляется именно большевиками» [1, с. 299].

Из источников видно, что не только эмигранты, но и белогвардейцы, находившиеся на территории России, сознавая, что победа Советов приведет к переброске Красной армии на Юг, нередко высказывали общность взглядов с противником – с большевиками. По мнению Е. Д. Борщукковой, «это дает основание утверждать, что в период Гражданской войны имели место случаи, когда над классовым противоборством, над классовой ненавистью возвышалось более сильное чувство – чувство любви к соотечественникам, чувство сопереживания с ними, что, по существу, представляет собой одну из сторон патриотизма» [9, с. 48]. Были и те, для кого в приоритете было поражение большевиков, в том числе с возможными уступками Польше, диапазон которых был широким: от культурной, языковой или даже административной «автономии» польских земель до признания независимости Польши.

Польский исследователь В. Станиславский пишет, что сторонниками независимости были главным образом кадеты. Они были готовы к территориальным изменениям и уменьшению российского государства в его границах, но предупреждали, что такого рода решения могут быть приняты лишь Учредительным собранием или другим представительством российского общества. Правда, оговаривается он, уступки эти не соответствовали польским чаяниям и ограничивались территорией бывшего Царства Польского. «Ни одна политическая группировка русской эмиграции (за исключением сторонников Б. Савинкова) не смирялась с потерей земель “Междуморья”, населенных “русскими племенами”...» [10].

Последние (савинковцы) не только отстаивали данную точку зрения, но и выступали за военное сотрудничество с Польшей, создание военных формирований для ее защиты (данный вопрос достаточно полно освещен в современной литературе [см., например, 11–14]). Важно отметить их наличие, по-

сколькx это не просто точка зрения на советско-польскую войну, а активная позиция, реализованная на практике.

Одним из сторонников поддержки Польши, идеологом движения савинковцев был Д. Философов. Он, как и Д. Мережковский с З. Гиппиус, эмигрировал в Варшаву, как свидетельствует очевидец Э. Войниллович, сознавая, что «Россия в одиночку восстать и возродиться не сможет». Э. Войниллович, ретранслируя его слова, писал: «Мы нуждаемся в новых варягах, и этими варягами должны быть поляки, они должны бить большевиков, победить Москву, Россию организовать и осуществить федерацию славянских народов. Если Польша не осуществит историческую миссию сейчас, никогда этот момент не повторится, и России придется упасть в объятия Германии, которая затем вместе с Россией раздавит и Польшу» [15, с. 305–306]. Киевская операция в апреле 1920 г. вызвала у всех троих большой энтузиазм. Д. Мережковский писал: «С польскими знаменами должно соединиться русское; русское войско с польским <...> Если есть начало русского войска в Польше, – хоть бы малое, то пусть оно не будет тайным. Пусть оно будет явным. И пусть благословит Польша русское знамя: за нашу и вашу свободу. Пусть скажет Польша русскому войску: на вашего и нашего врага – с Богом» [16].

Осенью 1920 г. Д. Мережковский в статье «Смысл войны» анализировал развитие событий и сложившуюся ситуацию. Главной ошибкой, по его мнению, был неясный политический, национальный и всемирный смысл войны – с кем Польша воюет: с большевиками или Россией – и предупреждал, что при заключении мира, надо избегать двусмысленности. «Если смысл войны ясен, то ответ прост. Большевики – враги России; мир с ними – с нею война; с нею мир – война с ними» [16].

Одним из представителей пораженчества был Б. Савинков. Как считал его польский соратник К. Вендзягольский, важно было «показать, что борьба молодой Польской республики с большевизмом – это борьба за судьбу и свободу Европы, а может быть, и демократии всего мира. Указание на оборонную войну давало Савинкову возможность говорить о проблеме русско-польского согласия как об историческом вопросе, чрезвычайно

важном и неотвратимом ввиду большевицкой агрессии» [17, с. 152].

Наиболее емко позицию пораженцев отражает «Программа Русского Политического Комитета в Варшаве». В ней указано, что политический смысл русской революции заключается не только в падении самодержавия, но и в утверждении принципа самоопределения народов во всей его полноте [18].

Большинство эмигрантов не принимали позиции «полонофильства» савинковцев. В. А. Маклаков отмечал: «... для нас нет худшего врага, чем большевизм, и мы против большевиков пойдем с кем угодно, не только с чертом, но и с Румынией, и поляками; дадим кому угодно независимость, потом все это образуется, но сейчас будем их бить всеми мерами, всеми способами, ничего не щадя...» [1, с. 302–303]. Особого изучения заслуживает отношение эмиграции к перемирию 12 октября и последовавшему за ним Рижскому мирному договору.

13 октября 1920 г. представитель Швейцарского отделения Русского общества Лиги наций, бывший российский посланник И. Н. Ефремов подал записку на имя IV Миланского конгресса унии с протестом против будущего подписания Рижского договора. Он писал, что русские люди никогда не признают законными международные соглашения, заключенные силами, захватившими Россию, которые удерживают ее только благодаря террору. Дело было не только в том, что договор подписан советской властью, не признаваемой эмигрантами: «Русская Ассамблея выражает в то же время сожаление, что Польша, член Лиги Наций, считается с властью, которая не принимается в обществе цивилизованных людей. Польша использовала эту ситуацию, чтобы присвоить себе земли, заселенные в основном русскими людьми» [19, л. 1–1 об.].

После окончания основных военных действий и подписания перемирия, но еще до заключения мирного договора в ноябре 1920 г. В. А. Маклаков высказывал мысль о возможности продолжения большевиками войны с Польшей, отмечая, что их шансы увеличились, допуская, что Советы могут выбрать Румынское направление для возврата в Бессарабию [1, с. 281–282].

Несмотря на то что после подписания перемирия В. Философов с восторгом отзывался о гении Ю. Пилсудского, предводителя нации и польского народа [20], тем не менее для него, Б. Савинкова, Д. Мережковского и З. Гиппиус мирные переговоры стали ударом, а сам документ – разочарованием. Они надеялись на полную победу Польши в войне, которая приведет к дальнейшей смене власти в России, и, как уже указывалось ранее, для них мир с большевиками означал войну с национальной Россией. По условиям договора они не могли продолжать свою активную антисоветскую деятельность в Польше и вынуждены были покинуть ее.

Меньшевики выступали за дипломатическое признание Советской России и не возражали против Рижского мира, несмотря на резкие обвинения со стороны других демократических групп, особенно кадетов, в том, то партия таким образом поддерживает политику расчленения России [21, с. 141–142].

Вопрос об отторжении иностранными державами отдельных частей российских земель рассматривался на Парижском совещании членов Учредительного собрания в 1921 г. Исполнительная комиссия уделила внимание критическому анализу советско-польского договора [22, с. 18–19]. На страницах печати представители русского зарубежья высказывали надежду, что на предстоящих международных конференциях будет отмечен временный характер установленных границ и они не будут закреплены юридически [23].

И. Н. Ефремов считал, что верить в искренность мирных намерений большевиков на переговорах нельзя, поскольку их цель – мировая революция: «Троцкий недаром сказал, что Польша должна быть не барьером, а мостом для движения коммунистической революции на Западе. Пропаганда эта настолько успешна, что по имеющимся сведениям польская армия действительно очень деморализована и оказывала слабое сопротивление Красной Армии» [24, л. 8] (оговоримся, что написано это было в самом конце июля 1920 г.). Возвращаясь к вопросу советско-польских отношений и рижского договора, он и позднее (в 1923 г.) на вопрос дипломатического представителя Чехии о наличии национального

и патриотического чувства у большевистских властей отвечал, что «Советы лишь играют на этом чувстве, пока это им выгодно, но предадут интересы России, как только видят в таком предательстве свою выгоду. Так было при заключении мира с Польшей» [24, л. 14–15].

По мнению большинства эмигрантов, признание территориальных границ по Рижскому договору было государственной изменой, в лучшем случае оно считалось следствием наивности и безответственности [25]. Вот что писал простой русский студент, учившийся в Познани: «Рижский мир мы восприняли как то, что нас оставили с носом» [цит. по: 26]. Как указывал В. Станиславский, «Рижский же договор был в глазах эмиграции как бы дважды неправомочным: во-первых, он закреплял переход земель, принадлежавших России, под власть иностранной державы (Польши); во-вторых, власти Польши подписали его с “узурпаторами”. Если подпись большевиков под договором рассматривалась как еще одна “государственная измена”, то Польше в этом политическом преступлении выпала роль соучастника, притом действовавшего умышленно, если принять во внимание укорененный среди русских миф о польском “Drang nach Osten”» [10]. Эмиграция выступала за пересмотр Рижского договора. Как считает вышеупомянутый автор, «радикальные круги эмиграции могли подорвать холодные, но приличные польско-советские отношения, поэтому намерения и действия такого рода рассматривались властями Польши как угрожающие польским государственным интересам». А поскольку «такого рода потенциально опасного “ревизионизма” (в отношении Рижского договора) и/или “радикализма” (в отношении СССР) придерживается подавляющее большинство “белых эмигрантов” в Польше, власти относились к ним в целом недоброжелательно». Они ограничивались в ряде прав и свобод (передвижения, создания политических партий). Отношение к ним влияло и на аполитичные массы, которым польское правительство не оказывало помощи, в отличие от большинства европейских стран. За русскими шел усиленный контроль и слежка [10].

Осознавала эмиграция и то, что подписание Рижского договора приведет к переброске сил красных и существенно ухудшит

положение белых. К тому же они полагали, что для Советов подписание и соблюдение договора – это две несвязанные вещи [см., например, 27]. Как временную меру и уловку со стороны большевиков рассматривал договор и В. А. Маклаков: «Долгое время нам казалось, что готовность большевиков подписывать какой угодно договор о расчленении России лишит их права говорить о национализме и патриотизме; <...> однако очень скоро оказалось, что все те договоры, которые большевики подписывают, их ни в чем не стесняют; все скоро поняли, что хотя это очень плохо характеризует их с моральной стороны, что в договорных отношениях с ними надежда на святость данного слова есть сущая ложь, но что если они проиграли со стороны моральной, то они столько же выиграли со стороны национальной и политической» [1, с. 302].

На временный характер договора и продолжение войны надеялась и правая русская оппозиция. В ее понимании нападение РСФСР на Польшу должно было вызвать реакцию Германии и тем неминуемо привести к военному вмешательству западных держав в российские дела. Такого развития событий

очень опасался Б. А. Бахметев. Он считал, что это стало бы концом национальной России на много десятилетий. Однако Кронштадтское восстание и народное движение в России в значительной степени подорвали возможность вооруженного нападения большевиков на Польшу, что избавило Европу и в конечном счете Россию от осложнений [1, с. 326–327].

Подводя итог, отметим, что в своем отношении к советско-польской войне русская эмиграция разделилась на несколько лагерей: патриотов, пораженцев и неопределившихся. Степень патриотизма и пораженчества также была разной. Выбор был связан прежде всего с позицией эмиграции и ее отношением к национально-территориальному вопросу будущей России и судьбе лимитрофов. Немаловажным фактором было отношение к большевикам, а точнее, к советской внешней политике. Но этот фактор влиял в меньшей степени, так как большинство русского зарубежья было уверено в недолговечности нового политического режима. Отношение к Рижскому договору не всегда напрямую коррелировалось с той позицией, которую эмигранты занимали в войне.

Ссылки

1. «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков: Переписка, 1919–1951: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 1. 568 с.
2. Гвоздев В. С. Трудное начало (Воспоминания) // Белая армия. Белое дело. 2008. № 16. URL: <http://belarm.web.ur.ru/> (дата обращения: 07.09.1971).
3. Два генерала // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № I/XIV. С. 189–199.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 5893. Оп.1. Д. 68.
5. Правда. 1920. 7 мая.
6. Правда. 1920. 30 мая.
7. Брусиллов А. А. Мои воспоминания. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. 446 с.
8. ГАРФ. Ф. 6215. Оп. 1. Д. 7. Л. 22–23.
9. Борщук Е. Д. Патриотизм в понимании противников власти Советов: По материалам альманаха «Белая армия. Белое дело» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 89. С. 43–50.
10. Станиславский В. Жизнь на обочине. Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой // Новая Польша. 2006. № 7–8 (77). С. 91–96. URL: <http://a-pesni.org/grvojna/bel-emigr/a-ziznaob.php>
11. Алексеева Д. Ю. Б. В. Савинков и русские вооруженные формирования в Польше в 1920–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 251 с.

12. Симонова Т. М. Советская Россия (СССР) и Польша: русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925). 2-е изд. М.: Квадрига, 2013. 368 с.
13. Симонова Т. М. Белые формирования в Польше («отряд русских беженцев») в 1919–1921 гг. // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 39–57.
14. Симонова Т. М. Несостоявшиеся победы: русские формирования в Польше (1919–1924) // Россия XXI. 2012. № 2. С. 24–53.
15. Хжонц П. Несбывшиеся двадцать лет. Польские годы Дмитрия Философова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2016. № 6. С. 304–313.
16. Мережковский Д. С. Смысл войны // За год: сборник статей и материалов. Варшава, 1921. URL: <http://www.mochola.org/russiaabroad/smyslvoiny.htm>
17. Вендзягольский К. Савинков // Новый журнал. 1963. № 72. С. 168–197.
18. Программа Русского Политического Комитета в Варшаве. URL: http://www.mochola.org/russiaabroad/rpkpl_prog_2.htm
19. ГАРФ. Ф. 7436. Оп.1. Д. 5.
20. Свобода. 1920. 14 окт.
21. Волин С. Меншевизм в первые годы НЭПа // Меншевики после Октябрьской революции: сборник статей и воспоминаний. Benson, VT: Chalidze Publications, 1990 С. 103–174.
22. Кошкидько В. Г., Чубыкин И. В. Парижское совещание членов Учредительного собрания 1921 г. (на материалах Пражской коллекции ГАРФ) // Зарубежная Россия, 1917–1939 гг. СПб.: Лики России, 2000. С. 16–20.
23. Руль. 1921. 1 февр.
24. ГАРФ. Ф. 5760. Оп.1. Д. 50.
25. Воля России. 1925. № 1.
26. Станиславский В. Русская эмиграция в Варшаве // Новая Польша, 2002. № 5 (31). С. 17–22. URL: <http://a-pesni.org/grvojna/bel-emigr/a-wawa.php>
27. Бич. 1920. № 11.

Vladimir Markov (V.I. Matvey): In Search of Beauty

T. M. Gavristova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Scientific article

The article is devoted to the creative searches of Vladimir Markov (Vladimir Ivanovich Matvey) - Voldemar Hans Johann Matveis (1877–1914), an artist and art theorist, one of the founders of the “Youth Union” (1910–1914), the first avant-garde association in Russia. The book «The Art of the Negroes» (1919), which was published thanks to the civil wife of the artist Varvara Bubnova after his death, became the bibliographic rarity in Soviet times. It was V. Matveys who initiated the study of the plastic art of non-Europeans, seeing the origins of new trends in sculpture and painting in the 20th century, and, in contrast to Leo Frobenius’s ideas, contributed to the spread of progressive views on the African traditions.

Keywords: Vladimir Markov (V I Matvey); V Matveis; Africa; plastic art; Leo Frobenius; «vibrations»; transcendence

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Gavristova Tatyana M. | E-mail: tanja1994@mail.ru
Doctor of Sciences in History, Professor

В. Марков (В. И. Матвей): в поисках Красоты¹

Т. М. Гавристова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94(6)+7.038
Научная статья

Статья посвящена творческим исканиям Владимира Маркова (Владимира Ивановича Матвея) – Вольдемара Ганса Иоганна Матвейса (1877–1914), художника и теоретика искусства, одного из создателей «Союза молодежи» (1910–1914 гг.) – первого в истории России объединения авангардистов. В центре внимания ставшая в советское время библиографической редкостью книга «Искусство негров» (1919 г.), изданная благодаря гражданской жене художника Варваре Бубновой после его смерти. Именно В. Матвейс положил начало изучению пластического искусства неевропейских народов, увидев в нем истоки новых направлений в скульптуре и живописи XX века, и в противовес идеям Лео Фробениуса способствовал распространению прогрессивных взглядов на традиции народов Африки.

Ключевые слова: Владимир Марков (В И Матвей); В Матвейс; Африка; пластическое искусство; Лео Фробениус; русский авангард; Василий Кандинский; Вера Бубнова; «вибрации»; трансцендентность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гавристова Татьяна Михайловна | E-mail: tanja1994@mail.ru
| Доктор исторических наук, профессор

Книга Владимира Маркова (В. И. Матвея) «Искусство негров», изданная в 15-й государственной типографии города Петербурга в 1919 году в количестве 3000 экземпляров, на протяжении десятилетий оставалась библиографической редкостью. В 2019 году – к столетию со дня выхода в свет – она была переиздана как эксклюзивное издание по требованию тиражом 30 штук [1]! В свое время книга могла стать мировым бестселлером, а ее автор – обрести славу родоначальника постколониального дискурса в изучении искусства. Однако этого не случилось в силу причин преимущественно объективного характера: ситуация в стране и мире обострилась, вслед за Первой мировой войной грянули Февральская и Октябрьская революции.

Исследования не были завершены из-за преждевременной кончины автора. В вихре ра-

дикальных перемен книга, во многом благодаря ее парадоксальности, была «замечена» узким кругом специалистов, очень скоро оказавшихся либо в эмиграции, либо в условиях жесточайшей борьбы за выживание, что, безусловно, было для них гораздо важнее поисков стиля и осмысления африканского – «чужого искусства» [1, с. 18].

Владимир Марков – псевдоним художника и теоретика искусства Вольдемара Ганса Иоганна Матвейса (1877–1914). Далее в статье будет использоваться его настоящее имя и фамилия. Сам он представлялся Владимиром Ивановичем Матвеем. Латыш по происхождению, В. Матвейс родился в Риге 13 (1) октября 1877 года; начальное художественное образование получил в Школе рисования и живописи Веньямина Блюма; в 1902 году перебрался в Санкт-Петербург, учился в Академии худо-

¹ Основу статьи составил доклад автора на научных чтениях «Африка на берегах Невы», посвященных 90-летию отдела этнографии Африки МАЭ РАН, 7 ноября 2019 года.

© Гавристова Т. М., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

жеств (1906–1914 гг.) и, не успев ее закончить, умер 16 (3) мая 1914 г. за месяц до предполагаемого выпуска.

С детства он часто и тяжело болел. Отчим присылал ему деньги из Риги в Петербург, но нерегулярно. Умер В. Матвейс внезапно от воспаления брюшины, по другим сведениям – от аппендицита. Отпевали его по лютеранскому обряду в часовне при Александровской немецкой больнице в Петербурге, похоронен он был в Риге. После смерти его гражданской жене, художнице Варваре Дмитриевне Бубновой (1886–1983), остались записные книжки, фотографии, этнографические материалы, рукописи; большую их часть она передала в отдел рукописей Исторического музея в Москве [2].

Деятельность В. Матвейса была многогранна и плодотворна. В Санкт-Петербурге он издавал ежемесячный журнал «Выставочный вестник»; вместе с друзьями инициировал создание объединения художников «Союз молодежи» (1910–1914 гг.). В его состав входили многие будущие представители русского авангарда: Владимир Татлин (1885–1953), Ольга Розанова (1886–1918), Казимир Малевич (1878/9–1935), Михаил Ларионов (1881–1964), Наталья Гончарова (1881–1962).

Заслуги В. Матвейса перед авангардом велики [3]. Он ввел в художественный контекст новые сюжеты, способствовал актуализации изучения историко-культурного наследия неевропейских народов, прежде всего пластического искусства, его символов, образов, фактуры. Проблемы, на которые он первым обратил внимание, сохранили свою актуальность вплоть до настоящего времени. Ангажированность исследований, вопреки их незавершенности и ранней смерти самого исследователя, даже в условиях социально-политических и экономических потрясений начала XX века была высока, хотя могла быть выше.

Интерес к пластическому искусству привел будущего художника к изучению культуры Африки, Океании, Северной Азии в этнографических музеях Европы, что нашло отражение в публикациях. В их числе «Принципы нового искусства» (1912 г.), «Творческие принципы в пластических искусствах. Фактура» (1914 г.), «Искусство острова Пасхи» (1914 г.) и другие. После смерти в 1919 г.,

благодаря содействию В. Бубновой, друзей и Наркомпроса, увидела свет книга «Искусство негров», намного опередившая свое время. Она, безусловно, повлияла на творческие искания представителей русского авангарда, например Василия Кандинского (1866–1944), но в лоне африканистики, если и была замечена, то гораздо позднее и за рубежом. В настоящее время ее можно рассматривать как пионерское исследование, в определенном смысле перевернувшее представление об искусстве континента.

В свете современных реалий название книги звучит не вполне корректно и даже ошибочно. С точки зрения авторитетных африканистов, вставших у истоков постколониального дискурса и прежде всего Али Мазруи, негры бывают только американскими и никакими другими [4]. В Африке живут африканцы. Однако В. Матвейс никогда не был в Африке – объектом его исследования послужили европейские коллекции «пластического искусства» [1, с. 13] континента. Он изучал их «с точки зрения эстетики» [1, с. 14].

По словам В. Бубновой, «для него прошлое и чужое искусство не было мертвым кладбищем или забытым хранилищем; это было поле, полное прекрасных растений, <...> красотой своею обязанных таинственным, но непреложным законам Божества» [1, с. 3]. Постигая «тайны пластической красоты», В. Матвейс находил «новые ее выражения» в искусстве Африки посредством созерцания и «аналитической работы». Такова была «лаборатория» исследователя [1, с. 6]. В ходе внутреннего диалога с Лео Фробениусом (1873–1938) [5], труды которого молодой ученый хорошо знал и не во всем с ним соглашался, шел процесс освоения новых форм и новой стилистики, далеких от привычных – европейских.

Знакомство с африканским искусством состоялось летом 1912 года. По совету В. Кандинского с целью сотрудничества с немецкими и французскими художниками В. Матвейс направился в Берлин, Мюнхен и Париж. Именно тогда по его совету московский коллекционер Сергей Щукин в антиквариате Бруммеров приобрел несколько африканских скульптур для своего собрания. Летом 1913 года вместе с художницей В. Бубновой В. Матвейс посетил ведущие этнографические музеи, увидел кол-

лекции Германии, Дании, Нидерландов, Великобритании, Франции и Норвегии, фотографировал и собирал материалы для публикаций о скульптуре Африки и Океании [6].

В. Матвейс восхищался точностью линий и «игрой массажи», «созданием не зверя, а его маски»; [1, с. 37, 39]; его занимали орнамент и «массивность», «символика реального» [1, с. 37]. По его мнению, «искусство негров обладает <...> неисчерпаемым богатством пластических символов» [1, с. 38], «эхом» и «шорохом» «старых красот» [1, с. 40], своей собственной аутентичностью и эксклюзивностью.

Л. Фробениус, немецкий антрополог, африканист, заинтересовался культурами народов Африки чуть раньше, чем В. Матвейс, и в течение нескольких лет также изучал их по музейным коллекциям и литературе. Результатом стала книга «Происхождение африканских культур» (1898 г.). Позднее ее автор совершил ряд экспедиций в Африку, собрал большой материал по этнографии и культуре континента, выдвинул спорную гипотезу о том, что Бенин – «сколок культуры» легендарной Атлантиды [1, с. 16]. Тезис Л. Фробениуса о том, что культура не является продуктом человеческой деятельности, был чужд В. Матвейсу. Л. Фробениус подчёркивал богатство и самобытность африканских культур как этнограф, ограничивая их содержание анахроническими традициями. Он выражал восхищение искусством йоруба, высказывая уничижительное отношение к его творцам, за что неоднократно подвергался критике со стороны нигерийского писателя, драматурга, публициста Воле Шойинки, первого африканского Нобелевского лауреата в области литературы, в том числе в его речи при вручении премии 8 декабря 1986 года [7].

В противовес Л. Фробениусу В. Матвейса восхищал «дар пластического мышления», присутствующий африканцам, что привело его к выводу о том, что «в создании мировой красоты» искусство Африки занимает свое «почетное место». Подчеркивая его специфику, он отмечал: «Конечно, это искусство другого распорядка, нежели реальное искусство Европы. Но неужели добытые негром красоты не являются расширением понятия красоты, не являются ценным взносом в сокровищницу мировой красоты? Неужели путь художника-негра был так

не правилен? И прав ли Фробениус, советуя послать в Африку европейских учителей, чтобы научить негра «чутью природы»; то есть подавить в нем «чутье красоты», умение своеобразно думать, лишить его фантазии и свободы творчества? Это, пожалуй, будет хуже работы миссионеров. Те только отбирают маски, служащие для танцев, сжигают их; эти же учителя отравят народные способности, интуитивные тайники души, ум, язык и в самом корне уничтожат появление своеобразных красот, пластических идей» [1, с. 44].

Миниатюрное издание книги В. Маркова «Искусство негров» было подготовлено на основе его личных заметок. Открывает его короткая преамбула «От редактора» (Л. Ж.), начинающаяся словами самого исследователя: «Знакомство с чуждыми нам приемами творчества должно дать новые точки отправления художественной мысли и открыть новые творческие возможности» [1, с. 11]. В итоге так и произошло. Искусство Африки стало источником вдохновения для Пабло Пикассо (1881–1973), Анри Матисса (1869–1954), Амедео Модильяни (1884–1920), Константина Бранкузи (1876–1957), Пауля Клее (1879–1940), Якоба Эпштейна (1880–1959), Генри Мура (1898–1986) и многих других художников и скульпторов, проявилось в фовизме, кубизме, экспрессионизме.

Воздействие на русское искусство африканской пластики в силу разных причин мало изучено. Геометрические узоры, коды, ритмы, игра – все то, что В. Кандинский называл «вибрациями» [8], нашло воплощение в творчестве не только русских, но и зарубежных авангардистов. Как отмечал в своей Нобелевской речи В. Шойинка, «без прошлого – нет настоящего», и не удивительно, что в дальнейшем на основе традиционной «фактуры» и символики возник африканский трансавангард.

В XX веке кросс-культурный диалог стал предметом изучения в границах философии, истории, культурной антропологии, истории искусства. В последние годы под воздействием идей постмодернизма искусствоведы обратились к проблеме взаимодействия традиций, о чем свидетельствуют разнообразные мероприятия, в том числе на родине В. Матвейса в Риге, где изучением его наследия занимается Ирена Бужинска, старший научный сотрудник

Латвийского национального художественного музея, куратор выставок, исследователь искусства начала XX века. При ее участии были организованы выставки «Волдемар Матвейс и «Союз молодежи» в Музее частных коллекций (Москва) в 2002 году; «Волдемар Матвейс и Петербург» в Государственном русском музее (Санкт-Петербург) в 2004 году; показ фотографий В. Матвейса в Фонде Генри Мура (Лидс) в 2013 году, а также выставка его фотографий и африканской скульптуры из музея на набережной Бранли в Риге в 2014 году. В 2015 году вышла в свет коллективная монография «Владимир Марков и русский примитивизм: дорога к авангарду» в соавторстве с Дж. Ховардом и З. Стротер [9].

В России прошли выставки «Варвара Бубнова. Русский авангард и японские традиции» (7 августа – 6 сентября 2019 года) в Доме-музее Марины Цветаевой (Москва), «Союз молодежи. Русский авангард 1909-1914 гг.» (2 июля – 4 сентября 2019 года) в Русском музее (Санкт-Петербург) и Еврейском музее (24 октября 2019–19 января 2020 гг.) и центре толерантности (Москва), приуроченные к 110-годовщине создания первого объединения русских авангардистов.

Имя В. Матвейса нередко упоминается параллельно с именем В. Бубновой. Его влияние на нее было велико. Они вместе учились. В. Бубнова сумела закончить Императорскую Академию художеств с золотой медалью. Знакомство с В. Матвейсом оказалось судьбоносным. Он стал ее другом и наставником, помогал по-новому смотреть на живопись. Оба могли часами говорить об искусстве. Подлинной школой для молодых художников они считали изучение произведений живописи всех народов и веков – такова точка зрения биографа В. Бубновой, куратора ее выставок, художника Александра Лозового [10].

Его отец, Николай Григорьевич Лозовой (1901–1992), учился у Павла Филонова (1882/3–1941) и К. Малевича и находился под влиянием идей В. Матвейса и В. Бубновой; Александр (родился в 1949 г.) учился у В. Бубновой, когда та жила в Сухуми, и именно от нее услышал о В. Матвейсе.

Вслед за своим гражданским мужем сама В. Бубнова на протяжении всей жизни осваивала неевропейскую стилистику, новые темы

и жанры. В 1922–1958 годах она жила в Японии, занималась преподавательской деятельностью: одной из ее учениц была маленькая Йоко Оно (родилась в 1933 г.), будущая художница и жена Джона Леннона.

В Японии В. Бубнова освоила искусство гравюры и литографии. Воздействие японских традиций и прежде всего великой культуры эпохи Эдо (1603–1868 гг.) проявилось в ее живописи, портретах и автопортретах, натюрмортах, ксилографии, исполненных разнообразными знаками, присущими культуре страны Восходящего солнца. Их перцепция в кругу российской зрительской аудитории в течение последних десятилетий радикально изменилась, во многом благодаря живописи В. Бубновой и присущему ей дару наставника – сенсея. Своим токийским студентам и позднее своим молодым коллегам она рассказывала о тех поисках, которые вели авангардисты в недрах традиционных культур [10] Китая, Японии, Африки.

В советское время к осмыслению идей В. Матвейса обращались немногие. Художница Нонна Георгиевна Хотемова (1915–1980) многократно бывала в Гане, Нигерии, Мали, Бенине, Камеруне, Чаде и других странах в 1950–1960-х годах; ее работы известны всем, кто когда-либо бывал в Институте Африки РАН: она занималась оформлением интерьеров фойе второго и третьего этажей. Ее стремление к монументальности в значительной мере является отражением взглядов В. Матвейса на пластическое искусство и близкие ему кантианские представления о пространстве и времени.

Рубеж XX–XXI веков в искусстве ознаменовался расцветом африканского модернизма. Наряду с литераторами, африканские художники вошли в мировую художественную элиту как продолжатели традиций, заложенных французскими импрессионистами, фовистами, сюрреалистами, немецкими экспрессионистами, итальянскими футуристами, русскими авангардистами. Отчасти появление африканского модернизма предрек В. Матвейс. Ни стиль, ни средства, ни используемая современными африканскими художниками техника не являются в чистом виде африканскими. Между тем эмоциональный заряд (полифония, полихромия, ритмы, коды), смысловое наполнение сюжета (образы, сим-

волы, знаки), характерная для традиционного искусства трансцендентность (абсолютная и непостижимая реальность) и игра делают африканский модернизм – трансвангард – одним из самых ангажированных направлений современного изобразительного искусства. Для корифеев африканского модернизма в настоящее время открыты все лучшие площадки мира. Их принимают в Британском музее и музее Тейт, в залах Королевской академии художеств, в музее Метрополитен, в Европе и Америке интересе к ним огромен.

В. Матвейсу сквозь пространство и время удалось, по словам В. Бубновой, лабораторным путем – извне, постичь истоки африканской трансцендентальной эстетики, открыв законы и тайны ее пластической красоты [1, с. 3–7], воплощенной ныне в творчестве признанных мастеров африканского модернизма, таких как Эль Анацуи, Йинка Шонибаре и другие [14]. Вклад В. Матвейса в развитие африканских исследований велик. И хотя в разное время африканисты пытались привлечь внимание к его идеям [11–13], в полной мере их еще предстоит изучить.

Ссылки

1. Марков В. (Матвей В.И.). Искусство негров. М., 2019. 153 с.
2. Вольдемарс Матвейс (1877–1914). URL: <https://afart.livejournal.com/16953.html> (дата обращения: 09.01.2020).
3. Волдемар Матвей и «Союз молодежи» / Рос. акад. наук, Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры и массовых коммуникаций Рос. Федерации, Комис. по изучению искусства авангарда 1910–1920-х годов ; [отв. ред. Г. Ф. Коваленко]. М.: Наука, 2005. 450 с.
4. Mazrui A. The Africans: A Triple Heritage. Boston, Toronto: Little, Brown & Company, 1986. 336 p.
5. Тишкина А. Г. Лео Фробениус: от «музейной» африканистики к созданию общей теории культуры. URL: http://www2.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-148-7/978-5-88431-148-7_06.pdf (дата обращения: 09.01.2020).
6. Бжезинска И. Лекция «Открытие африканского искусства в Европе и России в начале XX века. Владимир Марков (В. И. Матвей) и его современники». Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, 26 мая 2016. URL: <https://www.culture.ru/events/104676/lekcija-otkrytie-afrikanskogo-iskusstva-v-evrope-i-rossii-v-nachale-khkh-veka-vladimir-markov-v-i-matvei-i-ego-sovremenniki> (дата обращения: 01.11.2019).
7. Wole Soyinka Nobel Lecture. December 1986. This Past Must Address Its Present. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1986/soyinka/lecture/> (дата обращения: 07.01.2020).
8. Кандинский В. Точка и линии на плоскости. СПб.: Азбука-классика, 2008. 238 с.
9. Buzinska I., Howard J., Strother Z. S. Vladimir Markov and Russian Primitivism: A Charter for the Avant-Garde. L.: Routledge, 318 p.
10. Русский авангард и японские традиции. Гид по выставке Варвары Бубновой в Доме-музее Марины Цветаевой. URL: <https://www.mos.ru/news/item/60507073/> (дата обращения: 01.11.2019).
11. Кошевская Н. В. Марков (В. И. Матвей) и его книга «Искусство негров» // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1969. Вып. 9. С. 261–267.
12. Ковтун Е. Владимир Марков и открытие африканского искусства // Памятники культуры. Новые открытия. Л.: Наука, 1980. Вып. 7. С. 411–416.
13. Мириманов В. Книга В. И. Матвея «Искусство негров» и начало изучения африканского искусства // Изучение Африки в России. М.: Наука, 1977. С.153–162.
14. Гавристова Т. М. Неизвестная Африка: история в биографиях. Ярославль: Филигрань, 2014. 194 с.

Anti-hero images in Gabriele Galantara's caricatures

A. M. Moysinovich¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Scientific article

The article is devoted to the Italian artist Gabriele Galantara's political caricature. His works are distinguished by high artistic skills, ideological consciousness and a sharp political orientation. He created a number of memorable images of anticlericalism, imperialism, the Russian proletariat, tsar Nicholas II. As a vivid evidence of visual culture, the images created by the artist have defined current political stereotypes for a long time. Colorful and martial caricatures were printed on the pages of Italian, French and German magazines.

Keywords: satirical press; political cartoon; image; catholic church; Nikolas II

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Moysinovich Ann M. | E-mail: a.moysinovich@uniyar.ac.ru
Candidate of Sciences in History, Associate Professor

Образы антигероев в карикатурах Габриэля Галантара

А. М. Мойсинович¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94+03:19.41.09
Научная статья

Статья посвящена политической карикатуре итальянского художника Габриэля Галантара. Его работы отличаются высоким художественным мастерством, идейностью, острой политической направленностью. Им был создан ряд запоминающихся образов антиклерикализма, империализма, русского пролетариата, царя Николая II. Являясь яркими свидетельствами визуальной культуры, образы, созданные художником, на долгое время определили политические стереотипы современников. Красочные и боевые карикатуры печатались на страницах итальянских, французских и немецких журналов.

Ключевые слова: сатирическая печать; политическая карикатура; образ; католическая церковь; Николай II

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мойсинович Анна Михайловна | E-mail: a.moysinovich@uniyar.ac.ru
Кандидат исторических наук, доцент

В последнее время среди историков набирает популярность исследование визуальных источников – карикатур, открыток, фотографий и плакатов. Постепенно намечается отход от снисходительного взгляда на них к более глубокому осмыслению и разработке методики их изучения и понятийного аппарата [1; 2]. Ранее визуалистика была сферой освоения и главенства искусствоведов, культурологов и социологов. В настоящее время историки уверенно вступают на территорию некогда бывшей для них *terra incognita*, о чем свидетельствуют труды И. С. Рыбаченок, А. Г. Голикова, Т. А. Филипповой и др. [3–6].

«Визуальный поворот» [7] дает возможность переосмыслить историческую реальность в контексте истории образов, вобравших в себя политические и национальные стереотипы, пропаганду и идеологию властных элит, социальный контекст эпохи.

Политическая карикатура чутко реагирует на социальные катаклизмы, изменения политической обстановки, отражает общественное мнение и настроения социума, программирует в современниках восприятие реальности. Особое значение имеет визуальный материал кризисных эпох: войн, революций. В периоды внутренних и внешних потрясений карикатура становится орудием мощного пропагандистского воздействия, формируя в обществе определенные образы и стереотипы «друзей» и «врагов»; она способна показать актуальные политические и военные события с определенной долей юмора, пренебречь запретными темами, создать своеобразные портретные галереи политиков, государственных деятелей, монархов.

В конце XIX – начале XX в. политическая карикатура становится явлением массовым. Способствовали тому, с одной стороны, изме-

нения в технико-технологических способах печати, с другой – распространение многочисленных юмористических и сатирических периодических изданий. Не последнюю роль в становлении и развитии карикатуры сыграли художники того времени, утвердив за ней репутацию подлинного и высокого искусства.

В каждой стране были свои видные представители сатирической графики: во Франции – Э. Пуаре, более известный под именем Каран д'Аш (Caran d'Ache), Ж. Гранджюан (Jules Grandjouan), Т.-А. Стейнлен (Т.-А. Steinlen), в Германии – Т. Т. Гейне (Thomas Theodor Heine), К. А. Крюгер (Arthur Krüger), Людвиг Штутц (Ludwig Stutz), в Италии – Габриэль Галантара (Gabriele Galantara), Джузеппе Скаларини (Giuseppe Scalarini), в России – С. В. Чехонин, А. Радаков, Ре-ми и др. Они представляли разные художественные традиции и направления в живописи. Стиль каждого художника был неповторим, их работы наполнены тонкими наблюдениями, юмором, едкой иронией. Национальная специфика накладывала отпечаток на сатирическую графику, но, несмотря на это, карикатуристы были знакомы с работами иностранных коллег, находили общие точки соприкосновения, обменивались опытом, совместными усилиями создавали образы стран, правителей и пр., а иногда перерабатывали, развивали и дополняли их в соответствии с собственными взглядами, политическими убеждениями или происходящими событиями.

Начиная с конца XIX в. в Италии сатирическую графику наиболее ярко представлял художник Габриэль Галантара (или Rata Langa). Он мало известен в России, хотя у себя на родине, во Франции и Германии пользуется заслуженной славой талантливого карикатуриста.

Габриэль Галантара родился 18 октября 1865 г. в небольшом городке Монтелупоне итальянского региона Марке и происходил из древнего аристократического, но обедневшего рода. Обучался он в Болонском университете на факультете математики и одновременно посещал занятия по живописи в Академии изящных искусств. В те годы Болонья была центром насыщенной культурной жизни, где витали республиканские и антиклерикальные настроения. Именно в годы учебы Г. Галантара увлекся социалистическими идеями,

познакомился со студентом факультета литературы Гвидо Подрекка [8, р.12]. С этого времени их будет связывать долгое творческое содружество. В 1888 г. они начинают издавать периодическое издание студентов – социалистов и анархистов «Bologna ridet», на страницах которого будет отражаться политическая и культурная жизнь Болоньи. В 1892 г., вдохновленные европейскими сатирическими изданиями, в первую очередь французскими, Г. Подрекка и Г. Галантара создают самобытный еженедельник левых социалистов «L'Asino» с острыми сатирическими текстами и запоминающимися красочными рисунками [8, р. 14, 26]. Вместе с рождением нового журнала на свет появляется и знаменитая подпись художника – Rata Langa (анаграмма фамилии Galantara. – прим. авт.).

Г. Галантара был не только одним из основателей еженедельного сатирического журнала «L'Asino» («Осел»), но и художником, работы которого определяли лицо издания. Для него была характерна плакатная манера изображения, на многих карикатурах цвет играл главенствующую роль, усиливая контрастность рисунка и соединяя все элементы в единое целое. Во многом именно его художественное мастерство, идейность, острая политическая направленность производили сильное впечатление на зрителя и способствовали росту популярности журнала в Италии и за границей. Уникальность авторов издания состояла в умении влиять на образ мыслей современников, толкование и оценку событий. На страницах «L'Asino» велась пропаганда социалистических идей, крайне агрессивная и беспощадная критика итальянского правительства и католической церкви¹. В орбиту Г. Галантара – главного художника «L'Asino» – попадали не только сюжеты политической и социальной жизни Италии, но и международные отношения. Он фиксировал события из истории пролетарского движения в Италии и России, колониальной экспансии, империалистической гонки.

Со временем Г. Галантара приобрел известность и в Европе. В Германии он сотрудничал

¹ О силе воздействия журнала «L'Asino» на читателя, его растущей популярности в Италии говорит и тот факт, что с 1907 г. ему в противовес будет выходить сатирический журнал «Il Mulo» («Мул») католического и антисоциалистического толка.

с «Der Wahre Jacob», во Франции – с «L'Assiette au Beurre», сумев органично вписаться в концепцию этих изданий, не теряя своей индивидуальности.

На протяжении долгой профессиональной деятельности Г. Галантара не только создал ряд запоминающихся образов антигероев своего времени, но и задал вектор для развития целого ряда тем – антиклерикализма, пролетарского движения, русской революции 1905–1907 гг., милитаризма. Многие сюжеты получают свое развитие не только на страницах его итальянского журнала, но и в периодических изданиях других стран. Так было с французским изданием «L'Assiette au Beurre». С его руководством у художника были гармоничные рабочие и творческие отношения, сделавшие возможным выпуск серии тематических номеров, таких как «Ватикан» [9], «Жизнь в России» [10], «Русская хроника» [11], «Мир в Гааге» [12].

Антиклерикальная кампания была открыта основателями журнала «L'Asino» в 1900-е гг. Художник-социалист, верный своим убеждениям, последовательно вел борьбу с католической церковью, которая на протяжении столетий безраздельно господствовала в умах верующих. В Италии церковь осуществляла свою власть через церковные приходы, где каждый прихожанин мог удовлетворить свои духовные потребности, обратиться за помощью в случае тяжелой жизненной ситуации. В приходах, расположенных в сельских районах, среди людей бедных и среднего достатка доминирующее место занимал священник. Велика была роль и Папы Римского в жизни итальянцев. Несмотря на серьезное наступление на права и привилегии католической церкви со стороны итальянского правительства, церковь адаптировалась к новым для нее капиталистическим отношениям. К началу XX в. она владела немалыми территориями плодородных земель, имела банки, акционерные общества, различные предприятия. В глазах многих, и в первую очередь социалистов, Ватикан представлял собой крупного капиталиста, зарабатывающего значительные средства, часто не считаясь с нормами совести и морали, получая прибыль за счет несчастного крестьянского и рабочего населения.

Католическая церковь того времени имела большое влияние на религиозное сознание

простых людей Италии, авторитет священника для итальянской семьи был непререкаем. Художник задался целью низвергнуть с пьедестала своего основного противника без всякого снисхождения, акцентировав внимание обывателя на пороках католической церкви: излишнем богатстве, добытым тяжким трудом бедняков, сытости за счет голодающих крестьян и рабочих, сладострастии и лицемерии.

В период расцвета журнала «L'Asino» папский престол занимал Пий X – один из главных персонажей Г. Галантара. Вступив на престол в 1903 г., он стал проводить политику внутреннего реформирования и укрепления церкви, адаптируя ее к буржуазному обществу. В то же время он выступал против модернизма, т. е. попыток ряда церковных деятелей обновить католицизм, сделать его более привлекательным для трудовых масс, борющихся за свои права [13, с. 337, 347]. В карикатурах художника Пий X изображался с округлой, склонной к полноте фигурой, с широким лицом крестьянина, в белых одеждах. Его изображения, особенно на фоне пороков католических священников, смотрятся довольно безобидно.

Взгляды художника найдут наиболее полное воплощение в тематическом номере французского журнала «L'Assiette au Beurre» под названием «Ватикан», своего рода антицерковном памфлете. Г. Галантара создал серию рисунков, в которых в достаточно сжатой и доступной форме отразил основные пороки католического духовенства, показал противоречие между делами церкви и учением, которое она проповедовала. Так, финансовая система Ватикана, включавшая в себя банки и сберегательные кассы, нашла свое воплощение в двухчастном рисунке художника. В нем показаны, с одной стороны, каземат инквизиции – «старый офис», где вздергивают на виселице еретика, с другой – современный католический банк, в кассе которого довольный сотрудник-священник принимает деньги у народа, стоящего в очереди [9, р. 530] (рис. 1).

Карикатура «Деньги Святого Петра»² повествует о лицемерии духовенства, рассматривающего верующих только как основных поставщиков денежных средств. Центральное место

² Здесь имеются в виду деньги Ватикана, центральным сооружением которого является Собор Святого Петра – символ Римско-католической церкви.

в композиции занимает дородная фигура понтифика Пия Х. Он, в ответ на жалобы со стороны священника на резкое падение доходов, с пренебрежением сетует, что «количество дураков и невежд уменьшается с каждым днем» [9, р. 531] (рис. 2). О жажде денег, стремлении к богатству католической церкви рассказывает карикатура «Молитва», где ее глава – Пий Х – изображен, стоя на коленях, спиной к зрителю и лицом к сейфу полного богатств. Он молится своему единственному Богу – «золотому тельцу», приговаривая: «золото всемогущее, только тебя обожаю» [9, р. 532] (рис. 3). Если внимательно присмотреться к рисунку, можно увидеть эффект трансформации фигуры человека в денежный мешок, в который стекаются деньги прихожан.

Рис. 2

Деньги святого Петра

– Святейшество! Ваша прибыль падает.
– Увы! Количество дураков и невежд уменьшается с каждым днем!

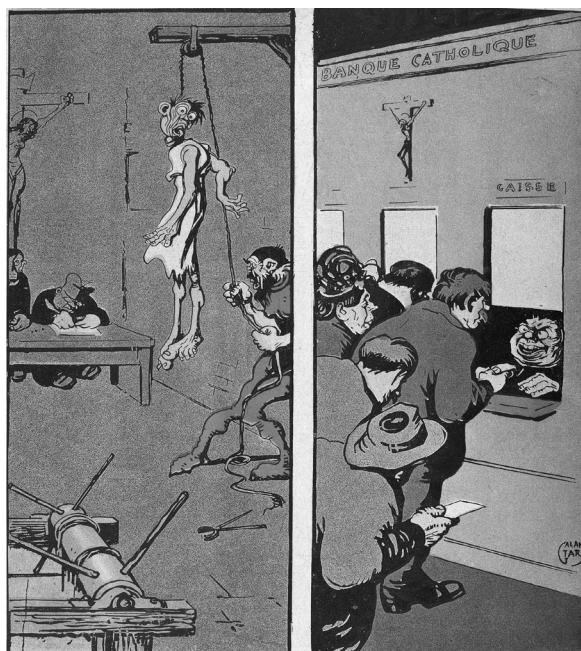

Рис. 1

Старый Святой офис ... современный офис

В итальянских и французских карикатурах Г. Галантара церковные деятели предстают в разных обстоятельствах: среди мирян, церковных церемоний, католических шествий, на приеме в Ватикане. Главные действующие лица – Папа, кардиналы и священники. Образы, созданные художником, уродливо-комичны, гротескны, подчас сюрреалистичны. В рисунках преобладают черные цвета монашеских одеяний, красные кардинальские и белые папские одежды.

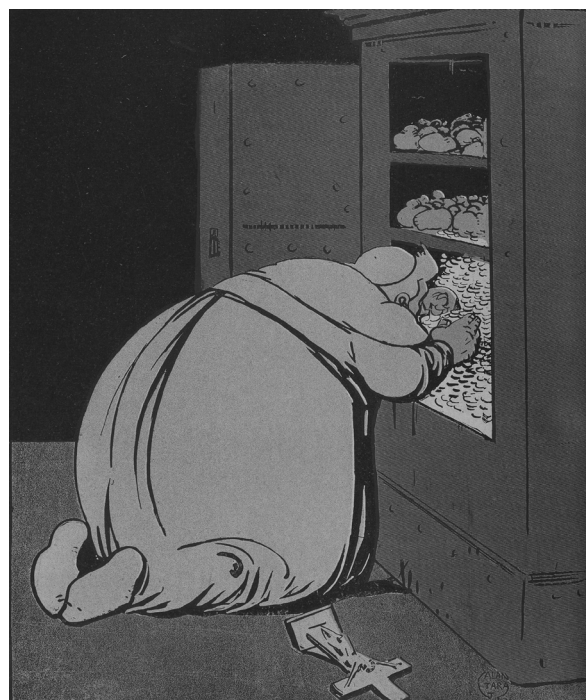

Рис. 3

Молитва

– Золото всемогущее, только тебя обожаю

Г. Галантара создал тип современного ему священника, соединив реалистичность черт с гипертрофированными, искаженными деталями, стремясь воплотить суть каждого порока. Например, фигуры тучных священников едва помещаются в пространстве рисунка, а сытые и довольные жизнью святые отцы изображаются на фоне угрюмых, крайне худых и бедно одетых прихожан. Художник рисует огромные, во весь формат листа, головы священников с широко распахнутыми, как пещеры, ненасытными ртами, куда смиренно и послушно идут толпы маленьких детей, чтобы погрязнуть в коррупции и лжи [8, p. 24] (рис. 4).

Рис. 4

Церковная школа

Пусть дети приходят ко мне и не препятствуйте им

Создавая негативный образ католической церкви, Г. Галантара не стремился к уничтожению религиозного чувства, для него главным было вырвать человека из «лап церкви». Он считал, что вера – естественное стремление человека к Богу, которое нельзя навязать или организовать. Для художника-социалиста церковь была главным орудием капитала, злом, с которым надо бороться [14, s. 51]. Г. Галантара выступает против политического, экономического и духовного господства религии. Церковь

для художника – олицетворение жадности, коррупции и институт эксплуатации и притеснения низших классов.

В период первой русской революции 1905–1907 гг. полосы иностранных сатирических журналов пестрели карикатурами на Россию и ее монарха. Не остался в стороне и Г. Галантара, создавший серию карикатур на тему русской революции. Рисунки размещались в журналах «L'Asino», «Der Wahre Jacob» и «L'assiette au Beurre». Карикатуры, опубликованные на страницах первых двух изданий, несмотря на их культурно-национальные различия, имели общий замысел, носили характер хорошо продуманных и последовательных изобразительных очерков, где центральной фигурой выступал Николай II. Своеобразные комиксы из жизни главы государства в период смуты с их яркими цветовыми акцентами были с интересом восприняты публикой. Художник изобразил русского царя одетым в военный парадный мундир с эполетами и аксельбантами, с короной на голове. На некоторых рисунках царственный убор обрамляли извивающиеся змеи, символизировавшие смертельную опасность самодержавной власти, несущей разрушения.

Иной настрой несли тематические выпуски журнала «L'assiette au Beurre» под названием «Жизнь в России» [10] и «Русская хроника» [11]. Главным героем печатных изданий был русский народ, в первую очередь пролетариат, за короткое время ставший яростным противником российского монарха и его сановников, готовым уничтожить всевластие деспота. Рисунки художника представлены в сдержанной цветовой гамме, в основном это серо-синие-коричневые и охристые тона. Г. Галантара использовал краски дозированно и сдержанно, стараясь придерживаться стиля, характерного для французского журнала «L'assiette au Beurre». Так он акцентировал внимание публики на важности происходящих событий.

Изучая карикатуры Г. Галантара, созданные для журнала «L'Asino», можно увидеть истинно итальянский темперамент художника, фанатично преданного идеям социализма и яростно осуждающего действия российского правительства. События 9 января 1905 г. потрясли не только Россию, но и все мировое сообщество. В Италии усиливаются антица-

ристские настроения демократических сил. Жестокость, с которой было подавлено выступление безоружных и беззащитных рабочих, ассоциируется с первым лицом государства – Николаем II. Г. Галантара ставит его в один ряд с убийцами и тиранами. Так, в карикатуре «После резни» перед зрителем предстает русский самодержец, принимающий необычную делегацию, состоящую из католических священников и папы римского. Возглавляет группу император Нерон. Он вручает царю «диплом на звание почетного члена Общества убийц... в отставке» [15] (рис. 5).

Рис. 5
После резни

Нерон от имени своих коллег подносит царю диплом на звание почетного члена Общества убийц... в отставке

Застывшая поза Николая передает его явное замешательство и испуг от неожиданной встречи с так называемыми «коллегами» по цеху. Художник не просто проводит аналогию между прошлым и настоящим, он подводит нас к мысли о том, что два властителя, несмотря на разные эпохи их правления, равны в своей беспощадности и равнодушии к своим бессловесным жертвам. Так, точно расставленными акцентами Г. Галантара возлагает

всю тяжесть вины за события «кровавого воскресения» на русского царя.

Г. Галантара неслучайно помещает на заднем плане рисунка представителей католической церкви. В период первой русской революции папа Пий X поддержал царя и выступил с осуждением революционного движения в России. Действия понтифика показали художнику-социалисту аналогичными злодеяниям католической церкви и русского самодержавного строя с их явным злоупотреблением властью и насилием. Свидетельство тому – карикатура «Среди коллег», где Николай II, преклонив голову и сложив руки в молитвенном жесте, принимает благословение от Папы римского за все «хорошие дела», сделанные им [16] (рис. 6). Вдалеке виднеются виселицы с висящими на них жертвами и птицы, кружащие над трупами. Для усиления впечатления от происходящего автор акцентирует внимание на руках царя, с которых капает кровь. Собранные воедино детали подчеркивают диссонанс между важностью святого действия и произошедшей совсем недавно трагедией. Еще свежи воспоминания о декабрьском восстании 1905 г. в Москве, жестоко подавленном правительственными войсками. Художник лишь подчеркнул, что в борьбе с революцией для российских властей приоритетна военная сила, а отнюдь не реформы.

К 1906 г. у художника складывается определенный образ Николая II. В нем сосредоточен весь негатив старого самодержавного строя с его жестокими расправами над народом. Со всей наглядностью это отражено в рисунке под говорящим названием «Новые убийства в России» [17] (рис. 7), где Николай II предстает выходящим из ванны, наполненной до краев кровью. Царь, центральная фигура всей композиции, изображен с ангельскими крыльями (атрибутика ангела мира в карикатурах) в красном цвете – от крови своих жертв. Художник отсылает зрителя к событиям 1898 г., когда Николай II выступил с предложением созвать мирную конференцию для обсуждения вопросов ограничения гонки вооружений и поиска средств мирного разрешения конфликтов. Только вся ирония, по мнению автора рисунка, состоит в том, что инициативы царя-миротворца, с которыми он выступал на международной арене, шли в разрез с его делами во внутренней политике.

Рис. 6

Среди коллег

– Благословляю тебя, а также благословляю все твои ... хорошие дела

Рис. 7

Новые убийства в России

Николай и... его ежедневное купание

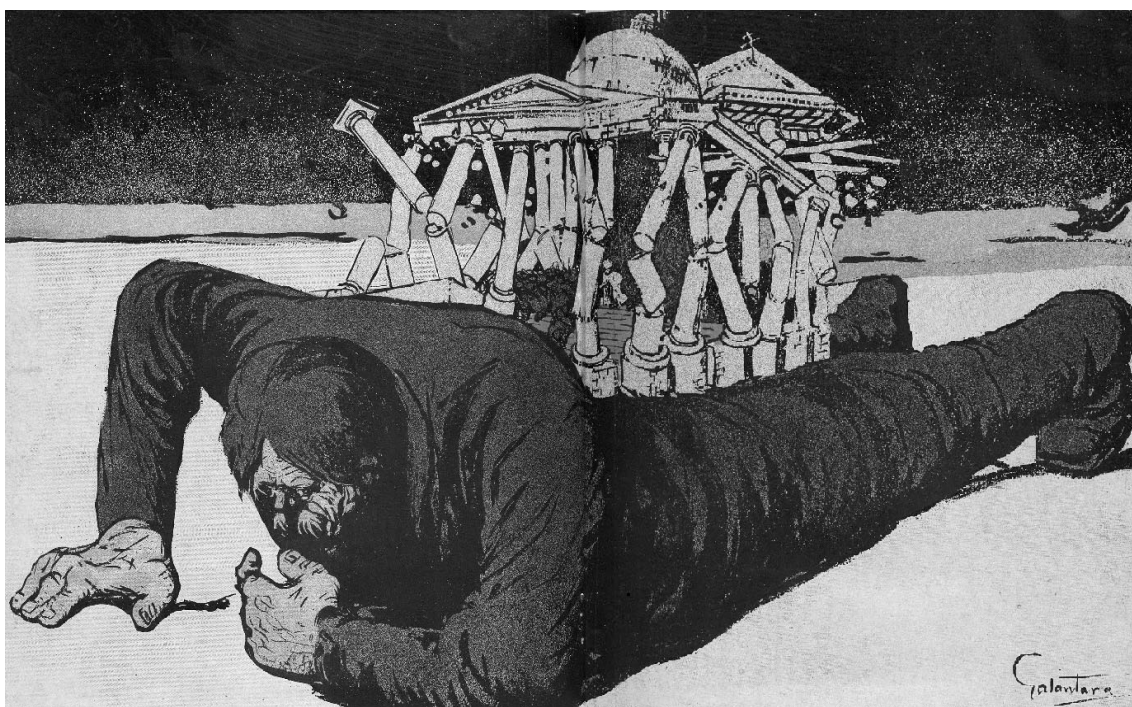

Рис. 8

Пробуждение

Работы Г. Галантара для журнала «L'assiette au Beurre» отличаются от вышеприведенных рисунков. Художник изменил манеру подачи материала, приглушил краски в угоду сложившемуся художественному формату французского издания, для которого в большей степени характерны постимпрессионистические и футуристические нотки, использование темных и неярких тонов. Он привнес в журнал свой неповторимый стиль, соотнес свой замысел с общей продуманной концепцией, не теряя индивидуального видения и оставаясь свободным.

Карикатуры Г. Галантара в «L'assiette au Beurre» – графические рисунки, с игрой света и тени, где краски служат фоном для усиления нужного автору настроения. Скупыми изобразительными средствами он акцентировал внимание на судьбоносности того, что происходило в России, создавая художественное произведение, а не скупую хронику событий. Идеалы социалистической революции, которых придерживается автор рисунков, находят воплощение в его творчестве. Художник, пользуясь случаем, пропагандировал свои взгляды в надежде на успех революции и сочувствие ей со стороны социалистов Европы.

На страницах журнала, в процессе освещения событий в России, художник создает новый образ – образ русского народа, пробуждающегося от многовекового рабства. На одном из рисунков могучий пролетарий, поднимаясь с земли, рушит стоящую на его спине, казалось бы, крепкую конструкцию самодержавного строя [10, р.728–729] (рис. 8). На другом рисунке он уже стоит, выпрямившись во весь рост, с дубинкой в руке, и пристально следит за действиями царя-лилипута. Тот, в свою очередь, в немом изумлении взирает на гиганта. Сопоставление большого и малого призвано подчеркнуть стремительность происходящих изменений в стране, где практически за один год пролетариат вырос в мощнейшую силу [10, р. 722] (рис. 9).

В этом повествовании царю отводится роль ничтожной пешки, с которой довольно легко расстаться. Художник проигрывает два сценария дальнейшей судьбы российского самодержца. С одной стороны, его ожидает мирный путь разрешения конфликта. Отставив в сторону атрибуты власти (корону и трон), он примеряет одежду простого обывателя, чтобы стать «господином Николаем» [11, р. 1263] (рис. 10).

С другой – его ожидает печальный конец: он заканчивает свою жизнь на виселице [11, р. 1265] (рис. 11). Автор не стесняется в неллицеприятных эпитетах по отношению к царственной особе. Весьма язвительна карикатура «Солитер» [11, р. 1268] (рис. 12), где Николая II приравнивают к ленточному червю, паразитирующему и живущему за счет окружающих его трудящихся людей. По мнению Г. Галантара, избавиться от наносимого им вреда, можно только отрубив ему голову.

Рис. 9
Изумление

Николай. – Как он вырос за год!

Подчеркивая унижительность положения царя, итальянский художник завершает создание его образа портретом во весь лист; название «Бесчувственный» говорит само за себя [11, р. 1270] (рис. 13). На первом плане предстает лицо Николая II, одна половина которого находится в тени и создает крайне гнетущее впечатление. Вместо одного глаза – то ли зияющая дыра, то ли дуло пушки. Другой глаз прищурен и, не мигая, хладнокровно смотрит на зрителя. Позади отчетливо видны движущиеся фигуры солдат с пушками, казаков с нагайками и бастующих на баррикадах. Галантара отразил полное безразличие царя к судьбам людей, чья участь решалась у него за спиной.

Рис. 10
Его страх

– Печально зватья: господин Николай...!

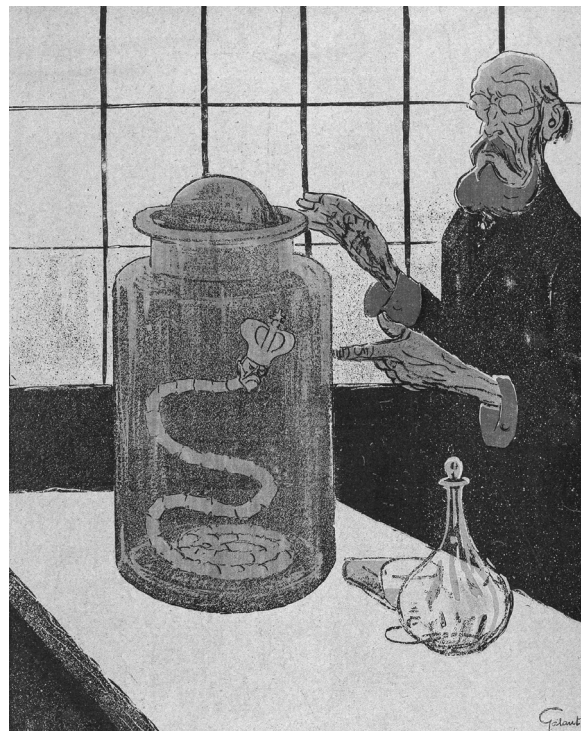

Рис. 12
Солигер

Это весьма любопытный паразит...
Чтобы предотвратить его вред, надо отрубить
ему голову

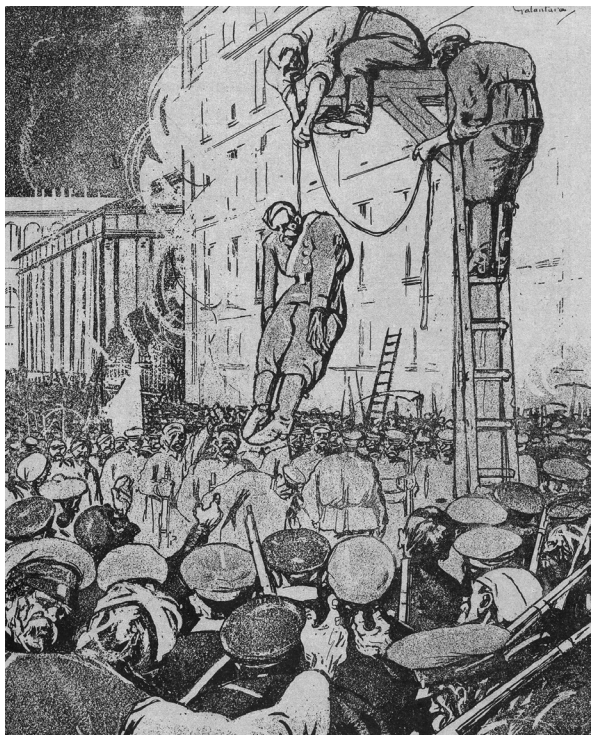

Рис. 11
Когда придет его черед

– Иди, иди, Николай! Добрый Бог требует тебя наверх!..

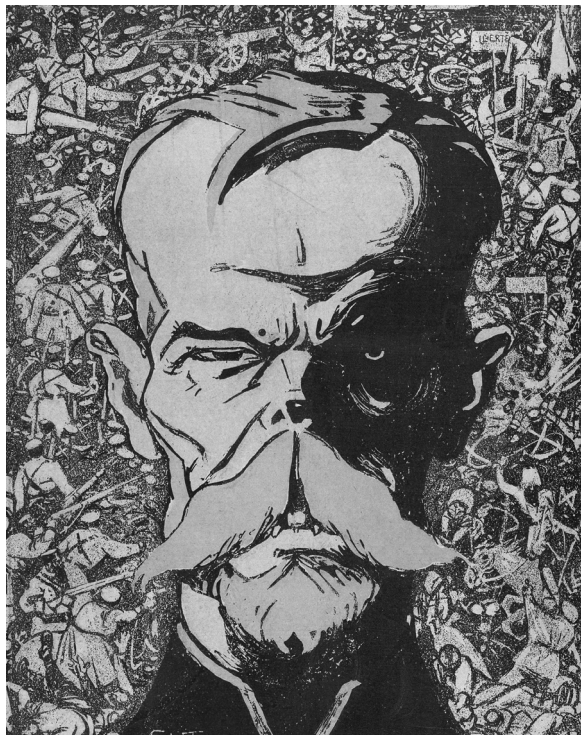

Рис. 13
Бесчувственный

На фоне революционных событий, когда главными героями дня становятся рабочие и крестьяне, а державная особа низведена до жалкой личности, рефреном проходит одна основная мысль: идея социализма должна жить, даже если ради нее придется пожертвовать тысячами людей. На рисунке «Массовые убийства» [10, р. 736] (рис. 14) художник напоминает об ожесточенных и кровопролитнейших уличных боях в период наивысшего подъема революции (октябрь–декабрь 1905 г.) и переносит зрителя в мир аллегории. Так, на первом плане можно увидеть тела погибших людей, усеявших все пространство картины, а в центре из облака дыма костра ввысь устремляется прекрасная дева: Свобода или мечта о ней, несущая в жизнь перемены, она увлекает за собой, символизируя высший смысл борьбы – силу идеи и возможность победы.

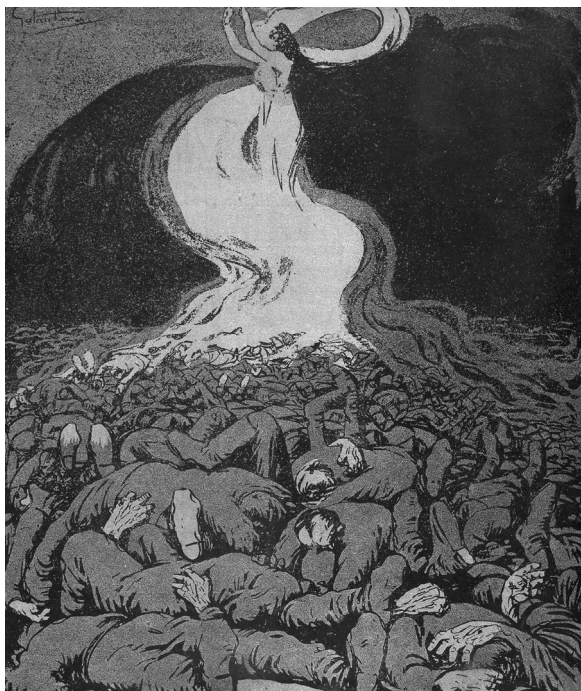

Рис. 14
Массовые убийства

– Люди падают, но идея не может умереть!

Г. Галантара, воодушевленный решительными победами первой русской революции, считает, что наступает новая русская эпоха, когда «судьба хочет, чтобы новые жизни родились в крови» [11, р. 1272] (рис. 15). Художник проповедует революционную стойкость и фа-

натизм, веру в беззаветное мужество рабочего класса, самопожертвование во имя революции и светлого будущего. Последним штрихом в его визуальной истории выступает выразительность цвета и цветовых сочетаний, которые несут в себе отголоски человеческих чувств и настроений, драматизм восприятия событий.

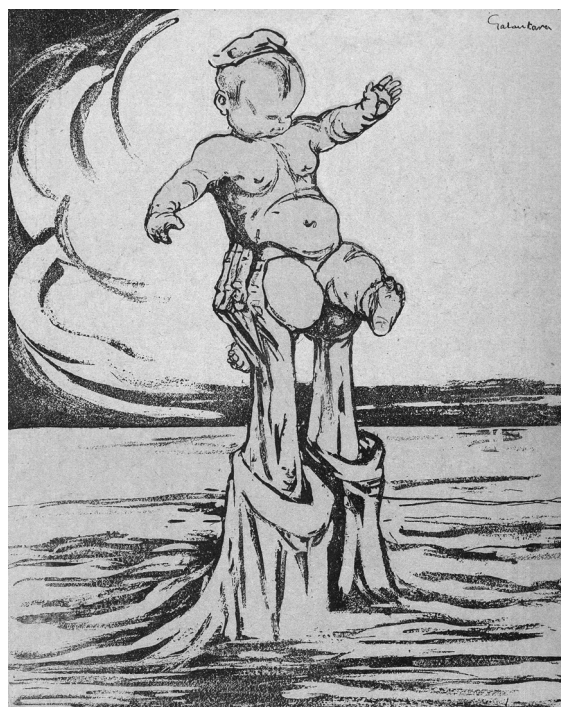

Рис. 15

Новая русская эпоха

Судьба хочет, чтобы новые жизни родились в крови

Г. Галантара, сотрудничая с итальянскими и европейскими печатными изданиями, создал галерею ярких и запоминающихся образов монархов, церковных служителей и политиков. Работы художника-социалиста отличаются острой социальной и политической направленностью, отражают его идейные убеждения. В сатирически заостренной форме он последовательно на протяжении многих лет создавал картину пороков и злодеяний католического духовенства, влиял на формирование мнения простых обывателей. Во многом, благодаря его рисункам, католическая церковь утратила свой священный и незыблемый статус, перестала быть образцом для поклонения, непогрешимой в делах веры и морали. В карикатурах художника Ватикан предстает опло-

том жадности и коррупции, погрязшим в фальши и лицемерии.

Художник вел активную борьбу против социального неравенства, выступал против милитаризма и монархического правления. Внимательно следя за событиями первой русской революции 1905–1907 гг. он создал сильные по восприятию образы пролетариата и русской революции, пропагандируя социализм как великую и созидательную

силу. Г. Галантара преклонялся перед мужеством и самопожертвованием русского народа. Драматические события, происходившие в России, повлияли на формирование крайне негативного образа Николая II. В работах художника царь предстает как олицетворение самодержавной власти, не желающий понять насущную необходимость давно назревших перемен, жестокий и равнодушный к судьбам подданных.

Ссылки

1. Мазур Л. Н. Визуальный поворот в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 95–108.
2. Соколов А. Б. Текст, образ, интерпретация: визуальный поворот в современной западной историографии // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: сборник статей / [ред. кол.: И. В. Нарский и др.]. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 10–24.
3. Голиков А. Г., Рыбаченок И. С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М.: Институт российской истории РАН, 2010. 328 с.
4. Первая мировая война на почтовых открытках / под ред. В. Крепостного и А. Медякова. Киров: Издательский дом «Крепостнов»; М.: ГАММА-ПРЕСС, 2014. Кн. 1–4.
5. Рыбаченок И. С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец, 1891–1897: Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М.: РОССПЭН, 2004. 278 с.
6. Филиппова Т. А. «Враг с Востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М.: АИРО-XXI, 2012. 384 с.
7. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.
8. Neri G.D. Galantara. Il morso dell'Asino. Milano: Edizioni del Gallo, 1965. 121 p.
9. Le Vatican // L'assiette au Beurre. 1905. 18 novembre, № 242.
10. Vive la Russie! // L'assiette au Beurre. 1906. 10 février, № 254.
11. Chronique russe // L'assiette au Beurre. 1906. 29 septembre, № 287.
12. La paix à la Haye // L'assiette au Beurre. 1907. 22 juin, № 325.
13. Гергей Е. История папства. М.: Республика, 1996. 463 с.
14. Rata Langa, ein sozialistischer Karikaturist // Arbeiter Jugent Monatsschrift des Verbandes der Sozialistischen Arbeiterjugend Deutschlands. Berlin, 1925. № 17. S. 48–51.
15. L'asino. 1905. 12 settembre. № 7. Обложка.
16. L'asino. 1906. 4 febbraio. № 5. Обложка.
17. L'asino. 1906. 1 luglio. № 26. Обложка.

«Rapid progress is increasingly attracting our attention»: Pius XII on scientific progress science

E. S. Zhdanova¹

¹Moscow State University, 1 Leninskie Gory Str., Moscow 119991, Russian Federation

Scientific article

This article is devoted to the little-studied aspect of Catholic teaching - the problem of scientific progress in Catholic thought in the period after the Second World War. The aim of the work is to find out what changes in relation to science can be found in the official documents of Pope Pius XII. As a result of the study, it was found that the pontiff did not see the contradictions between the postulates of the Catholic Church and scientific achievements. In addition, in his speeches and encyclicals, he was able to combine the Christian concept of creation of the world and the scientific discoveries of the XIX-XX centuries.

Keywords: Catholic church; Pius XII; Catholic doctrine; scientific progress

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zhdanova Ekaterina S | E-mail: Nacht1993@mail.ru
Postgraduate student

«Стремительный прогресс все больше привлекает наше внимание»: Пий XII о научном прогрессе

Е. С. Жданова¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, ул. Ленинские Горы, 1, Москва, 119991, Российская Федерация

УДК 94 (100)
Научная статья

Данная статья посвящена малоизученному аспекту католического учения – проблеме отражения научного прогресса в католической мысли периода после Второй мировой войны. Цель работы – выяснить, какие изменения по отношению к науке можно обнаружить в официальных документах папы римского Пия XII. В результате исследования было установлено, что понтифик не видел противоречий между постулатами католической церкви и научными достижениями. Кроме того, в своих выступлениях и энцикликах он смог соединить христианскую концепцию сотворения мира и научные открытия XIX–XX веков.

Ключевые слова: Католическая церковь; Пий XII; католическое учение; научный прогресс

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жданова Екатерина Сергеевна | E-mail: Nacht1993@mail.ru
Аспирант

Проблема значимости научного исследования имеет долгую историю в христианской традиции. В эпоху Средних веков отношения между наукой и католической церковью складывались сложно: церковь не препятствовала развитию научной мысли [1] (и даже поощряла ее), однако, если научные достижения очевидно нарушали христианскую традицию и ставили под сомнение основы католического учения о мире, авторы открытий не просто были порицаемы, но и могли быть казнены.

Утвердившееся в Средние века понятие «философия – служанка богословия» в Новое время постепенно теряло актуальность, а сама наука в отдельных случаях могла восприниматься как враг христианского учения. Одной из причин было изменение методов научного познания и критериев научного знания в XVI–XVII вв., что дало возможность науке окончательно обособиться от религии и начать самостоятельные поиски в вопросах происхождения Вселенной и жизни человека. Постепенное накопление знаний о мире и господствовавший раци-

онализм планомерно отодвигали религию с ее концепцией принятия неких постулатов и идей «на веру» на второй план.

Напряженные отношения между научным миром и церковью осложнило появление теории эволюции в XIX в., которая на тот момент представляла угрозу основам христианской веры. Как результат – Пий IX в 1846 г. издал свою первую энциклику «*Qui pluribus*», а уже в 1864 г. опубликовал «*Syllabus*». В них резко осуждались пантеизм, абсолютный рационализм и те заблуждения, которые ставили церковное учение в один ряд с философией. Подверглись критике и библейские общества, инициировавшие перевод Библии на национальные языки. Принятие томизма в качестве основы католического учения, дальнейшая консервация убеждений, отказ от преобразований стали причинами зарождения в религиозной среде оппозиционных мыслей, идеологии которых стремились изменить взгляды церкви.

Несмотря на стойкий консерватизм в вопросах, связанных с деятельностью ученых, католическая церковь осознавала важность научного прогресса, но в то же время хотела иметь в некоторых особо важных для нее вопросах решающий голос. Так, в 1909 г. был создан папский библейский институт. Он был передан под руководство иезуитов. В институте происходило изучение текстов Священного Писания. В 1936 году Пием XI были определены направления и задачи Папской академии наук, которые были сконцентрированы на изучении естественных наук.

Изменения происходили в отношениях церкви и науки в XX веке, однако ни один понтифик не предложил принципиально нового целостного подхода к оценке научной деятельности и процесса познания. Именно понтификат Пия XII (1939–1958 гг.) принес новый взгляд на достижения науки. Выходец из итальянской аристократии, рано начавший блестящую карьеру на церковном поприще, он был образованным и прогрес-

сивно мыслящим человеком: прекрасно знал несколько языков, был осведомлен в вопросах астрономии и физики, инициировал начало археологических раскопок под собором Святого Петра.

8 февраля 1948 г. папа выступил в Папской академии наук с речью, которая была посвящена научному прогрессу. Пий XII отмечал, что весь мир представляет собой единство замысла и его реализации, а все его наполняющее создано для прославления Бога. «Познание Бога, – обращаясь Пий XII к кардиналам, легатам и членам Папской академии, – максимальный предел, которого может достичь естественный разум» [2].

Понтифик отмечал, что повезло тому ученому, который может прочесть великую книгу природы и который сможет услышать затем отзвук своей мысли, дошедшей до людей. Именно в ней и через нее можно будет свидетельствовать миру о божественном присутствии в создании и истории вселенной. Сочетание «может прочесть» в данном контексте означает, что результаты научной деятельности не должны нарушать единства и гармонии в мире и противоречить истине. Ее понтифик определяет как божественную мудрость, слава которой «пронизывает всю вселенную и сияет ярче небесного света» [2].

Выступая перед Папской академией наук 22 ноября 1951 г. [3], Пий XII последовательно развил идею о возможности использования научных открытий в качестве обоснования христианских положений и изложил концепцию происхождения материи, доказав, что последние научные изыскания не противоречат христианским представлениям о создании Вселенной. «Да будет свет» («*fiat lux*») вполне соответствует научным исследованиям, которые сходятся на том, что «из ничего прорвалось море света». Это выступление, по сути, стало одобрением теории Большого взрыва. По мнению Пия XII, новая научная теория еще больше сблизила

церковь и науку: несмотря на то что приведенные научные факты не являлись предметом абсолютного доказательства (как утверждал понтифик), идея тем не менее набирала популярность в кругах ученых и, как следствие, все больше утверждала мысль о происхождении Вселенной из небытия. Впоследствии католический священник Жорж Леметр, который внес свой вклад в разработку этой теории, призывал понтифика не считать теорию Большого взрыва доказательством бытия Бога, так как четко разделял науку и веру и считал, что научная концепция, которая со временем может быть опровергнута, не может служить обоснованием христианских постулатов [4].

В своей энциклике «*Humani generis*» 1950 г. [5], Пий XII напомнил, что Церковь высоко ценит «человеческий разум, ибо разуму надлежит недвусмысленно продемонстрировать существование Бога». Понтифик осудил экзистенциализм, который, по его мнению, не изучает «неизменные сущности вещей», а заботится лишь о «существовании индивидуальных предметов». Отказ от постижения глубинного и изучения всеобъемлющего окружающего вводит ученых в заблуждение. Они не могут приблизиться к истине, что порождает научные споры. Более того, рассуждая о крайностях научного поиска, понтифик останавливается и на неверном пути тех ученых, которые «чем больше воспринимают слово Божие, тем больше приуменьшают ценность человеческого разума» [5].

Официальная позиция церкви не менялась: понтифик отмечал, что если внутри самих научных изысканий существует большее количество разнообразных течений, противостоящих друг другу, то это свидетельствует о необходимости живого учительного авторитета. Таким авторитетом, конечно, должна была стать католическая церковь.

Доводы ученых, как указано в энциклике, «должны будут подчиниться сужде-

нию церкви», а значит, разум должен быть наполнен той философией, которая «передавалась, как наследие, от ранних веков христианства». Опасность в процессе познания мира может скрываться либо в несоблюдении границ, установленных «ради защиты истин католической веры и учения», либо в сознательном извращении представлений об устройстве мира [6].

Вопрос о пользе науки и пределах научного познания тесно связан с вопросом войны и мира, который особенно остро встал в XX в. Наука не стояла на месте, прогресс наблюдался во всех ее направлениях, и постепенно человечество подошло к созданию оружия, способного себя уничтожить.

Создание ядерного оружия США и СССР стало поворотным моментом в развитии международных отношений. В условиях существования биполярного мира и осложнения международной обстановки в послевоенный период, угроза третьей мировой войны – атомной – грозила катастрофой всему человечеству. Политики США и СССР с попеременным успехом пытались найти компромисс в своем противостоянии. Одновременно поднимал вопрос об атомной угрозе и Пий XII, к которому еще в 1943 г. обратился немецкий физик Макс Планк с предупреждением о возможном участии в войне армий, вооруженных ядерным оружием [7].

Сама по себе церковь не выступала против научного прогресса, наоборот, всячески его одобряла. Выступая в 1949 г. на пленарном заседании Папской академии наук и обсуждая вопросы, связанные с раковыми опухолями, понтифик отмечал рост самоубийств на этой почве. Именно поэтому он призывал ученых послужить на благо человечества и найти способ побороть страшное заболевание [6]. В апостольском наставлении 1954 г., которое содержало в себе размышления понтифика на тему распространения телевидения в Италии, мы читаем: «Мы полностью признаем ценность этого яркого завоевания науки, поскольку оно является новым про-

явлением чудесного величия Бога» [9]. Научный прогресс, свидетельствующий о божественном замысле, безусловно, одобрялся католической церковью. Тем не менее Пий XII с опасением смотрел и на обратную сторону распространения телевидения, которое «не свободно от опасностей, злоупотреблений и профанаций»; эти опасения были связаны с возможной пропагандой далеко от христианских идеалов образа жизни. В данном случае ответственность за все технические изобретения должны были нести правительство, чтобы в стены домов не проник «дух материализма и гедонизма». В целом же ответственным за разрушающие последствия научного прогресса являлся ученый.

Моральная ответственность ученых перед миром за свои открытия – еще один аспект, который раскрывал в своих выступлениях понтифик. По его словам, ученый новейшего времени («толкователь книги природы», как Пий XII сказал на выступлении в академии [10]) «более пристально глядит на природу», что, конечно же, увеличивает его ответственность [3]. Уникальное единение божественного замысла и его воплощения, по убеждению понтифика, не может не представлять собой огромный интерес для ученого, который «практически чувствует биение этой вечной мудрости» в моменты получения результатов своих исследований. Благодаря им ученый «в своих поисках находит и признает следы мудрости Творца и высшего Законодателя неба и земли». Однако сложность заключается в непостижимости божественного, и именно поэтому на исследователях лежит большая

ответственность проводить свои научные изыскания не только с большим энтузиазмом, но и со смирением, так как чем больше ученый будет проникать в глубь природы, тем больше он будет осознавать свою неспособность постигнуть божественный замысел [2].

Понтификат Пия XII пришелся на время кардинальных трансформаций в международных отношениях и экономической сфере, в связи с чем католическая церковь все глубже погружалась в кризис. Изменений требовали позиции не только по экономическим, политическим и социальным вопросам, но и по вопросам, казалось бы, второстепенным для церкви. Тем не менее в своих речах, выступлениях и энцикликах Пий XII предложил новый подход к науке, с опорой на которую рационально разобрал христианское учение о создании материи. Представив науку не как врага, но как союзника церкви (что активно оспаривалось в трудах советских историков [11]), как «мощный инструмент, чтобы делать добро» [1], понтифик сделал особенный акцент на непротиворечии результатов научного исследования христианскому учению. Учитывая все крайности, в которые ученые могли бы впасть, понтифик вновь и вновь повторял тезис о моральной ответственности исследователей перед человечеством. И это было своевременно: начало использования атомного оружия грозило новой войной, результаты которой могли бы быть слишком плачевными. Курс понтифика на сближение с наукой в дальнейшем был продолжен его преемниками и с некоторыми трансформациями сохранился и до наших дней.

Ссылки

1. Вудс Т. Как католическая церковь создала западную цивилизацию. М., 2010. 278 с.
2. Discorso di Sua Santità Pio XII ai soci della Pontificia Accademia delle scienze. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xii/it/speeches/1948/documents/hf_p-xii_spe_19480208_nel-ritrovarci.html (дата обращения: 25.08.2019).

3. Discorso di Sua Santità Pio XII al cardinali, ai legati delle nazioni estere e ai soci della Pontificia Accademia delle scienze. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xii/it/speeches/1951/documents/hf_p-xii_spe_19511122_di-serena.html (дата обращения: 25.08.2019).

4. van Biezen A. *Between Religion and Science*. Georges Lemaître, Pope Pius XII and The Big Bang Theory // Student Research Conference 2014. TU Delft, The Netherlands, 2014. P. 31–33.

5. Pius XII. *Humani generis*. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xii/it/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_12081950_humani-generis.html (дата обращения: 25.08.2019).

6. Discorso per la Sessione plenaria e la Settimana di studio su «Il problema biologico del cancro». URL: <http://www.academyofsciences.va/content/accademia/it/magisterium/piusxii/7june1949.html> (дата обращения: 27.08.2019).

7. Marcelo Sánchez Sorondo. *I papi e la scienza nell'epoca contemporanea*. Milano, 2009. P. LXXXIV–564.

8. Pius XII. *Anni Sacri*. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xii/it/encyclicals/documents/hf_p-xii_enc_12031950_anni-sacri.html (дата обращения: 27.08.2019).

9. Pius XII. *I rapidi progressi*. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xii/it/apost_exhortations/documents/hf_p-xii_exh_19540101_rapidi-progressi.html (дата обращения: 27.08.2019).

10. *Ai Soci della Pontificia Accademia delle Scienze*. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xii/it/speeches/1955/documents/hf_p-xii_spe_19550424_au-moment.html (дата обращения: 27.08.2019).

11. Григулевич И. Р. *Папство. Век XX*. М.: Политиздат, 1978. 278 с.

Labor law and economics: problems of interaction

A. M. Lushnikov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Scientific article

The article discusses the prospects of interdisciplinary research on the example of labor law and economics. The author's description of the main directions of such research is given. They are associated with the study of the institution of remuneration and its new forms (options, bonuses, etc.). It is noted that such phenomena as atypical labor relations, atypical labor contracts, new labor protection requirements are largely determined by the current state of the economy. Author concludes that there are two new research programs in modern Western science, namely, «Law and Economics» and «Economic Analysis of Law». It is proved that the Law and Economics program is the most fruitful for the study of labor law problems.

Keywords: labor law; economic analysis of law; law and economics

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikov Andrei M. | E-mail: amlu0909@yandex.ru
| Doctor of Legal Sciences, Doctor of Sciences in History, Professor

Трудовое право и экономика: проблемы взаимодействия

А. М. Лушников¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 349.2

Научная статья

В статье рассмотрены перспективы междисциплинарных исследований на примере трудового права и экономики. Дана авторская характеристика основных направлений таких исследований. Они связываются с изучением института оплаты труда и ее новых форм (опционы, бонусы и др.) Отмечено, что такие феномены, как нетипичные трудовые отношения, нетипичные трудовые договоры, новые требования к охране труда, во многом определяются современным состоянием экономики. Автор делает вывод о наличии в современной западной науке двух новых исследовательских программ, а именно «Право и экономика» и «Экономический анализ права. Доказывается, что наиболее плодотворной для исследования проблем трудового права является программа «Право и экономика».

Ключевые слова: трудовое право; экономический анализ права; право и экономика

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушников Андрей Михайлович		Е-mail: amlu0909@yandex.ru Доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор
----------------------------	--	---

Междисциплинарные исследования в настоящее время очень перспективны, но в науке трудового права, к сожалению, крайне малочисленны. Более того, за такими исследованиями в значительной степени будущее нашей науки. Экономическую теорию, как и историю, социологию, психологию, политологию надо изучать именно для того, чтобы лучше понять трудовое право. Оно, как и право в целом, – социальный феномен, и понять его вне междисциплинарного диалога гуманитарных наук практически невозможно. Например, специалисты по финансовому праву достаточно плодотворно ведут исследования на стыке с экономикой [1].

На наш взгляд, при взаимодействии трудового права с экономикой важны следующие аспекты.

Во-первых, нормирование и оплата труда настолько тесно связаны с проблемами экономики, что без таких знаний обойтись просто невозможно. Так, в настоящее время при оплате труда применяются такие ее формы, как опционы, бонусы, распространены и нетрадиционные формы материального стимулирования («золотые приветствия», «золотые якоря» и др.).

Во-вторых, без знания экономики крайне трудно разрешать проблемы занятости и безработицы (временной, структурной, политической, системной, циклической и др.). Социальное страхование также неразрывно связано с экономикой, актуарными расчетами и др. Примечательно, что это в равной степени осознается как юристами, так и экономистами [2– 3].

© Лушников А. М., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

В-третьих, организация труда во многом определяется уровнем развития экономики. Именно потребности развития экономики определяют такие феномены, как нетипичные трудовые отношения и нетипичные трудовые договоры, возрастание значения авторских и информационных прав, новые требования к охране труда.

В-четвертых, надо иметь в виду, что сам тип трудового права во многом определялся типом экономики и уровнем развития общественных экономических отношений. Не случайно возникновение трудового права в современном виде совпадает с первой научно-технической революцией, его зрелая фаза – с господством конвейерного производства, а наибольший уровень развития – с этапом т. н. «демократического (социального)» капитализма (середина 40-х – середина 70-х гг. XX в.). Нетипичность в современном трудовом праве связана во многом с современным этапом развития экономики, датируемым началом 90-х гг. прошлого века (компьютеризация, роботизация, взрывной рост информационного сектора экономики и др.), в конечном итоге – с моделью «неолиберального» капитализма [4, с. 9–11].

В-пятых, в рамках междисциплинарной программы «Право и экономика» во многих странах Запада исследуют взаимное влияние трудового права и экономики, что помогает лучше разобраться с проблемами как права, так и экономики. Это может касаться широкого аспекта вопросов, начиная от целесообразности установления минимального размера оплаты труда до экономической составляющей коллективных договоров. Совсем не случайно среди зарубежных специалистов, работающих на стыке проблем права и экономики, достаточно много представителей науки трудового права (британец С. Дикин, итальянец Г. Рускони и др.).

В этом плане удачный пример дает подход, выработанный в рамках поведенческой экономики (теория «подталкивания») в русле идей экономического бихевиоризма. Он предполагает ограниченную рациональность че-

ловека, что открывает возможность нового подхода к правовому регулированию общественных отношений. Отметим, что данный подход идет на стыке экономики и психологии и в этом смысле достаточно продуктивен. Он предполагает акцент на диспозитивные нормы и в целом «мягкое право», на процедуру «умолчания» для выбора наиболее приемлемой модели поведения, когда не требуется дополнительного заявления или другого волеизъявления. Частично обозначенные приемы уже используются как на Западе, так и в России.

Согласно данному подходу, признается необходимость наличия императивных норм охраны труда (исключающий причинение существенного вреда здоровью работника даже с его согласия за денежную компенсацию), защиты трудовправовой информации, может также предусматриваться обязательность выбора одной из пенсионных схем [5] и др.

В этой связи необходимо сделать ряд вводных методологических замечаний.

1. На наш взгляд, в настоящее время наметились два подхода к изучению проблем права и экономики.

Первый подход предполагает междисциплинарные исследования на стыке названных наук (собственно, «право и экономика»). Отметим, что мы принципиально неразличаем междисциплинарные и мультидисциплинарные исследования. Первые предполагают исследования на равных, а вторые допускают взаимное дополнение. На наш взгляд, мультидисциплинарные исследования являются видом междисциплинарных. Это наиболее распространенный и плодотворный вид исследований в интересующем нас аспекте. В западной литературе это направление иногда именуют как «экономический анализ права», или «право и экономик» (Law and Economics). К сожалению, вышеназванные направления зачастую и без основания используют как синонимы, о чем будет сказано ниже, зачастую и без основания используют как синоним «экономического анализа права».

Такие исследования в любом случае предполагают изучение взаимного влияния проблематики названных дисциплин, их дополнение и обогащение [6–8]. Их перспективность в отраслевом аспекте сомнений не вызывает. Обратимся для примера к «вечной проблеме» влияния трудового права на экономическую эффективность. Четких критериев определения негативных или позитивных последствий такого влияния нет, однако многие сторонники экономического либерализма склоняются к отрицательному влиянию трудового права на экономический рост. Между тем комплексное экономико-правовое исследование показало, что даже в период экономического кризиса такое влияние либо нейтральное, либо положительное [9]. При этом стоит иметь в виду, что само существование развитого трудового права благотворно влияет на экономику, выполняя помимо социальной (защитной), еще и экономическую функцию, без которой невозможно существование сколько-нибудь цивилизованного бизнеса (подбор и расстановка кадров, определение системы оплаты труда и ее стимулирующей направленности и др.). При этом как экономисты, так и юристы отмечают, что именно право обеспечивает справедливость, тогда как экономика традиционно ориентируется на экономическую эффективность [10].

Второй подход – в духе «экономического анализа права». Его мы принципиально разделяем с «правом и экономикой». «Экономический анализ права» – сугубо экономическое направление научных исследований (исследовательская программа) и экономическая учебная дисциплина и в крайних формах никакой междисциплинарной диалогичности не предусматривает. Это просто превращение методологии экономической науки в основу изучения правоведения.

Стоит отметить, что «экономический анализ права» представляет собой практически сугубо американское явление; наиболее яркие представители – американцы Г. Беккер и Р. Познер. Оно мало распространено вне пределов США, ведущим во всем мире

является именно «экономика и право». Перспективы исследований в таком жанре для трудового права весьма туманны, однако он может использоваться только в «гомеопатических дозах» при изучении опять же только некоторых сугубо экономических отношений и при наличии определенных условий (прежде всего заработной платы и нормирования труда).

Попытка универсализации «экономического анализа права» ведет к весьма курьезным результатам и зачастую контрпродуктивна. Так, экономический анализ трудового права, проведенный вышеназванным американским экономистом и юристом Р. Познером, а равно аналогичные исследования американского экономиста А. Гринспена и А. Вулдриджа, дали совершенно неожиданные и даже сенсационные для специалистов по трудовому праву результаты. Например, они пришли к выводу, что профсоюзы мешают свободному функционированию рынка труда, препятствуют повышению производительности труда. Все аргументы в пользу важности социального партнерства при этом сразу были отвергнуты. Вообще, неприятие экономистами либерального направления любой профсоюзной активности работников вызывает даже некоторое удивление.

Вышеназванные авторы пришли к выводу, что законы о труде затрудняют куплю-продажу рабочей силы и представляют собой излишнее государственное вмешательство в дела бизнеса (особенно в части охраны труда). Оставив за скобками саму возможность купли-продажи рабочей силы, стоит удивиться тому, что защита работников, как экономически слабой стороны, оказывается, вмешательство в дела бизнеса. Однако в трудах этих авторов можно встретить рассуждения не только о купле-продаже рабочей силы, но и об экспроприации (насильственном изъятии) человеческого капитала и прочих странностях для юриста феноменах. Как экспроприировать рабочую силу без рабского труда, остается большим вопросом.

Далее вышеназванные авторы констатируют, что законодательно установленный минимальный размер оплаты труда только затрудняет ведение бизнеса, трудовое законодательство едва ли не стимулирует дискриминацию. Механизм такой дискриминации – большая загадка. Доктрина найма по желанию (когда работник может быть уволен в любое время без всякого основания), по их мнению, хороша, только в регулирование трудовых отношений не должно вмешиваться государство. При этом федеральный закон о пенсиях не очень хорош для рабочих. Более того, делается весьма странный вывод, что стабильность трудовых отношений и высокий уровень пенсий подрывают динамику капитализма [11, с. 460–464; 484–486; 12, с. 430–463]. Вероятно, страх за свое будущее стимулирует творческий труд, а угроза нищеты после выхода на пенсию стимулирует денежные накопления и рискованные инвестиции в проблемные активы.

Создается впечатление, что некоторые экономисты вполне могут выдвинуть предложение вернуться к реалиям конца XVIII в. (до появления трудового законодательства), когда работник и работодатель без всяких ограничений (в виде профсоюзов, норм по охране труда, государственных инспекций труда и др.) устанавливали в добровольном порядке условия труда. Однако при этом ничем не ограниченный рынок через его «невидимую руку» создаст для работника самые оптимальные условия, только вот он этого почему-то не делает даже при наличии достаточно развитого трудового законодательства. Вероятно, если эти экономисты вдруг установят большую эффективность труда при крепостном праве, то они могут предложить вернуться к нему.

Естественно, что ни один юрист, имеющий дело с трудовым правом и знающий не только о его экономической, но и социальной (защитной) функции, в последние 70 лет до такого не додумался. Некоторые экономисты идут еще дальше и предлагают заменить право в целом и трудовое право в частности игрой рыночной стихии в духе анархо-капитализма [13].

В этой связи более реалистичной, а главное имеющей выход на правотворчество и правоприменение является проблема правового обеспечения нарождающейся цифровой экономики. Дело не только в том, что растет объем удаленного (дистанционного) труда, что важно само по себе, но и в том, что появились такие трудовые отношения, правовая природа которых остается дискуссионной. Например, достаточно широкое распространение получил краудворк, т. е. работа, которая организуется с помощью онлайн интернет-платформ, которые позволяют установить контакт между неопределенным числом лиц вне зависимости от их территориальной удаленности. При этом или вся работа, или ее часть в качестве результата передаются через информационно-телекоммуникационные сети, в том числе посредством Интернета.

Можно предположить, что новый тип фирм – платформы – потребует принципиальных новаций в регулировании применения труда в чужом интересе. По сути, платформа – это цифровая инфраструктура, позволяющая двум или нескольким лицам взаимодействовать между собой. По такому принципу работают технологические компании («Гугл», «Фейсбук», «Амазон» и др.), транспортные посредники («Убер» и др.), промышленные гиганты («Сименс») и даже ведущие сельскохозяйственные компании («Монсанто»). Они разрывают связь между работником и работодателем, превращая платформу в квазиработодателя, а своих работников – в лиц с неопределенным правовым статусом.

В этой связи все более распространяется работа по запросу посредством приложений. Это работа, которая организуется при помощи мобильных приложений, ограничена территориально, выполняется реально и относится к традиционным видам услуг, как, например, транспортные услуги, уборка, доставка, услуги бухгалтера, адвоката, дизайнера. Список таких нетрадиционных трудовых отношений можно продолжить. Не случайно уже в 1990-х гг. был поставлен вопрос не только об организационной и (или) финан-

совой зависимости работника от работодателя, но и об «информационной зависимости» как критериев трудовых отношений [14].

Еще одна междисциплинарная проблема связана с пропагандируемым экономистами «человеческим капиталом». Даже в чисто экономических исследованиях он понимается в нескольких смыслах, но в любом случае непонятно, «капитал» ли это, соединяемый с трудом, или тоже труд, соединяемый в процессе производства еще с чем-то.

В юридическом смысле «капитал» можно определить как совокупность знаний, умений, профессиональных навыков, являющихся результатом образования или профессионального обучения. В расширенном виде «человеческий капитал» понимается как мотивация и опыт работы. Они являются источниками будущих денежных доходов и, что несколько неожиданно, причем опять же в расширенном виде, «психических доходов», т. е. чувства удовлетворения. Если этот «капитал» не дает экономической отдачи, то он отрицательный; если дает – положительный; если вложения только окупаются, то – пассивный. Примечательно, что в ТК РФ это обозначено как квалификация работника и профессиональные стандарты (ст. 195.1). В целом достаточно уродливое словосочетание «человеческий капитал» по степени условности может сравниться только с «продажей труда» наемным работником. В этой связи хотелось бы порекомендовать юристам более строго использовать экономические термины, чтобы не оказаться в лагере «торговцев трудом» и «экспроприаторов человеческого капитала».

Следует иметь в виду, что современные сторонники «экономического анализа права» занимают более умеренные позиции, но правовой подход в их исследованиях превалирует, как бы они ни именовались [15]. Очевидно, что и сама экономическая наука не представляет собой монолита. По отношению к важности правового регулирования ее представителей можно разделить на две большие группы:

1) отводящие праву достаточно важную роль и постулирующие взаимное влия-

ние права и экономики (марксистская (с оговорками) школа, историческая школа, кейнсианство и некейнсианство, институциональная школа (большая часть представителей), бихевиоризм (поведенческая экономика));

2) отводящие праву подчиненную роль, основанные на приоритете саморегулирующегося рынка (классическая (с некоторыми исключениями) и неоклассическая школы, австрийская школа, неинституциональная школа (большая часть представителей)).

При этом на ведущие позиции (мейнстрим) претендует неоклассическая школа, связанная с экономическим либерализмом, которая предполагает строго подчиненное положение права в отношении экономики (концепция «сервисного государства» (как правопреемника «ночного сторожа») с соответствующим правом).

Эта школа основана на нескольких не согласуемых с правовыми подходами предпосылках.

1. Только экономисты имеют ключ к пониманию любого человеческого поведения, а этот ключ – «теория рационального выбора», осуществляемого «человеком рациональным» всегда и во всех сферах, включая правовую. Этот выбор всегда рационален и направлен на максимализацию выгоды. Между тем в настоящее время все больше внимания уделяют личным нематериальным трудовым правам, не имеющим материального эквивалента и связанным именно с моральной и психологической сферами социальной жизни.

2. Для любого человеческого поведения можно создать математическую модель, выразить его через цифры, формулы, графики, адекватно отражающие реальную действительность. Между тем в подавляющем числе случаев (в трудовом праве практически без исключения) никакая математизация человеческого поведения невозможна, а подобные модели чрезвычайно условны, а зачастую надуманны и бесполезны.

При этом очевидно, что нет никаких «экономических законов», подобных зако-

нам физики, которые бы позволили вычислить человеческое поведение или даже его относительно точно предсказать, в том числе в области действия норм трудового права. Рациональность – это только внутренняя согласованность действий, а не бесконечный выбор между альтернативами в режиме реального времени. Нельзя отвергать вспомогательного значения некоторых выводов экономистов о человеческом поведении именно в экономической сфере, однако они могут только учитываться как рекомендации в процессе принятия политических и правовых решений в сфере регулирования трудовых отношений.

Тем не менее и в процессе правотворчества, и в процессе правоприменения экономические факторы должны учитываться.

1. Правотворчество в сфере труда. В данном случае имеется в виду два аспекта.

а) при определении экономических показателей (МРОТ, минимальные затраты на охрану труда и др.) необходимо их финансово-экономическое обоснование в процессе подготовки сопроводительных документов при выработке проекта нормативного правового акта. Оно включает в себя определение источников и размера затрат, связанных с принятием данного акта и др.;

б) оценка экономической эффективности (прогнозирование) от принятия данного нормативного правового акта, возможные дополнительные траты или доход бюджета в будущем, влияние на развитие общественных отношений в экономической сфере и др. С точки зрения экономики экономическая эффективность акта может быть положительной, отрицательной или нулевой [16, 110–118].

При этом юристы должны иметь в виду некоторые положения, выработанные в рамках экономической науки. Так, нельзя принимать, например, законы, требующие дополнительных бюджетных расходов (в том числе связанных с трудовым правом или пенсионным обеспечением), источники которых не определены. Социальные законы могут стать проблемными, если они дают сомни-

тельный социальный эффект, но при этом ведущими в перспективе к существенному увеличению расходов для бюджета и бизнеса (в том числе работодателей). Так, одной из главных причин современных преобразований в сфере социального страхования является отсутствие их экономического обоснования. Это касается, в частности, увеличения пенсионного возраста.

Для юристов также очевидно, что все это вполне укладывается в рамки юридической техники, финансово-экономического обоснования, экономической экспертизы, экономического прогнозирования и др. Так, даже самые горячие сторонники «экономического анализа права» с большой осторожностью писали об экономической эффективности нормативных правовых актов, ограничиваясь заклинаниями о закреплении и защите права собственности, невмешательстве государства в дела бизнеса и др. [17].

2. Правоприменение в сфере действия норм трудового права. Напомним, что в романо-германской правовой семье, к которой тяготеет и Россия, судьи не создают, а применяют нормы права. Это делает экономическое обоснование судебных решений необходимым, но только по экономическим спорам при возможности альтернативных решений по усмотрению суда (определение размера штрафов в установленных пределах, выбор альтернативного вида юридической ответственности (например, выговора или увольнения по соответствующему основанию), о восстановлении на работе или только о компенсации причиненного вреда и др.). Напомним, что подавляющая часть индивидуальных трудовых споров в России имеет экономический характер и они связаны с невыплатой или несвоевременной выплатой причитающихся работнику денежных средств.

В этой связи политическое решение о выделении средств на развитие социальной сферы не может опираться только на голый расчет. В этой ситуации речь идет о социальной и экономической политике, которая должна выразить общественный компромисс меж-

ду работниками и работодателями с учетом интересов государства. Все это в полном объеме относится как к праву в целом, так и к трудовому праву в частности [18].

Ссылки

1. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики / под ред. И. А. Ценделиани. М.: Проспект, 2019. 320 с.
2. Занятость и экономический рост / под ред. К. Писсаридиса, О. Л. Маргания, С. А. Белозерова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. 306 с.
3. Чесалина О. В. Вызовы цифровой экономики для системы социального страхования и права социального обеспечения // Пермский юридический альманах: Ежегодный юридический журнал. 2019. С. 578–586.
4. Лушников А. М. Научно-техническая революция и трудовое право // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 9–11.
5. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила и как на этом заработать. М.: ЭКСМО, 2018. 384 с.
6. Калабрези Г. Будущее права и экономики: Очерки о реформе и размышления. М.: Институт Гайдара, 2016. 304 с.
7. Маккай И. Право и экономика для континентальной правовой традиции. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 624 с.
8. Макуро Н., Мадема С. Экономическая теория и право: от Познера к постмодернизму и далее. М.: Институт Гайдара, 2019. 648 с.
9. Labour Regulation Over Time: New Leximetric Evidence / Z. Adams [et al.] // Paper prepared for the 4th Conference of the Regulating for Decent Work Network, Developing and Implementing Policies for a Better Future for Work. ILO, Geneva, July 2015. URL: http://www.rdw2015.org/uploads/submission/full_paper/382/labour_regulation_over_time_rdw.pdf
10. Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика. М.: Юстицинформ, 2017. 280 с.
11. Гринспен А., Вулдридж А. Капитализм в Америке: История. М.: Альпина Паблишер, 2020. 560 с.
12. Познер Р. Экономический анализ права: в 2 т. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 1. 524 с.
13. Фридман Д. Порядок в праве. Какое отношение экономика имеет к праву и почему это важно. М.: Институт Гайдара, 2017. 576 с.
14. Kirillova L. S., Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. The Realization of the concept of flexicurity in atypical employment relationships // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2016. Vol. 19. Special Issue. P. 69–74.
15. Кутер Р., Улен Т. Право и экономика. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 800 с.
16. Юридическая техника / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. М.: ЭКСМО, 2010. 188 с.
17. Познер Р. А. Рубежи права. М.: Высшая школа экономики, 2017. 480 с.
18. Лушников А. М. Право и экономика. М.: Проспект, 2019. 192 с.

Family Institute: On the Trends in the Interaction of Religious and Legal Regulatory Systems

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Scientific article

The article, based on a retrospective and perspective view, presents topical issues of interaction, diversity and harmonization of religious, ethical and legal norms within the framework of the institute of religious, legal and legal worldview and related practices. As a result of the analysis of relevant trends, negative, neutral, uncertain, positive authors, he comes to an optimistic assumption about the fate of the Russian family, especially in its traditional sense

Keywords: family; marriage; religion; law; gaps and mistakes; traditional values

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina Nadezhda N. | E-mail: nant@univ.uniyar.ac.ru
Candidate of Legal Sciences, Professor

Институт семьи: о тенденциях взаимодействия религиозных и правовых регуляторных систем

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 340.1

Научная статья

В статье на основе ретроспективного и перспективного взгляда рассматриваются актуальные вопросы взаимодействия, разобщенности и гармонизации религиозно-этических и правовых норм института семьи в системе религиозного и юридического мировоззрения и общественных практик. В результате анализа соответствующих тенденций – негативных, нейтральных, неопределенных, положительных – автор приходит к оптимистическому предположению о судьбе российской семьи, прежде всего в ее традиционном смысле.

Ключевые слова: семья; брак; религия; закон; пробелы и ошибки; традиционные ценности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина Надежда Николаевна | ORCID: 0000-0001-8827-5532
E-mail: nant@univ.uniyar.ac.ru
Кандидат юридических наук, профессор

В романе «Покорность» М. Уэльбек описывает ситуацию-предположение о победе мусульманской партии во Франции, преобразовании Сорбонны и других классическо-европейских институций, в том числе и государственных, в учреждения мусульманского образца – с соответствующими требованиями к чиновникам, преподавателям, иным сотрудникам, условиям и содержанию их деятельности. На обложке романа – Джоконда, улыбающаяся сквозь паранджу... Описывается также огосударствление мусульманской религии в Бельгии, приближение к такому результату Великобритании и некоторых других европейских стран, вступление в ЕС арабских государств средиземноморья и т. д., и т. п.

Среди предтечи преобразований констатируются известные миграционные процессы, дезориентация института семьи (брака и родительства), существенное снижение авторитета и влияния христианства, декаденство европейской идеологии в целом. Нечто вроде предчувствия по типу известных предсказаний Дж. Оруэлла, но с активным религиозным флером.

Находясь «над схваткой», не поддаваясь подобным страхам и придерживаясь реалистичной для европейской территории концепции светского характера государственности, включая,

и государственность российскую (что, впрочем, предписано Конституцией РФ, изменять которую в этой части в 2020 г. и последующих не планируется), сосредоточим свое внимание на аспекте взаимодействия церкви и российского государства, акцентируем некоторую, с одной стороны, избыточность, с другой – неопределенность и пробельность правового регулирования такого взаимодействия, а также правоприменения.

В качестве предпосылок размышлений обозначим несколько основополагающих тезисов о соотношении норм религии («околониальных» и «наднациональных»), этики и права. И при этом сразу оговоримся о европейско-российском контексте проблемы, ибо восточные компоненты, во всем их разнообразии, – дело, как известно, тонкое, в нашей теме и многих других требует особенных подходов и иного информационного базиса, а также и иной квалификации соответствующих авторов.

В общетеоретическом плане к более или менее очевидным относится несколько констатаций. Первая: религиозным нормам, в известном смысле, отводится роль «пращуров» норм этических и правовых. Вторая: все три «регуляторные» (как нынче модно обозначать то, что регулирует общественные отношения преимущественно

на позитивном уровне) системы взаимодействуют, с разной степенью напряжения, в различные эпохи социального бытия. Третья: по мере исторического развития право, этика и религия как социальные регуляторы, с одной стороны, обособляются друг от друга, с другой – при относительно нормальном разворачивании общественных процессов не только не находятся в ситуации противопоставления, а осуществляют взаимоподдержку в регулировании общественных отношений. Четвертая: разрушение религиозных основ никогда не являлось благом для правопорядка. Пятая: проблема поиска относительно общих мировоззренческих позиций в обществе есть одновременно проблема взаимодействия различных религиозных течений и вопрос правомерности приоритета одного или нескольких из них на территории определенного государства. При этом следует заметить, что юридический взгляд на права человека и трактовка последних со стороны конфессий нередко не совпадают. Шестая: традиционной спецификой отличается взаимодействие канонических, этических и юридических норм при регулировании разного типа общественных отношений – с административным, правоохранительным, семейным, образовательным элементом и др. Седьмая: многоконфессиональные государства неизбежно должны вырабатывать и аккуратно реализовывать специальные технологии, обеспечивающие корректное сосуществование своих администраций с конфессиями и конфессиями между собой.

Перейдем к институту семьи, одному из «столпов» общественного и государственного развития, а в определенном контексте – и выживания.

В многонациональной и многоконфессиональной дореволюционной России, как известно, брак и семья составляли предмет гражданского и канонического права. Официально доминировавшей конфессией признавалось православие, которое оказывало прямое или косвенное воздействие на нормативы и содержание отношений супружества, родительства, иного попечения над детьми. Однако «иноверцам» было официально разрешено обращаться, наряду со светским законодательством, к канонам своей религии, в том числе в вопросах заключения и прекращения брака, соответственно атеистам и раскольникам – только к светскому закону [1, с. 599–607]. Для той эпохи подобный подход являлся весьма просвещенным, гуманитарным.

Цивилисты того времени подчеркивали единство религии, этики и права в семейной сфере – прежде всего в институте брака. Так, Д. И.

Мейер, солидарно с учением православия, полагал брак учреждением, находящимся под божественным покровительством, актом таинства, подлежащим воздействию скорее законов религиозных и нравственных, нежели правовых, а равно и родительство – явлением религиозно-этического порядка, с корректным, осторожным вмешательством в эти отношения юридических законов [2, с. 348–375]. К. П. Победоносцев, как и Г. Ф. Шершеневич, видел в браке договорное юридическое начало, однако подчеркивал как его биологические предпосылки, так и – со временем в доминирующей степени – начала нравственные и религиозные, сущностное сопряжение супружества с таинством, и не только в собственно христианском смысле, но и общечеловеческом (как великую тайну «глубочайшего и полнейшего духовного и телесного соединения») [3, с. 13–14].

После октябрьской революции как частный случай идеи «отделения церкви от государства» церковное право полностью утратило свое влияние на семейное законодательство (кроме прямого или косвенного регулирования отношений с семейным элементом священнослужителей и, разумеется, прямого или опосредованного воздействия на мировоззрение о сущности и цели институтов брака и семьи православных, католических, мусульманских, иудейских и др.). Однако в настоящее время явная разобщенность религиозных (в том числе православных) и нормативно-правовых представлений об институтах брака, родительства и попечительства утрачивает свою остроту, преобразуясь во взаимодействие и взаимодополнение.

При этом, с одной стороны, семейное законодательство и российское законодательство, обеспечивающее интересы семьи (финансовое, административное, трудовое, социально-обеспечительное, медицинское, образовательное, гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное и др.), остается светским и в этом смысле универсальным для последователей различных религиозных конфессий. С другой стороны, в цивилистической науке (и юриспруденции в целом) высказываются соображения о необходимости учета определенных религиозных канонических и традиционных [4–5]. Так, например, православие владеет знанием о сущности брака, а светский закон – нет,¹ что создает трудности в правоприменении, так как значимые признаки данного союза впрямую и системно не закреплены; основные конфессии явным образом отрицают однополые браки и однополое родительство, а законо-

¹ Это не означает, что законодательство следует воспринять в неизменном виде православное определение (тем более что мусульманское право предлагает иную дефиницию).

дательство, не устанавливая семейно-правовых последствий смены пола лицами, состоящими в браке или в отношениях внебрачного родительства, косвенным образом их легализует; принцип единобрачия неукоснительно выводится (в том числе Конституционным Судом РФ) из светского характера российского семейного законодательства, а общественные практики некоторых регионов с «мусульманским контекстом» мировоззрения не вполне с указанной правовой позицией коррелируют; стремление верующих к оформлению брачных уз через религиозный обряд не поддерживается его юридическим признанием в качестве аналога государственной регистрации; по-разному законодатели и религиозные организации оценивают тенденцию на широкое применение вспомогательных репродуктивных технологий (особенно в рамках программы суррогатного материнства; впрочем ряд законодателей, как известно, также не приветствуют активное внедрение суррогатного материнства, полагая последнее разновидностью торговли людьми [6, с. 28–30; 7, с. 58–65]. Религиозному мировоззрению представляется также вполне ясным сущность семьи, основанной как на браке, так и иных общностях на основе родства, свойства, опекуна, попечительства, усыновления/удочерения, фактической заботы о детях (фактическом воспитании), позитивного изживания. Российский же законодатель (в отличие, кстати, от белорусского, казахстанского, украинского) таким знанием не обладает, предлагая, по сути, правоприменителю «гадать на кофейной гуще» о юридически значимых признаках семьи [7, с. 96–119]. Указанные аспекты взаимодействия либо разобщенности следует взвешенно, объективно обсуждать в юридическом и религиозных сообществах.

В то же время в ряде семейно-правовых институтов вероисповедание гражданина/граждан

Ссылки

1. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Казань, 1905. 795 с.
2. Мейер Д. И. Русское гражданское право: (По изданию 1902 г.). М., 1997. Т. 2. 455 с.
3. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: (По изданию 1896 г.). М., 2003. Т. 2. 656 с.
4. Мартышин О. В. Светское государство // Государство и право. 2018. № 12. С. 104–115.
5. Мальшкин А. В. Некоторые аспекты интеграции религиозных и правовых норм в светском государстве // Государство и право. 2019. № 5. С. 30–39.
6. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Права детей. М.: Проспект, 2018. 176 с.
7. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.
8. Тарусина Н. Н. Семейное законодательство – парадоксов друг // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 96–109.
9. Косова О. Ю. Детство: беглый взгляд в настоящее и будущее // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 26–39.

учитывается как на законодательном, так и правоприменительном уровне – при назначении ребенку опекуна, установлении усыновления/удочерения. В судебной же практике по семейным делам данный фактор может приниматься во внимание и в других случаях: при решении вопроса о месте проживания ребенка при раздельном проживании родителей, о порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя, других родственников; при оценке значимости заблуждения в субъекте как основания признания брака недействительным (сокрытие факта смены пола, нетрадиционной сексуальной ориентации и т. п.); при общей оценке конфликтной ситуации, злоупотребления правами родителя, превратившегося из папы в маму и наоборот [8].

При этом следует констатировать явный курс законодателя и правоприменителя на усиление значения, а соответственно, охраны и защиты, традиционных семейных ценностей (в противовес западному «толерантному» мировоззрению, которое, по мысли упоминавшегося в начале статьи французского романиста М. Уэльбека, привело к их утрате). Это безусловным образом объединяет российские юридические и религиозные практики, мотивируя их к симфонии мировоззрений и поступков, доктрин светского и канонического законодательства, различных общественных практик толкования и поддержки классических вариантов институализации семьи [9]. Смеем надеяться, что «уэльбеково предположение» нас минует. Некоторое увеличение качества и объема оптимизма происходит также на основе российских государственно-властных решений о преодолении демографических трудностей и поддержки института российской семьи в целом девятнадцатого и начала двадцатого годов действующего столетия.

Mechanisms for stimulating the involvement of citizens in the institution of volunteering in the regions of Russia

E. A. Isaeva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Scientific article

The article outlines the vector of development of domestic legislation on volunteering in 2018-2019. The author focuses not on a comprehensive analysis of changes in the federal legislation and the legislation of the subjects of Russia on volunteering (volunteering), but on new mechanisms for stimulating the involvement of the population in volunteer work, normatively fixed in the regions, including using new digital technologies.

The author has singled out the normatively fixed mechanisms of moral and material incentives for activists at the level of subjects of Russia, which contribute to the involvement of citizens in volunteer activities.

The article gives a positive description of the role of the Unified Information System created at the federal level in the field of development of volunteerism (volunteering), which allows using the Internet technology, on the one hand, to give a powerful impetus to the development of the volunteer institution in Russia, and on the other hand, the state's ability to manage this development through the results of the analysis of information aggregated by the portal.

Keywords: volunteering; the Unified Information System in the field of development of volunteering (volunteering); moral and material incentives

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Isaeva Elena A. | E-mail: elenia2000@mail.ru
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Funding: RFBR, Project №19-011-00268.

Механизмы стимулирования вовлечения граждан в институт добровольчества в регионах России

Е. А. Исаева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 321

Научная статья

В статье обозначается вектор развития отечественного законодательства о добровольчестве в 2018–2019 годах. Автором сделан акцент не на комплексном анализе изменений федерального законодательства и законодательства субъектов России о добровольчестве (волонтерстве), а на новых нормативно закреплённых в регионах механизмах стимулирования вовлечения населения в добровольческую деятельность, в том числе с использованием новых цифровых технологий.

Автором вычленены нормативно закреплённые механизмы морального и материального стимулирования активистов на уровне субъектов России, способствующие вовлечению граждан в волонтерскую деятельность.

В статье дана позитивная характеристика роли созданной на федеральном уровне Единой информационной системы в сфере развития добровольчества (волонтерства), которая позволяет через интернет-технологии дать, с одной стороны, мощный импульс развитию института добровольчества в России, а с другой – возможность государству управлять данным развитием по итогам анализа агрегируемой порталом информации.

Ключевые слова: добровольчество; волонтерство; Единая информационная система в сфере развития добровольчества (волонтерства); моральное и материальное поощрение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Исаева Елена Александровна | E-mail: elenia2000@mail.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Финансирование: РФФИ, проект №19-011-00268 «Трансформация гражданской активности в условиях развития информационно-коммуникативных технологий (на примере Ярославской области)».

Последние два года на уровне государственной политики и законодательства России четко прослеживается вектор, направленный на развитие института добровольчества. 1 мая 2018 г. вступил в силу Федеральный закон от 05.02.2018 № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)»; принято Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р «Об утверждении Концепции раз-

вития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года», а вслед за ним «План мероприятий по реализации Концепции содействия развитию добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года (утв. Правительством РФ от 20.06.2019 № 5486п-П44); Постановление Правительства РФ от 17.08.2019 № 1067 «О единой информационной системе в сфере развития добровольчества (волонтерства)».

© Исаева Е. А., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

Понимая ценность эффективно работающих институтов гражданского общества, органы власти в рамках выбранного направления нормативного регулирования в сфере добровольческой (волонтерской) деятельности как на федеральном, так и региональном уровнях стремятся разработать комплексные механизмы, которые бы максимально учли интересы и самого государства, и представителей некоммерческого сектора, вовлеченного в данную деятельность.

Получив федеральный импульс от расширения предмета регулирования Федерального закона от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», регионы активно стали принимать свои НПА, а также вносить изменения в уже действующие нормативные акты [1, с. 66].

Остановим свое внимание на закреплённых в субъектах России нормативно-правовых механизмах стимулирования населения на вовлечение в волонтерскую деятельность, на повышение позитивной гражданской активности.

Анализ нормативной базы субъектов Российской Федерации показал, что регионы используют в основном моральные стимулы и лишь единицы – материальные. В качестве примеров принятых за последние два года нормативных актов субъектов России, нацеленных на моральное поощрение и стимулирование добровольчества, могут выступить акты об установлении специального знака:

- Указ Губернатора Владимирской области № 65 от 05.06.2018 «Об учреждении Почетного знака Губернатора области “За доброту и милосердие”», в соответствии с которым Почетным знаком награждаются организации, граждане России, иностранные граждане за активную добровольческую (волонтерскую), благотворительную и общественную деятельность во Владимирской области. Ходатайства органов исполнительной власти области и структурных подразделений администрации области, органов местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций о награждении вносятся Губер-

натору области в срок до 15 октября текущего года;

- Постановление Правительства Воронежской области № 413 от 23.04.2019 «О почетном знаке правительства Воронежской области “За развитие добровольчества”». Знак является формой поощрения правительством Воронежской области граждан и организаций независимо от организационно-правовой формы и формы собственности за заслуги в развитии добровольчества (волонтерства) на территории Воронежской области. Почетным знаком могут награждаться граждане России и иностранные граждане, а также организации, расположенные на территории Воронежской области. Почетным знаком награждаются наиболее отличившиеся добровольцы (волонтеры) и организации Воронежской области;

- Постановление Губернатора Рязанской области № 115-пг от 02.08.2018 «О знаке Губернатора Рязанской области “Доброволец Рязанской области”». Знаком награждаются граждане России и иностранные граждане за активное участие в добровольческой (волонтерской) деятельности, а также за значительный вклад в развитие добровольчества (волонтерства) на территории Рязанской области. Знаком награждаются ежегодно не более 50 человек;

- Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 08.11.2018 № 868 (ред. от 02.09.2019) «Об учреждении награды Правительства Санкт-Петербурга – знака отличия “За вклад в развитие добровольческой (волонтерской) деятельности в Санкт-Петербурге”». Знак присуждается ежегодно Правительством Санкт-Петербурга и является формой поощрения лиц, занимающихся добровольческой (волонтерской) деятельностью на территории Санкт-Петербурга не менее двух лет. Ежегодно присуждается не более десяти знаков отличия;

- Постановление Правительства РО № 364 от 22.05.2019 «Об учреждении звания “Лучший доброволец (волонтер) Ростовской области”». Звание устанавливается в целях поощрения граждан, внесших значитель-

ный вклад в развитие добровольчества (волонтерства) в Ростовской области. Звание присваивается гражданам России, проживающим на территории Ростовской области и осуществляющим добровольческую (волонтерскую) деятельность в Ростовской области не менее 3 лет. Звание присваивается ежегодно не более 10 кандидатам.

Примечательны акты субъектов России, предусматривающие финансовое поощрение добровольцев:

- Постановление администрации Владимирской области № 579 от 01.08.2018 «Об учреждении премии “Доброволец Владимирской области”, в соответствии с которым премия присуждается гражданам, осуществляющим добровольческую (волонтерскую) деятельность в целях, указанных в пункте 1 статьи 2 Федерального закона от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». Нормативный акт предусматривает, что ежегодно в регионе присуждается десять премий в размере 11500 рублей каждая;

- Указ Губернатора Ульяновской области № 45 от 23.04.2018 «О ежегодных премиях Губернатора Ульяновской области за выдающиеся достижения в области правозащитной, благотворительной и добровольческой (волонтерской) деятельности». Нормативным актом учреждены ежегодные премии в размере 150 тыс. рублей каждая. Премия присуждается совершеннолетним гражданам Российской Федерации, проживающим на территории Ульяновской области, внесшим особый вклад в развитие правозащитной, благотворительной или добровольческой (волонтерской) деятельности. В каждой из номинаций может присуждаться только одна премия;

- Указ Главы Республики Адыгея от 18.10.2019 № 131 «О премиях Главы Республики Адыгея в сфере добровольческой (волонтерской) деятельности». Нормативный акт предусматривает выплату 10 премий Главы Республики Адыгея в размере 350 тысяч рублей (5 премий для граждан Российской Федерации в возрасте от 14 до 17 лет – в раз-

мере 20000 рублей каждая по 5 номинациям и 5 премий для граждан Российской Федерации в возрасте от 18 до 30 лет – в размере 50000 рублей каждая по 5 номинациям);

- Указ губернатора Магаданской области от 18.10.2019 № 203-у «О премии губернатора Магаданской области в сфере добровольчества (волонтерства) “Добрые дела”». Акт устанавливает 2 премии для физических лиц в номинациях «Участник добровольческого (волонтерского) движения» и «Организатор добровольческой (волонтерской) деятельности», а также 2 премии для добровольческих (волонтерских) организаций/объединений в номинациях «Лучшая добровольческая (волонтерская) организация/объединение» и «Лучший добровольческий (волонтерский) проект». Премия присуждается по результатам деятельности соискателя за 2 года;

- Постановление Губернатора Саратовской области от 23.12.2019 № 309 «О внесении изменений в постановление Губернатора Саратовской области от 13 марта 2002 года № 44». В постановление Губернатора Саратовской области «Об учреждении молодежной премии имени П. А. Столыпина» внесены изменения. Номинации, в которых присуждается молодежная премия имени П. А. Столыпина, дополнены премией за вклад в развитие добровольческого движения на территории Саратовской области.

Институт добровольчества, что вполне логично, не может развиваться в России только в рамках региональной специфики. Для государства при формировании вектора государственной политики важно понимание общей картины, что позволяют сделать электронные сервисы. Вовлечение интернет-технологий в сектор добровольчества максимально способствует распространению лучших практик, упрощает вовлечение и закрепление в секторе новых волонтеров, проведение федеральных мероприятий, размещение образовательных курсов и др. В настоящее время в России исследователями отмечается повышение значения Интернета в коммуникационных процессах, рост специализированных сервисов в глобальной сети. Повыше-

ние гражданской активности через Интернет обусловлено растущим уровнем проникновения новых технологий [2, с. 69; 3, с. 146]. Не могло это не отразиться и на институте добровольчества.

Статья 17.5 Федерального закона от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» предусмотрела создание Единой информационной системы в сфере развития добровольчества (волонтерства) (далее – ЕИС). В соответствии с п. 1 ст. 17.5 Закона № 135-ФЗ формирование и ведение ЕИС в целях реализации государственной политики в сфере добровольчества (волонтерства) осуществляются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг в сфере государственной молодежной политики.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 17.08.2019 № 1067 «О единой информационной системе в сфере развития добровольчества (волонтерства)» ЕИС содержит сведения о добровольцах (волонтерах), включающие информацию о количестве часов, затраченных на добровольческую (волонтерскую) деятельность, об их компетенциях и полученном опыте; сведения об организаторах добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческих (волонтерских) организациях, включающие информацию о видах осуществляемой (организуемой) добровольческой (волонтерской) деятельности. Все данные заносятся на портал добровольно.

Портал фактически выступает единой площадкой по взаимодействию институтов добровольческой (волонтерской) деятельности. Он позволяет вести унифицированный учет добровольческой (волонтерской) деятельности, позволяет вести личную электронную книжку волонтера. Каждый пользователь, даже не прошедший регистрацию на портале, имеет возможность скачать и распечатать подробную информацию о добровольческой деятельности волонтера. В случае когда волонтер претендует на пред-

усмотренные за его деятельность льготы, к примеру дополнительные баллы для поступления в университет, он имеет возможность подтвердить количество отработанных бесплатно часов и показать спектр мероприятий и проектов, в которых принял участие.

ЕИС аккумулирует информацию о мероприятиях в сфере добровольчества (волонтерства) по России, а также сведения о деятельности организаторов добровольческой (волонтерской) деятельности.

Портал агрегирует и предоставляет любому желающему сведения о добровольческой (волонтерской) деятельности, включающие информацию о личной электронной книжке волонтера, количестве часов, затраченных на добровольческую (волонтерскую) деятельность, компетенциях добровольцев (волонтеров) и полученном ими опыте. На начало января 2020 г. в системе зарегистрированы 1 192 401 доброволец и 22 338 организаций, которые привлекают добровольцев к своей деятельности.

Для институтов гражданского общества и государства ЕИС становится ресурсом поиска добровольцев (волонтеров) и их привлечения к своей деятельности. Для добровольцев – это система определения точки приложения своей энергии, платформа для получения знаний (на платформе выложены специальные образовательные курсы), поиска единомышленников. Органы власти получили возможность сбора и систематизации данных о развитии добровольческой (волонтерской) деятельности в регионах России [4, с. 402]. Ряд проанализированных нормативных актов субъектов России в качестве обязательного условия участия в конкурсах на получение морального или материального поощрения требуют обязательной регистрации добровольцев и организаторов добровольческой деятельности в ЕИС.

Создание единого государственного портала добровольцев не исключает существование иных тематических порталов, предусматривающих регистрацию добровольцев, как, например, Службу крови (<http://www.yadonor.ru>) или электронных ресурсов, соз-

данных самими институтами гражданского общества (<https://danilovsy.ru/>; <http://www.volonter.ru>), региональных добровольческих порталов (волонтер76.рф, <http://dobrovolets.tatarstan.ru/>) и др.

Планом мероприятий по реализации Концепции содействия развитию добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 г. предусмотрена интеграция до декабря 2020 г. единой информационной системы в сфере развития добровольчества (волонтерства) «Добровольцы России» с информационно-аналитической системой «Общероссийская база вакансий “Работа в России”» в целях учета опыта добровольческой деятельности при трудоустройстве.

Наработка на федеральном уровне механизмов стимулирования добровольческой деятельности, в том числе через онлайн сервисы крайне важна. Это позволяет дать равные возможности для всех регионов страны без-

относительно к политической воле и ресурсообеспеченности субъекта России. Возможность получения дополнительных баллов для добровольцев при поступлении в высшие учебные заведения при предъявлении распечатанной личной книжки волонтера из ЕИС, возможность бесплатного прохождения специализированных образовательных онлайн курсов, размещенных на портале ЕИС, создание онлайн образовательных продуктов и иных познавательных сервисов для школьников, вовлечение в волонтерскую активность лиц с ограничениями по здоровью и серебряных волонтеров с разработкой специальных интернет-сервисов в ЕИС позволит повысить уровень позитивной гражданской активности, серьезным образом повлиять на развитие и распространение идей добровольного социального служения на все слои российского общества.

Ссылки

1. Исаева Е. А., Соколов А. В. Развитие законодательства регионов России о добровольчестве (волонтерстве) в отражении федеральных трендов // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2018. № 4 (46). С. 65–71.
2. Соколов А. В. Электронные коммуникации в социальной активности граждан // Власть. 2015. № 3. С. 67–71.
3. Исаева Е. А., Соколов А. В., Тарусина Н. Н. Гражданская активность россиян: тенденции законодательства и общественной практики // Социально-юридическая тетрадь. 2015. № 5. С. 130–148.
4. Isaeva E. A., Sokolov A. V. Formation of the volunteering institute in Russia as an indicator of the civil society development // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. Issue 2S5. P. 402–408.

Ensuring human rights in personal records database: digital challenges

S. V. Simonova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Scientific article

The article deals with the issues of ensuring human rights while digital data processing in state and municipal information systems being used for the needs of public services, interdepartmental interaction and public security.

Keywords: human rights; personal data; information systems; public services; digitalization

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Simonova Snezhana V. | E-mail: snezh-simonova@yandex.ru
Candidate of Legal Sciences, Senior lecturer

Обеспечение прав человека при эксплуатации информационных систем персональных данных: вызовы цифровой среды

С. В. Симонова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 342.7

Научная статья

В работе рассматриваются проблемы реализации и соблюдения прав человека в процессе цифровой обработки персональных данных в информационных системах, используемых при оказании государственных и муниципальных услуг, межведомственном взаимодействии и обеспечении общественной безопасности.

Ключевые слова: права человека; персональные данные; информационные системы; государственные услуги; цифровизация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Симонова Снежана Владимировна | E-mail: elenia2000@mail.ru
Кандидат юридических наук, старший преподаватель

В настоящее время в Российской Федерации функционирует довольно большое число государственных информационных систем, созданных, как предписывает законодатель, в целях реализации полномочий органов публичной власти и обмена информацией между ними¹. Многие из этих систем построены на основе обработки персональных данных физических лиц, и, несмотря на гарантируемую федеральным законодательством невозможность ограничения прав человека в зависимости от способов обработки его пер-

¹ См.: ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448.

сональных данных², указанный тезис в условиях глобальной цифровизации приобретает не вполне однозначный характер.

Как представляется, в числе основных факторов, снижающих уровень защищенности прав человека в процессе эксплуатации информационных систем персональных данных, можно указать следующие:

1) глубокое внедрение указанных информационных систем в механизм оказания государственных и муниципальных услуг;

2) отсутствие детальной законодательной регламентации условий оборота персо-

² См.: ч. 3 ст. 13 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3451.

нальных данных в государственных информационных системах;

3) расширение многообразия информационных технологий, применяемых для целей содержательного наполнения информационных систем.

Каждый из обозначенных факторов оказывает существенное влияние на реализацию прав человека самой разной природы – права на неприкосновенность частной жизни, на образование, на управление делами государства и пр. В то же время особенности действия всех этих обстоятельств выявляют потребности в определенной модернизации традиционного подхода к праву человека на его персональные данные через призму обоснования ранее не осмыслявшихся в российской практике правомочий. Остановимся более подробно на отдельных проблемах.

Во-первых, процессы глубокого включения информационных систем в деятельность органов власти по оказанию государственных и муниципальных услуг приводят к тому, что из вспомогательного механизма, обеспечивающего выполнение властным субъектом возложенных на него задач, подобные информационные системы могут преобразовываться в некий «фильтр», прохождение которого становится условием реализации прав человека. Как следствие, внесение сведений о физическом лице в определенную государственную систему может рассматриваться правоприменителем в качестве обязательного условия для предоставления публичных услуг. Внесение же этих сведений предваряется запросом согласия физического лица на обработку его персональных данных. Таким образом, «круг замыкается»: отсутствие согласия влечет невозможность внесения сведений о человеке в определенную информационную систему и, как следствие, невозможность получения лицом необходимой ему публичной услуги.

Важно подчеркнуть, что рассматриваемая проблема не является новой для российской практики. Так, несколько лет назад имел особую актуальность вопрос о реализации выпускниками, отказывающимися давать со-

гласие на внесение сведений о себе в государственную информационную систему итоговой аттестации, права на получение высшего образования. Как известно, в практике с течением времени оформилась более-менее определенная позиция в том, что отсутствие данных о результатах сдачи ЕГЭ в единой системе не исключает возможности использования иных способов подтверждения той информации, которая необходима для поступления в вуз³.

Однако, несмотря на это, обозначенная проблема стала приобретать новые очертания после 2016 года. Надо признать, что отчасти тому способствовали широкие пределы усмотрения субъектов РФ в вопросе выбора способов предоставления дополнительных региональных мер социальной поддержки, например льгот по освобождению отдельных категорий от оплаты проезда. В отдельных регионах указанные льготы предоставлялись и предоставляются до сих пор исключительно при условии оплаты проезда с использованием персонифицированных электронных транспортных карт⁴.

Так, в 2018–2019 годах в субъектах Российской Федерации стали активно внедряться системы персонифицированного финансирования дополнительного образования детей, предполагающие оформление им именных сертификатов, на основе которых возможна запись на интересующие их курсы⁵. В связи с тем что процесс оформления сертификата предполагает регистрацию ребенка в электронной системе идентификации (с внесением туда требуемых персональных данных),

³ См.: Письмо Рособрнадзора от 23.11.2016 № БУ-15575/10-4902 «Об отсутствии в информационных системах данных о результатах ГИА и ЕГЭ» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., например: ч. 7 ст. 58 Социального кодекса Ярославской области от 19.12.2008 (ред. от 26.11.2019) // Губернские вести. 2008. 20 дек.

⁵ См., например: Постановление Правительства Республики Башкортостан от 30.08.2019 № 535 «О внедрении системы персонифицированного финансирования дополнительного образования детей в Республике Башкортостан» // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. URL: <https://nra.bashkortostan.ru/25315/> (дата обращения: 25.12.2019).

получение данного документа невозможно без выражения согласия его законных представителей. Вместе с тем в отдельных регионах отсутствие указанного сертификата приводит к невозможности обучения детей в учреждениях дополнительного образования, так как альтернативный порядок записи в данные организации предусмотрен не был⁶. При этом нововведенные процедуры могут оказаться особо чувствительными для лиц, ранее посещавших образовательные организации на более простых условиях, а также для родителей, которые в силу личных убеждений возражают против обработки персональных данных своих детей посредством мало понятных им электронных механизмов.

Казалось бы, тезис о необходимости организации предоставления государственных услуг в альтернативных формах и альтернативными способами является достаточно очевидным. Межбюджетные отношения, в том числе по финансированию организаций, оказывающих публичные услуги от имени государства, не должны быть единственной целью реформы образования, а также влиять на доступность услуги и удобство ее получения. В то же время данный вывод не имеет глубоких основ в правотворческой и правоприменительной практике в случае, если идет речь о функционировании электронных систем.

Российское законодательство гарантирует заявителю право на самостоятельный выбор электронной или иной формы получения публичных услуг⁷, однако в примере с системой дополнительного образования в буквальном смысле форма предоставления образовательной услуги остается личной. Кроме того, в практике Верховного Суда РФ толкование данной нормы сводится к выводу об отсут-

ствии запрета на предоставление услуг только с использованием электронной формы и отсутствии обязанности органов власти предусматривать альтернативные формы предоставления услуг⁸.

Как представляется, процессы цифровизации не должны сопровождаться установлением безусловной зависимости между регистрацией граждан в государственных системах и реализацией того или иного права. У лиц, не принимающих механизмы электронной идентификации, должна оставаться возможность осуществления прав иными способами, однако, как справедливо указывают отдельные ученые, важно, чтобы данные механизмы были предусмотрены в законодательстве [1, с. 10–13]. С учетом этого вывода выглядят весьма сомнительными опубликованные в информационном пространстве планы государства по передаче всех функций оказания государственных и муниципальных услуг на уровень многофункциональных центров⁹.

Во-вторых, в российском законодательстве отсутствует определенность в отношении оборота переведенных в цифровую форму и закрепленных в государственных информационных системах персональных данных и возможного влияния граждан на их дальнейшую судьбу. В Федеральном законе от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» существует норма об отсутствии необходимости получения согласия субъекта персональных данных при их обработке в целях исполнения полномочий органов и организаций, участвующих в предоставлении государственных и муниципальных услуг. В законодательстве, регламентирующем порядок оказания данных услуг, делается оговорка о том, что при наличии персональных данных у государственных органов и организаций их передача возможна в порядке межведом-

⁶ См.: Постановление Правительства ЯО от 17.07.2018 № 527-п «О внедрении системы персонифицированного финансирования дополнительного образования детей» // Документ-Регион. 2018. 24 июля.

⁷ См.: ст. 4 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 01.04.2019) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4179.

⁸ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 12.04.2017 № 8-АПГ17-4 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Сервисный МФЦентр: россияне перестанут принимать в госорганах // Известия. 2019. 20 ноября.

ственного взаимодействия без получения согласия субъекта персональных данных.

Вместе с тем приведенные законоположения не имеют однозначной трактовки в правоприменительной практике: отдельные органы власти подчеркивают отсутствие необходимости получения согласия при обращении за государственной услугой, другие, напротив, такое согласие требуют¹⁰. По-разному подходят к решению обозначенного вопроса и при формулировании содержания административных регламентов. В этом случае чаще всего согласие на обработку персональных данных рассматривается в качестве обязательной составной части комплекта документов для получения услуги, а непредставление полного комплекта влечет невозможность ее олучения¹¹. При этом в судебной практике имеется подход, в соответствии с которым признается необходимость согласия при первоначальном обращении в государственный орган и отсутствие такой необходимости – при всех последующих контактах.

Кроме того, важно обратить внимание на необходимость развития в современном российском праве механизмов контроля субъектов персональных данных за судьбой попадающих в государственные системы и имеющих к ним отношение сведений. В частности, в настоящее время получает распространение практика оказания государственными органами на контрактной основе услуг по предоставлению информации, содержащихся в подобных системах, например об объектах видеонаблюдения¹². Представ-

ляется необходимым предусмотреть законодательные гарантии в отношении информирования общественных институтов о фактах и условиях передачи подобной информации. Любой информационный обмен в публичной сфере должен сопровождаться доведением до сведения граждан информации о том, каким образом их данные используются, с тем чтобы не выхолащивались механизмы контроля за соответствующей информацией.

В-третьих, развитие цифровых технологий, используемых в целях содержательного наполнения публичных информационных систем, актуализирует проблему осознания субъектами персональных данных способов, форм и пределов обработки относящейся к ним информации. Подобное понимание важно для сохранения возможностей контроля за личными сведениями. К примеру, в настоящее время получает распространение практика аккумуляции государственными органами сведений посредством применения систем видеонаблюдения с технологией распознавания лиц. Правомерность использования данной технологии с позиции положений российского законодательства о персональных данных уже стала предметом судебной оценки в 2019 году.

В частности, при рассмотрении данного вопроса Савеловский районный суд города Москвы пришел к выводу, что собираемая посредством таких технологий информация не подпадает под правовой режим биометрических персональных данных. Свою позицию суд аргументировал тем, что оспариваемые механизмы нацелены на территории как основной объект наблюдения, при этом сами по себе сведения о гражданах в государственной информационной системе отсутствуют. Технология распознавания же обеспечивает автоматическое сравнение обрабатываемых данных с исходной информацией от правоохранительных органов и делает выводы об их тождественности. Подобные рассуждения позволили суду прийти к заключению о государственной информационной системе «Единый центр хранения и обработки данных» // Официальный сайт Мэра и Правительства Москвы. URL: www.mos.ru

¹⁰ См., например, для сравнения: Апелляционное определение Московского городского суда от 20.11.2018 по делу № 33а-9647/2018 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Костромского областного суда от 16.05.2012 по делу № 33-703А // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См., например: Административный регламент предоставления государственных услуг города Москвы Департаментом городского имущества города Москвы в сфере жилищных отношений, утв. Постановлением Правительства Москвы от 10.09.2014 № 521-ПП (ред. 25.11.2019) // Официальный сайт Мэра и Правительства Москвы. URL: www.mos.ru

¹² См.: Постановление Правительства Москвы от 07.02.2012 № 24-ПП «Об утверждении Положения

чению о том, что система распознавания лиц не предполагает механизмы идентификации конкретных граждан – речь идет об идентификации иной информации, связанной с физическими лицами¹³.

Важно подчеркнуть, что оценка правомерности использования новых цифровых технологий и рисков, с которыми данные технологии связаны, невозможна без четкого понимания сути данных процессов. Подобное понимание важно, поскольку в иных юрисдикциях судебные оценки той же самой технологии распознавания лиц не исключают того, что обрабатываемая ею информация составляет категорию биометрических персональных данных. Именно к такому выводу пришел, например, Высокий суд Лондона при рассмотрении в 2019 году дела «R (Bridges) v CCSWP and SSHD»¹⁴. С учетом этого представляется

¹³ См.: Решение Савеловского районного суда города Москвы от 06.11.2019 по делу № 2а-577/19. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/services/cases/kas/details/988f386e-be51-47b0-b48f-e871043ef1fc?participants=%D0%BF%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B0> (дата обращения: 25.12.2019).

¹⁴ Courts and Tribunals Judiciary. URL: <https://www.judiciary.uk/> (дата обращения: 25.12.2019).

Ссылки

1. Чаннов С. Е. Правовые проблемы обработки персональных данных в государственных информационных системах // Информационное право. 2018. № 2. С. 10–13.

2. Margot E. Kaminski. The Right to Explanation, Explained // Berkeley Technology Law Journal. 2019. Vol. 34:189. P. 189–218. Information about authors

Object of kidnapping in Russian legislation: historical aspect

A. S. Kovalkova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Scientific article

The article analyzes the establishment of criminal responsibility for kidnapping in previously existing domestic legislation: from Russkaya Pravda and the Church Charter of Prince Yaroslav to the criminal code of the RSFSR in 1956. The author pays special attention to the change of the object of criminal law protection and the victim of the Commission of this crime over time. The author comes to the conclusion that there is a continuity of previously existing legislative acts and modern Russian criminal legislation in terms of establishing responsibility for kidnapping.

Keywords: criminal law; kidnapping; kidnapping of a woman; kidnapping of a child; object of criminal protection; victim; historical aspect; continuity

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kovalkova Alexandra S. | E-mail: kovalkovaalexandra@yandex.ru
| Post-graduate student

Объект похищения человека в отечественном законодательстве: исторический аспект

А. С. Ковалькова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 343.232
Научная статья

В статье анализируется установление уголовной ответственности за похищение человека в ранее действовавших отечественных законодательных актах – от Русской Правды и Церковного Устава князя Ярослава до УК РСФСР 1956 года. Особое внимание автором обращается на изменение объекта уголовно-правовой охраны и на потерпевшего от совершения данного преступления с течением времени. Автор приходит к выводу о наличии преемственности ранее действовавших законодательных актов и современного российского уголовного законодательства в части определения объекта похищения человека.

Ключевые слова: уголовное право; похищение человека; похищение женщины; похищение ребёнка; объект уголовно-правовой охраны; потерпевший; исторический аспект; преемственность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ковалькова Александра Сергеевна | E-mail: kovalkovaalexandra@yandex.ru
Аспирант

Установление уголовно-правовых запретов за совершение того или иного деяния осуществляется в первую очередь посредством определения объекта и предмета уголовно-правовой защиты и зависит от социальных, экономических, культурных, моральных и нравственных устоев общества в конкретный исторический период. С течением времени устои общества меняются, что неизбежно сказывается на изменении уголовно-правовых запретов.

В современном обществе всё больше внимания уделяется защите права человека на личную свободу. Поскольку одной из основных задач уголовного законодательства является охрана прав и свобод человека и гражданина путём закрепления запретов на совершение общественно опасных деяний

и установления наказания за их нарушение, необходимым условием обеспечения права человека на личную свободу является в том числе установление уголовной ответственности за похищение человека.

Изучение исторической практики установления российским законодателем уголовной ответственности за похищение человека позволит лучше понять природу данного деяния, перенять позитивный опыт и избежать ранее допущенных ошибок в процессе внесения изменений в современный Уголовный кодекс.

Впервые похищение человека в качестве состава преступления было закреплено в ст. 29 Краткой редакции и ст. 38 Пространной редакции Русской Правды: похищение холопов и челяди соответственно [1, с. 48, 66].

Объектом данных преступлений являлись отношения собственности. Об этом свидетельствует то, что ст. 38 Пространной редакции Русской Правды отличает похищение скота от похищения челядина только в том, что последний обладал способностью говорить, а значит, сообщить, кто был его предыдущим владельцем. Предметом данных преступлений являлись холопы, рабы, челядь, т. е. лично зависимые категории населения.

Краткая редакция Церковного Устава князя Ярослава в ст. 2 устанавливала ответственность за «умычку» девиц [2, с. 110–115]. В комментарии к источнику дается перевод термина «умычка» как похищение девушки без её согласия с целью вступления в брак [3, с. 472]. Таким образом, обязательным признаком объективной стороны данного преступления, помимо действий, направленных на похищение, являлось отсутствие согласия потерпевшей. Данная статья была направлена против языческого обычая умыкания невесты [1, с. 173], т. е. объектом её охраны являлся законный порядок вступления в брак. Кроме того, из текста статьи «за сором ей» можно сделать вывод, что данная норма также была направлена на защиту чести и достоинства похищенной.

Судебники 1497 и 1550 гг. (ст. 9 и ст. 61 соответственно) устанавливали ответственность за «головную татьбу» [4, с. 55, 108]. Относительно данного понятия в литературе нет единой точки зрения. Например, по мнению В. Н. Татищева, под головным татём понимался убийца, Л. В. Черепнин считал, что под головной татьбой следует рассматривать воровство, сопровождавшееся убийством, а Е. И. Кольчева придерживается точки зрения, что головная татьба – это похищение людей [4, с. 70].

Более верной нам представляется последняя точка зрения ввиду того, что ст. 10 Судебника 1497 г., открывающая цикл статей о порядке ответственности за разного рода кражи, включает в их число головную татьбу [4, с. 70]. Кроме того, австриец С. Герберштейн, посетивший Московское государство в первой трети XVI в., в своем переводе Судебника 1497 г. определяет головного татя

именно как похитителя людей. Сомнений в достоверности этого перевода не возникает, так как разъяснения относительно используемой в судебнике терминологии С. Герберштейну давали люди, жившие в эпоху действия данного закона [5, с. 237].

Однако среди сторонников данной точки зрения также нет единства во мнении относительно предмета данного преступления. Так, по мнению Е. И. Кольчевой, под головными татями разработчики Судебника понимали лиц, занимавшихся кражей холопов; А. А. Зимин считает, что головная татьба означает кражу людей для продажи их в рабство; В. А. Рогов расценивает головную татьбу как кражу людей для любых целей; Ю. Г. Алексеев склонен видеть в головных татях похитителей свободных людей для продажи их за рубеж [5, с. 237].

Более верной нам представляется точка зрения А. А. Зимина. Квалификация головной татьбы как похищения свободного человека для продажи его в рабство находит подтверждение в двух нормативных правовых актах середины XVI в. и начала XVII в. В соответствии с Указом 1557/58 г. виновных в обращении вольных людей в холопство путём оформления вольных холопских грамот и их сообщников предписывалось казнить, «как и головного татя». Таким образом, законодатель ставил знак равенства между составлением подложных холопских грамот и головной татьбой, что было оправдано, если понимать под головной татьбой похищение людей для продажи их в рабство. Схожая норма закреплена в Сводном Судебнике 1606–1607 гг. [5, с. 237].

Таким образом, можно сделать вывод, что объектом головной татьбы являлась личная свобода, а потерпевшим от данного преступления – свободный человек.

Соборное Уложение царя Алексея Михайловича устанавливало уголовную ответственность за похищение «татар и татарченков» [6, с. 229] (ст. 118 гл. XX «Суд о холопах») и за похищение женщин (ст. 16 гл. XXII «Указ за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертью не казнити, а чинити наказание»).

Объектом похищения татар являлись отношения собственности. Об этом свидетельствует то, что законодатель в ст. 118 использовал выражение «учнёт у кого красти», из чего можно сделать вывод, что раньше данные лица уже кому-то принадлежали, т. е. являлись чьей-то собственностью. Кроме того, законодатель обязал вора вернуть этих лиц тому, у кого они были украдены. Предмет – лица – представители нерусского населения Сибири и Астрахани, именуемые общим этническим понятием «татары». Объектом похищения женщин по Соборному Уложению являлись отношения по обеспечению личной свободы женщины. Потерпевшая – «госпожа», т. е. женщина, принадлежащая к высшему сословию, имеющая слуг.

Воинский артикул 1715 г. в артикуле 187 главы 21 «О зажигании, грабительстве и воровстве» устанавливал уголовную ответственность за похищение человека с целью его продажи [7, с. 362]. Объектом похищения человека по Воинскому артикулу, несмотря на то что оно закреплено в главе, посвящённой преступлениям против собственности, являлись отношения по обеспечению личной свободы человека. Потерпевшим от данного преступления являлись все лица, за исключением крестьян, т. к. их купля-продажа была разрешена Указом Петра I от 7 преля 1690 г [8, . 97–198].

Статьи 2004, 2005 Соборного Уложения расположены в главе «О оскорблениях чести», поэтому объектом данных преступлений являлись отношения по защите чести женщины, кроме того, дополнительным объектом являлась половая свобода. Статья 2040 охраняла семейные отношения. Потерпевшими от этих преступлений являлись «женщины или девицы», т. е. лица женского пола. В ст. 2040 к признакам потерпевшей добавлялся еще один – женщина должна быть незамужней.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. устанавливало ответственность за похищение детей (ст. 1857–1858) и женщин (ст. 2004, 2005, 2040) [9, с. 715–716, 781–782, 799–800].

Статьи, посвящённые похищениям детей, находились в главе Уложения «О незакон-

ном лишении прав состояния», из чего можно сделать вывод, что объектом данных преступлений являются отношения по защите прав состояния. Потерпевшим от преступлений, предусмотренных ст. 1857–1858 являлся младенец. Под младенцем в рамках указанных статей следует понимать лицо в возрасте не свыше 6-7 лет, поскольку в этом возрасте ребенок не сознает своего происхождения и не может дать определительных указаний о своих родителях [10].

В Уголовном уложении 1903 года, так же как и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, предусматривалась ответственность за похищение детей (ст. 502) и женщин (ст. 505, 506) [11, с. 676, 680, 682]. Данные статьи располагались в главе Уголовного уложения, которая называется «О преступных деяниях против личной свободы», из чего можно сделать вывод, что данные преступления имеют общий объект – отношения по обеспечению личной свободы.

Можно выделить следующие признаки потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 502 Уголовного уложения: во-первых, это лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста; во-вторых, это должен быть чужой ребёнок, т. е. данный законодательный акт исключал уголовную ответственность за похищение ребёнка родителем.

Состав преступления, предусмотренного ст. 505 Уголовного уложения, сконструирован сложно: законодатель дифференцировал ответственность за похищение лиц женского пола в возрасте от 14 до 16 лет, от 16 лет и от 14 до 21 года в зависимости от наличия в содеянном определённых субъективных признаков («с употреблением во зло невинности» потерпевшей, для непотребства» или преступления с целью «повреждения» чести потерпевшей путём придания данному событию огласки). Данное преступление, помимо личной свободы потерпевшей, посягало ещё на её половую свободу и неприкосновенность, честь и достоинство. Потерпевшей от преступления, предусмотренного ст. 506 Уголовного уложения, являлась незамужняя женщина.

После Октябрьской революции 1917 года уголовно наказуемым осталось только похи-

щение детей. Это связано с двумя факторами. Во-первых, большинство состоятельных людей после революции иммигрировали за границу, а у тех, кто остался, экспроприировали практически всё имущество. Во-вторых, похищение людей, как правило, является одним из элементов организованной преступности, а в условиях тоталитарного государства её существование затруднительно [12, с. 14].

УК РСФСР 1922 г. (ст. 162) и УК РСФСР 1926 г. (ст. 149) предусматривали ответственность только за похищение ребёнка [13, с. 3–41]. Объектом преступлений, предусмотренных в ст. 162 УК РСФСР 1922 г. и ст. 149 УК РСФСР 1926 г., являлись общественные отношения по обеспечению свободы личности ребёнка.

Потерпевшим от данного преступления по УК РСФСР как 1922 г., так и 1926 г. являлся ребёнок. В первоначальной редакции УК РСФСР 1960 г. сохранялась уголовная ответственность за похищение ребёнка (ст. 125) и устанавливалась ответственность за похищение женщины (ст. 233) [14].

Объектом похищения ребёнка по УК 1960 г., так же как и по предыдущим УК РСФСР, являлись отношения по обеспечению свободы ребёнка. Статья 233 УК 1960 г. находилась в гл. 11 «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев», т. е. она обеспечивала охрану отношений по преодолению несовместимых с социалистическим образом жизни местных национально-религиозных и родовых пережитков прошлого [15, с. 555].

Таким образом, в отличие от ранее действовавших законодательных актов, целью установления уголовной ответственности за похищение женщины являлось искоренение национально-религиозных обычаев, препятствующих реализации женщинами своих гражданских прав наравне с мужчинами, а не обеспечение соблюдения моральных и религиозных запретов.

Законом Российской Федерации № 901-1 от 29.04.1993 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР

и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР» в УК РСФСР 1960 г. была введена ст. 1251, предусматривающая уголовную ответственность за похищение человека [16]. Появление данного состава преступления было обусловлено ростом похищений людей в конце 80-х–начале 90-х гг. XX в., получивших распространение как вид преступной деятельности [17, с. 44].

Потерпевшим от данного преступления являлся человек, т. е. лицо независимо от его пола и возраста. Таким образом, УК РСФСР 1960 г. в редакции от 1993 г. впервые в истории советского законодательства установил уголовную ответственность за похищение взрослого мужчины.

В 1993 г. из ст. 125 была исключена ответственность за похищение ребёнка. Ответственность за похищение несовершеннолетнего с того момента устанавливалась в ч. 2 ст. 1251 УК 1960 г.

Таким образом, в процессе развития российского уголовного права отечественный законодатель по-разному определял потерпевшего от похищения человека и общественные отношения, которые неизбежно ставятся под угрозу при совершении такого деяния. Данное обстоятельство объясняется изменением системы общественного устройства – от крепостного права, допускавшего отношение к человеку как к имуществу, до отношений равноправия и равенства всех людей перед законом, – сокращением числа моральных и религиозных ограничений в поведении женщин и повышением значимости личной свободы человека, независимо от его социального положения, пола и возраста.

Наметившаяся в ранее действовавших законодательных актах тенденция к установлению уголовной ответственности за похищение человека, независимо от его пола, возраста, национальности, религиозных убеждений и других признаков с усилением ответственности за похищение лиц женского пола и детей, была воспринята законодателем при конструировании ст. 126 современного Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ссылки

1. Российское законодательство X –XX веков: в 9 т / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. 430 с.
2. Перевод Краткой редакции Устава князя Ярослава / сост. Я. Н. Шапов. М., 1976. 241 с.
3. Памятники русского права Т. 1: Памятники права Древней Руси / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М., 2013. 342 с.
4. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985. 519 с.
5. Памятники русского права: учебно-научное пособие: в 35 т. Т. 3: Памятники права Московского государства, кн. 1 / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М., 2013. 342 с.
6. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1985. 511 с.
7. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т.4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1986. 512 с.
8. Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.; Л., 1962. 422 с.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 715–716, 781–782, 799–800. URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/1457.html> (дата обращения: 19.01.2020).
10. Фойницкий И. Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные. СПб., 1907 // СПС «Гарант» (дата обращения: 19.01.2020).
11. Уголовное уложение 22 марта 1903г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб., 1904. С. 676, 680, 682. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003725050?page=1> (дата обращения: 19.01.2020).
12. Энциклопедия уголовного права. Т. 14: Преступления против свободы, чести и достоинства личности / отв. ред. В. Б. Малинин. СПб., 2010. 629 с.
13. Источники права: учебное пособие / сост. Р. Л. Хачатуров. Тольятти, 2000. Вып. 13. 325 с. (Серия «Юриспруденция»)
14. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5602.htm (дата обращения: 19.01.2020).
15. Советское уголовное право: Особенная часть: учебник / под ред. П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. М., 1988. 608 с.
16. Закон РФ от 29.04.1993 № 4901-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 19.01.2020).
17. Гаужаева В. А. Похищение людей как состав преступления в России Советского периода // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2-1. С. 35–46.

The right to free medical care in the context of reforming the domestic health care system

S. V. Nechaev¹

¹Yaroslavl Regional Bar Association, 12B Svobody str., Yaroslavl 150000, Russian Federation

Scientific article

The article considers the legislative design of the right to free medical care. Based on the analysis carried out by the author, static and dynamic elements of the specified right are highlighted. As a result, general conclusions were drawn on the conditions for reforming the system of free medical care for citizens in the Russian Federation.

Keywords: the right; free medical care; reform of the system

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Nechaev S. V. | E-mail: nsvadv@mail.ru
Advocate of the Yaroslavl Regional Bar Association

Право на бесплатную медицинскую помощь в условиях реформирования отечественной системы здравоохранения

С. В. Нечаев¹

¹Ярославская областная коллегия адвокатов, ул. Свободы, 12Б, Ярославль, 150000, Российская Федерация

УДК 349.3

Научная статья

В статье рассмотрена законодательная конструкция права на бесплатную медицинскую помощь. На основании проведенного анализа автором выделены статические и динамические элементы указанного права; сделаны общие выводы об условиях реформирования действующей в Российской Федерации системы бесплатного оказания гражданам медицинской помощи.

Ключевые слова: право; медицинская помощь; безвозмездность; реформа системы
Информация об авторах

Нечаев С. В. | E-mail: nsvadv@mail.ru
Адвокат Ярославской областной коллегии адвокатов

Несмотря на проведенные в постсоветский период реформы в системе отечественного здравоохранения, поиски оптимальных путей совершенствования действующей системы оказания бесплатной медицинской помощи остаются актуальным предметом научных исследований.

Ведущиеся дискуссии касаются различных аспектов реформирования, в том числе затрагивают недостатки самих организационно-правовых форм предоставления бесплатной медицинской помощи и в первую очередь системы обязательного медицинского страхования (далее по тексту – ОМС) как основного механизма, с помощью которого реализуется право на бесплатную медицинскую помощь [1–2]. Специалисты справедливо отмечают, что «принятая в России схема формирования и распределения финансовых средств обязательного медицинского страхования существенно отличается от тех организационно-экономических моделей, которые

используют страховые принципы оплаты гарантированных объемов медицинской помощи, и больше соответствует модели государственного финансирования здравоохранения» [3, с. 19]. В. Д. Роик также пишет, что «для отечественной системы ОМС характерны низкие уровни страхового взноса работодателей и отсутствие взносов со стороны работников, что не позволяет задействовать самый эффективный мотивационный механизм по финансированию этого страхового института» [4, с. 7]. Похожих подходов придерживаются и А. В. Иванов, А. В. Тихомиров, отмечая что «в отечественном варианте медицинское страхование изначально лишено страхового (рискового) содержания» [5, с. 34].

Пути решения названных проблем предлагаются различные, их анализ не относится к предмету настоящей статьи и заслуживает отдельного исследования. Но вне зависимости от направлений реформирования и, соответственно, возможности изменения действу-

ющей системы оказания бесплатной медицинской помощи в Российской Федерации изначально необходимо определить границы реформирования. Поскольку подобные изменения будут непосредственно затрагивать конституционное право на медицинскую помощь, следует определиться с самой структурой указанного права с целью недопущения его нарушений, что и относится к задачам настоящей статьи.

В Конституции Российской Федерации (ст. 41) даны основополагающие характеристики права каждого на медицинскую помощь. Анализ указанной нормы показывает, что важнейшими элементами конструкции права на бесплатную медицинскую помощь в Конституции РФ являются две характеристики. Во-первых, это – право каждого, то есть всеобщее право без каких-либо критериев или условий дифференциации, а во-вторых, это право является бесплатным для получателя медицинской помощи.

Отметим, что в данном случае российская система здравоохранения в части бесплатной медицинской помощи сохранила сложившиеся в советский период нашей истории ее основные характеристики в виде равного права на ее получение и бесплатности для получателя. В Конституции СССР 1977 г. (ст. 42) и в Конституции РСФСР 1978 г. (ст. 40) бесплатная квалифицированная медицинская помощь, оказываемая государственными учреждениями здравоохранения, была закреплена в качестве одного из механизмов обеспечения права на охрану здоровья. Законодательный подход соответствовал и научным исследованиям указанного периода. Так, В. С. Андреев применительно к бесплатному медицинскому обслуживанию и лечению указывал, что «оно является всеобщим и равным для всех граждан вне зависимости от того, занимается ли вообще каким-либо видом общественно полезной деятельности лицо, обратившееся за медицинской помощью. Это право обеспечивается широким развитием сети поликлиник, амбулаторий, больниц, медицинских пунктов и т. п., а также научных медицинских учреждений, которые процесс научных исследований сочетают

с лечебной и профилактической помощью» [6, с. 70–71].

Указанный подход нашел свое отражение и в действующем законодательстве РФ, в том числе на конституционно-правовом уровне, в виде включения в конструкции соответствующих норм категорий «каждый» и «бесплатно». Н. А. Соколова отмечает, что «обязательства государства по предоставлению медицинской помощи гражданам также предопределены социально-значимой целью сохранения их жизни и здоровья» [7, с. 604].

В развитие конституционных норм Федеральный закон РФ № 323-ФЗ от 21.11.2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее по тексту – ФЗ № 323) (ч. 2 ст. 19) конкретизирует объем права на бесплатную медицинскую помощь, устанавливая, что «каждый имеет право на медицинскую помощь в гарантированном объеме, оказываемую без взимания платы в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи». Таким образом, в указанном законе также сохранены основные характеристики права на бесплатную медицинскую помощь в виде его всеобщности и безвозмездности, но при этом четко определен его объем, т. е. объем, предусмотренный программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи (далее по тексту – ПГГ), которая в соответствии с ч. 4 ст. 80 ФЗ № 323 утверждается сроком на три года (на очередной финансовый год и на плановый период) Правительством Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2018 года № 1506 утверждена Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2019 г. и на плановый период 2020 и 2021 гг. На основании вышеуказанной ПГГ органы государственной власти субъектов Российской Федерации разрабатывают и утверждают территориальные программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2019 г. и на плановый период 2020 и 2021 гг. (далее по тексту – ТПГГ), включая территори-

альные программы обязательного медицинского страхования (далее по тексту – ОМС), установленные в соответствии с законодательством Российской Федерации об обязательном медицинском страховании (ст. 81 ФЗ № 323). ВТПГГ органы государственной власти субъектов Российской Федерации устанавливают целевые значения критериев доступности медицинской помощи, перечень заболеваний (состояний) и перечень видов медицинской помощи, оказываемой гражданам без взимания с них платы за счет бюджетных ассигнований бюджета субъекта Российской Федерации и средств бюджета территориального фонда обязательного медицинского страхования, порядок и условия предоставления медицинской помощи, в том числе сроки ожидания медицинской помощи, оказываемой в плановом порядке, и другие показатели, предусмотренные ПГГ (ст. 81 ФЗ № 323).

В соответствии с ч. 1 ст. 16 Федерального закона РФ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» № 326-ФЗ от 29 ноября 2010 г. (далее по тексту – ФЗ № 326) застрахованные лица имеют право на бесплатное оказание им медицинской помощи медицинскими организациями при наступлении страхового случая: на всей территории Российской Федерации в объеме, установленном базовой программой обязательного медицинского страхования; на территории субъекта Российской Федерации, в котором выдан полис обязательного медицинского страхования, в объеме, установленном территориальной программой обязательного медицинского страхования. Иными словами, указанным правом на бесплатное оказание медицинской помощи обладает каждое застрахованное лицо.

Подчеркнем, что базовая программа ОМС является составной частью ПГГ (ч. 1 ст. 35 ФЗ № 326), а территориальные программы ОМС являются составными частями ТПГГ (ч. 1 ст. 36 ФЗ № 326).

Анализ содержания федеральной и территориальных ПГГ показал, что каждое лицо, относящееся к определенной категории граждан, имеет в порядке, предусмотренном действующим законодательством, равное

и бесплатное право на медицинскую помощь, а объем права на бесплатную медицинскую помощь определяется путем включения в них тех или иных видов медицинской помощи и определения источника их финансирования (средства бюджетов разных уровней и средства ОМС).

Такая законодательная конструкция права на бесплатную медицинскую помощь, закрепляющая, с одной стороны, принципы равной и бесплатной медицинской помощи, а с другой стороны, определяющая ее объем в ПГГ либо в специальном законодательстве для отдельных категорий граждан, позволяет выделить среди элементов права на бесплатную медицинскую помощь статические (не изменяющиеся) и динамические (изменение которых возможно) элементы.

К первым (статическим) относятся сами характеристики права на бесплатную медицинскую помощь как права человека – бесплатность и равное (единое) содержание для каждого (каждой категории граждан).

Ко вторым (динамическим) относится объем права на медицинскую помощь, изменение которого возможно путем внесения изменений в ПГГ либо специальным законодательством.

Относящиеся ко второй группе элементы, которые составляют объем права на бесплатную медицинскую помощь и изменение которых допускается, определены в разделе I ПГГ, устанавливающим в общем виде ее содержание, либо для отдельных категорий в специальном законодательстве. К ним, например, на основании ПГГ относятся: перечень видов, форм и условий медицинской помощи, оказание которой осуществляется бесплатно; перечень заболеваний и состояний, оказание медицинской помощи при которых осуществляется бесплатно; категории граждан, оказание медицинской помощи которым осуществляется бесплатно; финансовые показатели (средние нормативы объема медицинской помощи; средние нормативы финансовых затрат на единицу объема медицинской помощи; средние подушевые нормативы финансирования; порядок и структура формирования тарифов на медицинскую помощь и способы ее оплаты), а также требования к ТПГГ

в части определения порядка и условий предоставления медицинской помощи, критериев доступности и качества медицинской помощи.

При этом при изменении вышеуказанных динамических элементов статистические элементы остаются без изменения. В частности, в случае изменения видов медицинской помощи, включенных в ПГГ, измененные виды медицинской помощи останутся равными (едиными) и бесплатными для получателей. Внося изменения в систему ОМС как в части объемов, так и в части тех или иных прав и обязанностей участников, принцип равной и бесплатной для застрахованных лиц медицинской помощи останется без изменения. Так, виды медицинской помощи нормативно закреплены в ч. 2 ст. 32 ФЗ № 323: первичная медико-санитарная помощь, специализированная (в том числе высокотехнологичная), скорая (в том числе скорая специализированная), паллиативная. С момента включения указанных видов медицинской помощи в ПГГ они становятся динамическими элементами права на бесплатную медицинскую помощь.

В качестве примеров изменения динамических элементов права на бесплатную медицинскую помощь применительно к видам медицинской помощи можно привести такие яркие иллюстрации, как включение в ПГГ специализированной, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи и паллиативной помощи. Так, в программе государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи на 2009 г., утвержденной постановлением Правительства РФ от 05.12.2008 № 913 среди видов бесплатно предоставляемой медицинской помощи была предусмотрена ранее отсутствовавшая в ней специализированная медицинская помощь, в том числе высокотехнологичная. В программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2013 г. и на плановый период 2014 и 2015 гг., утвержденной постановлением правительства РФ от 22.10.2012 № 1074, было закреплено предоставление бесплатно паллиативной медицинской помощи.

По вышеуказанным причинам невозможно и введение дифференцированных объемов и видов медицинской помощи в зависимости от размера уплаченных взносов, так как это будет противоречить действующей законодательной конструкции права на бесплатную медицинскую помощь. Как уже указывалось, при конструировании законодательных норм, регламентирующих обеспечение населения гарантированной государством бесплатной медицинской помощью, либо прямо использованы категории «каждый», «гражданин», «застрахованные лица», либо системное рассмотрение совокупности соответствующих нормативно-правовых актов свидетельствует о праве каждого, входящего в соответствующую категорию, для которой установлены особенности правового регулирования на соответствующий объем бесплатной медицинской помощи. Дифференциация по объему медицинской помощи для застрахованных лиц, в зависимости от размера страховых взносов, будет противоречить праву каждого застрахованного лица на гарантированный государством посредством системы ОМС объем медицинской помощи, включенный в базовую программу ОМС.

Использованный в национальном законодательстве подход соответствует и закреплённому в Рекомендации Международной Организации Труда от 12 мая 1944 г. № 69 «О медицинском обслуживании» (далее по тексту – Рекомендация МОТ № 96) положению о том, что «если медицинское обслуживание предоставляется государственной службой, то предоставление медицинского ухода не должно обставляться никакими условиями, как, например, уплатой налогов или проверкой средств к существованию, и все должны иметь равное право на получение медицинского ухода» (п. 18). Несмотря на то что отечественная система здравоохранения является бюджетно-страховой по своей сути, она в части бесплатной медицинской помощи фактически во многом имеет черты государственной системы здравоохранения. Соответственно, и вышеуказанную норму Рекомендации МОТ № 69 можно рас-

смагивать в качестве определенного стандарта и направления регулирования.

Внедрение страховых механизмов в рамках системы обязательного медицинского страхования потребует внесения изменений в Конституцию РФ и соответствующие федеральные законы и иные нормативно-правовые акты и будет свидетельствовать об отказе от действующей модели обеспечения граждан бесплатной медицинской помощью, либо о полном отказе от признания права граждан на бесплатную медицинскую помощь, либо о существенном изменении его содержания в сторону уменьшения. Однако, как отмечается в литературе, «пока ни в одной стране не произошло сокращения программ обязательного медицинского страхования» [8, с. 27].

Вышеизложенное позволяет сделать ряд общих выводов:

1. Право на бесплатную медицинскую помощь является сложным по составу и состоит из статических (неизменяющихся) и динамических (изменение которых возможно) элементов;

2. Объем права на бесплатную медицинскую помощь изменяется посредством изменения его динамических элементов, при этом статические элементы остаются без изменения;

3. Соблюдение вышеуказанных положений является необходимым условием при дальнейшем реформировании и совершенствовании действующей системы бесплатного здравоохранения.

Ссылки

1. Внукова В. А., Осадченко М. В. Правовые вопросы регулирования договорных отношений в сфере обязательного медицинского страхования // Социальное и пенсионное право. 2019. № 1. С. 37–47.
2. Сарапкин И. Н. Конституционно-правовые аспекты взносов на обязательное медицинское страхование в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 54–63.
3. Пирогов М. В., Успенская И. В., Манухина Е. В. Клинико-экономический баланс регионального здравоохранения: (монография) // Приложение к журналу «ГлавВрач». 2013. № 7. М., 2013. 95 с.
4. Роик В. Д. Обязательное медицинское страхование: теория и практика: учебное пособие. М.: Дело и Сервис, 2013. 208 с.
5. Иванов А. В., Тихомиров А. В. Страхование и медицинская деятельность // Главный врач: хозяйство и право. 2009. № 5. С. 32–39.
6. Андреев В. С. Социальное обеспечение в СССР. М.: Знание, 1968. 184 с.
7. Соколова Н. А. Конституционные права граждан на социальное обеспечение и медицинскую помощь: понятие, соотношение и условия реализации // Современное состояние законодательства и науки трудового права и права социального обеспечения: материалы 6-й Международной научно-практической конференции / под ред. К. Н. Гусова. М.: Проспект, 2010. С. 602–608.
8. Состояние и перспективы планирования и финансового обеспечения медицинской помощи населению / В. О. Флек, В. А. Зеленский, П. И. Кузенко [и др.]; под ред. акад. РАМН В. И. Стародубова. М.: Менеджер здравоохранения, 2012. 172 с.

Styles of business communication: a phenomenon, a problem, a methodology, concepts

V. A. Tolochek¹

¹Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences, 13 Yaroslavskaya Str., Moscow 129366, Russian Federation

Scientific article

The purpose of this study: to study the features of the evolution and functioning of styles (on the model of business communication styles); subject – styles of business communication of employees of modern organizations. Sample – employees of large Russian commercial companies; clinical hospitals; universities; small and medium-sized commercial organizations. In a single space, several interrelated and mutually complementary styles function and develop. Each person at the same time can be more or less expressed different styles. Among the different styles and in the assets of each subject, three pairs of mutually complementary styles of different structural maturity can be distinguished: a) mature; c) developing; c) immature, unformed. The styles identified and described by researchers – their number, composition of components, structures – are derivatives of basic scientific concepts.

Keywords: business communication styles; phenomenon; problem; methodology; concepts; subjects; dyads; interactions; structures

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tolochek Vladimir A. | E-mail: tolochekva@mail.ru
| Doctor of Sciences in Psychology, Leading researcher

Funding: RFBR, Project № 17-06-00200.

Стили делового общения: феномен, проблема, методология, концепции

В. А. Толочек¹

¹Институт психологии РАН, ул. Ярославская, 13, Москва, 129366, Российская Федерация

УДК 159.9.

Научная статья

Цель настоящего исследования – изучение особенностей эволюции и функционирования стилей (на модели стилей делового общения); предмет – стили делового общения работников современных организаций. Выборка – сотрудники крупных российских коммерческих компаний, клинической больницы, вуза, малых и средних коммерческих организаций. В едином пространстве функционируют и развиваются несколько взаимосвязанных и взаимно дополняющих стилей. У каждого человека одновременно могут быть более или менее выражены разные стили. Среди разных стилей и в активе каждого субъекта можно различать три пары взаимно дополняющих стилей разной структурной зрелости: а) зрелые; в) развивающиеся; с) незрелые, несформированные. Выделяемые и описываемые исследователями стили – их число, состав компонентов, структуры – есть производные базовых научных концепций.

Ключевые слова: стили делового общения; феномен; проблема; методология; концепции; субъекты; диады; взаимодействия; структуры

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Толочек Владимир Алексеевич | E-mail: tolochekva@mail.ru
Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник

Финансирование: РФФИ, проект № 17-06-00200 «Стили делового общения: пространство и ресурсы взаимодействия субъектов».

Введение. Стили общения (СО) и стили делового общения (СДО) активно изучаются с 1970–1980-х годов в разных научных школах. Для зарубежных исследований стилей делового общения (СДО) характерен организационно-центрированный и культурно-центрированный подход, для отечественных – субъектно-центрированный. В зарубежной социальной психологии доминирующими стали темы изучения взаимодействия работников организаций как акцентирования типичного и желатель-

ного поведения и/или как их своеобразия, обусловленного ценностями, уровнем образования, национальными традициями и пр.; в кросскультурных исследованиях – как отражение роли субкультуры, гендера, возраста. Стили общения чаще рассматриваются либо в структуре социальных (деловых) коммуникаций, либо – в системе консультативных и психотерапевтических отношений людей [1–5].

После того как Р. Уолтон и Р. Маккерси выделили и описали два крайних полюса

© Толочек В. А., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

коммуникативных взаимодействий субъектов: а) «дистрибутивные переговоры» (с доминантой на «выигрыш», на «максимизацию собственной прибыли») и в) «интегративные переговоры» (ориентированные на сотрудничество, на совместное разрешение проблем, на увеличение «общей выгоды») [5], – логика упрощения и поляризации стратегий поведения людей, а также используемых ими коммуникативных средств и способов решения задач оказалась удивительно живучей и нередко даже плодотворной. Действительно, в бесконечном многообразии вариантов реального поведения людей всегда можно было различить и выделить 2–3 разных стиля [1–4; 6–9]. Реже ученые выделяют 4–5 типов: этический, аналитико-агрессивный, общительный, гибкоагрессивный стили [10]; конкурирующий, избегающий, приспособляющийся, сотрудничающий стили ведения переговоров [11]; жесткий, мягкий, торговый и сотрудничающий стили ведения переговоров [12]; авторитарный, ситуационный, реализаторский, маргинальный и попустительский стили [13–14]; структурный, стратегический, поведенческий и процессуальный подходы к ведению переговоров [1].

Смещая анализ проблемы стилей с собственно эмпирических и методических аспектов исследований на базовую методологию, можно выделить несколько важных проблем исследования СО. *Первая.* В разработках стилей общения явно преобладает обращение к теоретическому конструированию структур и процессов общения. *Вторая.* Поскольку исторически первым был нормативный подход в разработке разных проблем психологии, ученые следовали принципу «от абстрактного к конкретному»; но множество явных и латентных факторов чаще отрицали это декларируемое движение науки к практике. Deskриптивный подход к разработке проблем оставался содержательно неполным, фрагментарным описанием, ориентированным на конкретные практические задачи, что затрудняло и движение мысли «от конкретного к абстрактному». *Третья.* «Континуальная экспликация» как выделе-

ние двух «полюсов» некоторого ряда последовательных преобразований феномена есть сильное упрощение состояния фрагмента социальной действительности, равно как и его «плоскостная экспликация» – использование двух условно ортогональных осей (измерений, факторов), предполагаемых априори, но эмпирически не всегда убедительно подтверждаемых. *Четвертая.* В научной литературе приводятся описания «фенотипа» стиля, а выявление его «генотипа» не входит в предмет исследования.

Выбор стилей делового общения (СДО) как модели изучения стилей (в целом) способствует как дальнейшему изучению феномена «стиль», так и раскрытию ряда аспектов общения, ускользающих при «жестком» выделении его типов, стилей, стратегий.

Цель исследования – изучение особенностей эволюции и функционирования стилей (на модели стилей делового общения); *предмет* – стили делового общения персонала современных организаций. *Гипотезы:* 1. В общем социальном пространстве (пространстве деятельности) существуют несколько независимых стилей делового общения (СДО) субъектов; 2. Выделяемые и описываемые исследователями стили (их число, состав компонентов, структуры) есть производные базовых научных концепций; 3. Разные стили (СДО) субъектов функционируют независимо друг от друга; 4. Разные стили (СДО) субъектов эволюционируют (развиваются, вызревают, угасают, разрушаются) независимо друг от друга; 5. Изучение феномена «стиль» на модели стилей делового общения позволяет акцентировать ряд аспектов эволюции и функционирования стиля, не выделявшихся при изучении стилей на других моделях. *Методы:* 1) анализ литературных источников; 2) психодиагностика (тест-опросники 16 Р. Б. Кеттелла, УСК; ОСС и КПСС Т. Л. Крюковой); исследовательская методика – анкета «Стили делового общения» (СДО); 3) методы параметрической статистики: корреляционный, факторный, анализ надежности (коэффициент α). В настоящей работе рас-

смаатриваются только результаты опросов по методике СДО. *База исследований*: группа крупных российских коммерческих компаний; клиническая больница; вузы. Всего – 405 чел.: мужчины (85 чел.) и женщины (320 чел.) в возрасте от 19 до 60 лет. ($M = 36,1$; $SD = 8,8$).

Дизайн исследований. Проводились два цикла статистических расчетов. Согласно первому варианту, расчет надежности методики по однородности проводился как следование логике выделения независимых факторов, включенных в разные стили. При факторном анализе рассматривались лишь выраженные корреляции переменных с факторами (при $r > 0,200$). Соответственно в качестве «ключей» методики рассматривались пункты опросника, которые теснее других коррелировали с данным фактором (чаще при $r > 0,200$), представляющим данный стиль. При втором варианте расчетов мы следовали авторской концепции стилей [15–16]. Соответственно при втором варианте расчета надежности методики допускалось использование в качестве «ключей» пунктов опросника, которые лишь теснее других коррелируют с данным фактором.

Результаты исследования

Проверка методики СДО на надежность по устойчивости пунктов дала положительные результаты (большая часть переменных при тест-ретестовых испытаниях находилась в интервале $r = 0,300-0,500$), как и проверка на конструктивную валидность (содержательно «пункты» СДО коррелировали со шкалами психодиагностических методик в интервале $r = 0,200-0,600$). В целом полученные результаты можно считать удовлетворительными:

1. Согласно описательной статистике размах самооценок респондентами особенностей своего стиля составлял от 0 до 4 (лишь в одном случае от 1 до 4) баллов, т. е. испытуемыми использовался весь диапазон шкалы оценок. Средние составляли от 2,5 до 3,2 (что объяснимо и адекватно для выборки зрелых профессионалов). Стандартные отклонения находились в пределах

1,0; асимметрия и эксцесс по большей части переменных в пределах 0,100–0,800;

2. Интеркорреляции переменных в своем большинстве находились в интервале от -0,310 до + 0,460; чаще они варьировали около 0,00, обычно не превышая 0,300. Другими словами, оцениваемые компоненты стиля были сравнительно автономными. Содержательно выявленные связи были адекватными по величине и направлению;

3. При факторном анализе (ФА) воспроизводились шесть типовых факторов (как и в предшествующих исследованиях), объясняющих 43,9 % общей дисперсии. В общей выборке имело место снижение объясняемой дисперсии (вследствие роли субкультуры и пр.), тогда как при анализе отдельных специфических выборок при выделении таких же по содержанию шести факторов объясняемая дисперсия составляла от 60 до 75 %. При проверке надежности методики по однородности пунктов (критерий α -Кронбаха) мы получили удовлетворительные результаты лишь в отношении первого и второго факторов, понимаемых как «шкалы» методики или как особые стили.

Согласно факторному анализу 35 переменных сгруппировались в шесть хорошо интерпретируемых факторов. 1-й фактор, согласно весу его образующих, был назван «Активный, взаимодействующий, направляющий стиль» (Лидерский стиль). Фактор характеризовал: активность, настойчивость субъекта, использование аргументации, взаимодействие с партнером и его поддержка, конструктивность повеления субъекта. Фактор отражал активный и конструктивный стиль общения (условно он был определен как «1-й активный СДО»). 2-й фактор был назван «Адаптивный стиль» (Приспосабливающийся). Его отличали предпочтение субъектом спокойных условий взаимодействия, использование организации времени для себя и партнера, информирование, использование документов, беседы и пр., предпочтение стратегий уклонения, приспособления, сотрудничества, дальней психологической дистанции. Фактор презен-

товал адаптивный стиль общения (условно он был определен как «1-й адаптивный СДО»). 3-й фактор – «*Фасилитативный стиль*» (Общение ради общения) – включал активное, широкое, разнообразное общение; признание важности разных функций общения, адаптивность поведения, но при этом его инструментальная обедненность. Фактор презентовал адаптивный стиль (условно названный «2-й адаптивный СДО»). 4-й фактор – «*Неконструктивно агрессивный стиль*» – отражал агрессивность субъекта, использование разных средств давления на партнера; ориентацию на краткость взаимодействий (короткое время); но при выраженном «напоре» – инструментальную обедненность поведения. Фактор отражал достаточно активный стиль (условно названный «2-й активный СДО»). 5-й фактор – «*Жесткий, ориентирующийся на формальные аспекты общения*» («Настойчивый «бюрократ») – был выражением соперничества, демонстрации силы, прямолинейности в преследовании своих целей, «бюрократизма» – опоры в общении на формальные параметры, в целом – инструментальной обедненности. Фактор представлял активный стиль – «3-й активный СДО»). 6-й фактор – «*Коммуникации без общения*». Представителя этого стиля можно описывать как настырного, холодного эгоиста; «сутяжника» с неконструктивностью поведения, отсутствием склонности к взаимодействиям с партнером (инструментальная обедненность поведения). Фактор презентовал адаптивный стиль – «3-й адаптивный СДО»).

Согласно содержанию (составу компонентов и структуре фактора) предполагаемая эффективность разных СДО (шесть выделенных факторов рассматривались как структуры шести стилей) представлялась так: 1-й фактор признан эффективным; 2-й фактор – достаточно эффективны; 3-й фактор – умеренно эффективным; 4 и 6 факторы – не эффективными; 5-й фактор малоэффективным. Разделение стилей по критерию эффек-

тивности – с учетом структуры факторов и объясняемой дисперсии – представляется правдоподобным. Среди шести выделенных факторов (стилей) явно выделяются три пары взаимно дополняющих СДО. Эти пары комбинируются так: 1–2-й стили, 3–5-й, 4–6-й. Эти три пары можно также различать и по уровню «зрелость стилей».

Обсуждение результатов исследования

Даже незначительная «вариации с ключами» во втором варианте расчетов надежности методики оказалась продуктивной не только в плане выделения более приемлемых психометрических характеристик методик, но и в методологическом аспекте. Даже незначительное изменение варианта анализа «пунктов» методики дало весомые аргументы в пользу версии о связи характеристик феномена и инструментария его изучения. В свете полученных результатов изучение стилей (поведения, деятельности) в контексте специфических задач (при «континуальной» или «плоскостной» их экспликации) видится не лучшим решением. Более конструктивным видится представление стилей (в т. ч., СДО) как сложных систем – открытых, неустойчивых (диссипативных), иерархически организованных, – изучение которых должно проводиться в методологии «больших систем», а не «малых систем» (что более освоено в академической психологии). Так, в СДО мы различаем компоненты трех иерархических уровней – высшего: идеальные регуляторы (типы организации), т. е. предпочтение функций общения и стратегий поведения; среднего: операциональные системы, т. е. «действия общения», и низового: субъективно удобные условия деятельности, т. е. предпочтение условий пространства, времени, характера активности [15–16].

При этом СДО можно рассматривать как важную составляющую сложных социальных взаимодействий, в которых переплетаются психологические объекты и процессы разного уровня и порядка (например, такие как феномен «сопряженной карьеры», «психологической ниши») [16–18]. Выделение функционально взаимодействующих стилей

в пространстве деятельности (порядка шести) есть не только вопрос количества разнообразных стилей («необходимого и достаточного»), он важен не только для диагностики и рассуждений об особенностях того или иного стиля – он важен и для понимания проблемы в целом. Здесь и ответы на вопросы о становлении и генезисе, об условиях развития и возможных вариациях стилей, о факторах их успешности, об «экологической» завершенности процессов взаимодействия людей и др.

Принципиально важным выступает анализ и описание стилей взаимодействия людей не как их «индивидуальных» стилей («личностных», «типологически обусловленных» и т. п.), а как стилей функционально и психологически взаимодействующих партнеров, как «совместных», а следовательно, и *со-вместимых*, согласованных, взаимно дополняющих друг друга стилей субъектов, в их взаимодействиях создающих целостность и завершенность совместной деятельности в едином и целостном пространстве. Собственно, именно это и подтверждают результаты двух циклов расчета надежности.

Концептуально СДО можно и нужно рассматривать в русле метасистемогенетического подхода с выделением пяти иерархических уровней анализа феномена: 1) элементарного (отдельных действий субъектов); 2) компонентного (трех иерархических подсистем СДО субъектов); 3) субсистемного (анализа как целостного отдельного образования СДО каждого субъекта); 4) системного (анализа стилей, представленных диадами взаимодействующих субъектов); 5) метасистемного (анализа процессов и эффектов взаимодействия СДО субъектов в заданной или формируемой ими среде, в условиях и ситуациях конкретного окружения, анализа, акцентирующего внимание на роли среды в функционировании стилей взаимодействующих субъектов). Ограничиваясь в настоящей работе описанием *субсистемного* уровня (отдельных стилей как целостных образований) и *системного* уровня (диад потенциально взаимодействующих

стилей субъектов), можно констатировать, что достаточно четко выделяются все шесть стилей (даже признавая несовершенство исследовательской методики, неоднозначность ситуаций диагностики). Повторяемость результатов независимых исследований, значительно возросший коэффициент α при новой концепции (вернее, новой интерпретации эмпирических результатов), в целом приемлемые психометрические показатели в отношении четырех стилей из шести дают основание сделать рабочий вариант ключей к опроснику. Все его пункты «работают» в логике авторской концепции.

Полученные результаты также позволяют уточнить основные положения авторской концепции стиля:

1. В структуре стилей различаются универсальные компоненты (присущие всем стилям, обеспечивающие их эффективность и согласованность при совместной деятельности), инвариантные стилевые (специфические) и вариативно изменчивые стилевые компоненты (обеспечивающие их адаптацию к разным условиям окружения). Следовательно, в разных стилях разных людей могут быть сходные компоненты; некоторые компоненты могут входить в разные стили и даже во все стили;

2. Разные стили (деятельности, руководства, общения и др.) имеют сходную структурно-функциональную организацию;

3. Стилей (в т. ч. и СДО) у каждого человека может быть несколько; они могут вариативно изменяться сообразно задачам, ситуациям и условиям окружения;

4. В общем пространстве деятельности одновременно функционируют и эволюционируют несколько разных стилей актуально взаимодействующих субъектов совместной деятельности. Для их описания достаточно ограничиваться шестью (основными типами);

5. Разные СДО занимают разные части пространства деятельности (пространства делового общения);

6. Становление, развитие и функционирование разных стилей обеспечивается механизмами дополнительности. В простран-

стве деятельности выделяются парные стили, взаимно предполагающие друг друга, один из которых характеризуется как активный, второй – адаптивный. Стили могут иметь разный уровень развития (структурной зрелости); при этом на каждом уровне находятся такие же пары взаимно предполагающих друг друга стилей. Можно различать три пары взаимно дополняющих стилей разной зрелости: а) зрелые (с хорошей структурой); в) развивающиеся; с) несформированные (с плохой структурой). Возможно, что они остаются, сохраняются у каждого (в большей или меньшей степени, выступая в отдельных случаях как более или менее развитые, как более или менее часто используемые), отражая процессы их эволюции;

7. Выделяемые СДО не будут отличаться совершенством и гармоничностью. Нет оснований считать, что спонтанно формируемые у людей стили будут оптимальными в отношении набора компонентов, структуры и пр.

На данном этапе НИР мы выявили ряд фактов, позволяющих делать положительные констатации. Гипотезы: «В общем социальном пространстве (пространстве деятельности) существуют несколько независимых стилей делового общения (СДО) субъектов»; «Разные стили (СДО) субъектов функционируют независимо друг от друга»; «Разные стили (СДО) субъектов эволюционируют

(развиваются, вызревают, угасают, разрушаются) независимо друг от друга» – отклоняются. Подтвердились 4-я и 5-я гипотезы: «Выделяемые и описываемые исследователями стили (их число, состав компонентов, структуры) есть производные базовых научных концепций»; «Изучение феномена “стиль” на модели стилей делового общения позволяет обозначить ряд аспектов эволюции и функционирования стиля, не выделявшихся при изучении стилей на других моделях».

Выводы:

1. В едином пространстве функционируют и развиваются несколько взаимосвязанных и взаимно дополняющих стилей.

2. У каждого человека одновременно могут быть более или менее выражены разные стили.

3. Среди разных стилей и в активе каждого субъекта можно различать три пары взаимно дополняющих стилей разной структурной зрелости: а) зрелые (с хорошей структурой); в) развивающиеся; с) незрелые, несформированные (с плохой структурой).

4. Выделяемые и описываемые исследователями стили – их число, состав компонентов, структуры – есть производные базовых научных концепций. 4) Вероятно, что чаще выделяемые в исследованиях стили (выбор, отдельных субъектов) не будут отличаться совершенством и гармоничностью.

Ссылки

1. Спенгл М. Л., Айзенхарт М. У. Переговоры. Решение проблем в разном контексте. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 592 с.
2. Negotiation / R. J. Lewicki [et al]. 4-th edtion. NY: McGraw-Hill Education, 2003. 704 p.
3. Regins B., Sundstrom E. Gender and Power in organizations: A longitudinal Perspective // Psychological bulletin. 1989. V. 105. P. 51–88.
4. Schein E. Process consultation Revisited. Building the Helpful relationship. NY: Addison-Wesley, 1999. 644 p.
5. Walton R. E., McKersie R. B. A Behavioral Theory of Labour Negotiation. New York: McGraw Hill, 1965. 382 p.
6. Аргентова Т. Е. Стиль общения как фактор эффективности совместной деятельности // Психологический журнал. 1984. № 6. С. 130–133.
7. Ильин Е. П. Психология делового общения. СПб.: Питер, 2017. 240 с.

8. Митина Л. М. Психология труда и профессионального развития учителя. М.: Академия, 2004. 320 с.
9. Солдатова Г. У., Гасимов А. Ф. Разработка и апробация методики оценки переговорного стиля (МОПС) // Экспериментальная психология. 2019. № 3. С. 92–104.
10. Мастенбрук В. Переговоры. Калуга: Калужский ин-т социологии, 1993. 175 с.
11. Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов: учебное пособие. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.
12. Кармин А. С. Конфликтология. СПб.: Лань, 1999. 448 с.
13. Карпов А. В., Маркова Е. В. Роль личностной и социальной рефлексивности в успешной реализации управленческих функций // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 3 (21). С. 104–108.
14. Маркова Е. В. Индивидуально-типологические закономерности стилей управленческих решений и их диагностика: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2001. 24 с.
15. Толочек В. А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: Институт психологии РАН, 2013. 318 с.
16. Толочек В. А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Институт психологии РАН, 2015. 366 с.
17. Толочек В. А. Сопряженная профессиональная карьера субъекта: контексты и измерения // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 2. С. 48–61.
18. Толочек В. А. «Психологические ниши»: топосихронос в детерминации профессиональной специализации субъекта // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 1. С. 195–213.

The relationship of the religiosity of parents with the organization of family relations

O. V. Isaeva¹, N. V. Klyueva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Scientific article

The article is devoted to the study of the relationship of personality religiosity with the parameters of family relations (matrimonial, parent-child). Specific interconnections are revealed: religious women choose the egalitarian system of the family; religious men are more oriented towards the “family”. Religious parents cooperate more with children, control and infantilize them.

Key words: Religiosity; egalitarian family; patriarchal family; cooperation; the control; infantilization; family models

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Isaeva Olga V | E-mail: olga.family@mail.ru
Postgraduate student

Klyueva Nadezhda V. | E-mail: nadejda@uniyar.ac.ru
Doctor of Sciences in Psychology, Professor

Взаимосвязь религиозности родителей с организацией внутрисемейных отношений

О. В. Исаева¹, Н. В. Ключева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 159.9

Научная статья

Статья посвящена исследованию взаимосвязи религиозности личности с параметрами семейного отношения (брачно-супружеские, родительско-детские). Выявлены специфические взаимосвязи: религиозные женщины выбирают эгалитарное устройство семьи, религиозные мужчины больше ориентированы на «семью». Религиозные родители больше кооперируются с детьми, контролируют и инфантилизируют их.

Ключевые слова: религиозность; эгалитарная семья; патриархальная семья; кооперация; контроль; инфантилизация; семейные модели

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Исаева Ольга Валентиновна | E-mail: olga.family@mail.ru
Аспирант

Ключева Надежда Владимировна | E-mail: nadejda@uniyar.ac.ru
Доктор психологических наук, профессор

Психологические исследования религиозности и ее значения в жизни человека можно найти в работах Б. С. Братуся, Ф. Е. Василюка, У. Джеймса, В. Н. Дружинина, Т. А. Казанцевой, В. И. Носовича, К. К. Платонова, В. С. Соловьева, Д. М. Угриновича, В. Франкла, Э. Фрейда, Э. Фромма, Л. Ф. Шеховцовой, К. Г. Юнга, И. Н. Яблокова и др. В классической работе по психологии религии американский философ и психолог У. Джеймс дает определение религии как совокупности религиозного опыта, чувств и действий. Под влиянием религии мир индивида делится на мир видимый и мир невидимый – духовный, в котором и заключен главный смысл жизни человека [1]. Ф. Е. Василюк отмечал, что религиозные переживания – особая форма деятельности, которая направлена на восстановление «душевного равнове-

сия». Он описывал религиозные переживания как «целостный процесс, включающий и эмоциональный, и интеллектуальный процессы, цель которого – это производство смысла» [2]. О. В. Сучкова [3] и М. Ю. Смирнов [4] в своих исследованиях определяют религиозность как «социально-психологическое свойство личности», отражающее степень принятия элементов религии, которые проявляются в сознании и поведении личности.

В своем исследовании, опираясь на структурные компоненты религиозности, выделенные О. В. Сучковой [3], мы определяем религиозность как социально-психологическое свойство личности, оказывающее специфическое влияние на когнитивный, эмоциональный, поведенческий, идентификационный и нормативно-ценностный базис (спектры)

© Исаева О. В., Ключева Н. В., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

личности (в нашем исследовании – родителя), и относим религиозность к ценностно-смысловой установке личности.

В исследовании внутрисемейных отношений мы опираемся на теорию отношений В. Н. Мясищева, согласно которой отношение – это осознанная связь человека со значимым для него объектом, характеризующаяся направленностью, целостностью, избирательностью, осознанностью. Человеческое «общественное отношение», то есть отношение к другому человеку, к людям, к различным их группам и общностям, В. Н. Мясищев обозначал как формообразующее отношение, которое является исходным для всех других отношений [5].

Религиозные родители в своих действиях опираются на нормы отношений, прописанные в Библии. Так, супружеские отношения строятся согласно Посланию Апостола Павла к Ефесянам: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены... жены своим мужьям во всем...», – где описывается авторитарное главенство мужа и строго патриархальное устройство семьи. Библия описывает и отношение родителей к детям: «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6:4); «Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали» (Кол. 3:21). В этих стихах описано, что родители, доводящие детей до гнева и отчаяния, возвращают в детях непослушание, уныние, апатию и разочарование в самих себе.

Цель исследования: выявить взаимосвязь религиозности и таких параметров межличностных семейных отношений, как отношения между супругами, отношения между родителями и детьми, семейные модели (Д. Олсон) [6], организация жизнедеятельности семьи, т. е. распределение ролей, правил, лидерства и других структурных параметров семейной системы.

Характеристика выборки: взрослые люди, состоящие в браке, имеющие, как минимум, одного ребенка, православные. Всего 220 человек, из них 124 женщины и 96 мужчин. Возраст – от 20 до 50 лет. Испытуемые были разделены на три возрастные группы: 1-я группа – от 20 до 34 лет; 2-я группа – от 35 до 39 лет; 3-я группа – от 40 до 50 лет.

Методы исследования:

– для изучения религиозности испытуемых использована методика изучения религиозной активности (Д. О. Смирнов);

– для исследования ценностей и установок родителей были выбраны методики: «Ролевые ожидания и притязания в браке» (А. Н. Волков), опросник «Измерение установок в семейной паре» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская), тест «Ценностные ориентации» (М. Рокич);

– семейные модели исследовались по шкале семейной адаптации и сплоченности (Olson D., адаптация М. Перре);

– для исследования родительского отношения к детям использовались Тест-опросник детско-родительского отношения (А. Я. Варга и В. В. Столин) [7], Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (Е. И. Захарова).

Результаты исследования и их интерпретация

Отношения между супругами. В исследовании выявлена высокая значимость ценностно-смысловой установки «Семейная жизнь» и для мужчин, и для женщин независимо от возраста. Эта ценность занимает 1–3-е место в перечне других ценностей. Чем более религиозен мужчина, тем значимее для него семья (Тау-б Кендалла = ,147 *р = 0,028). В женской группе такой взаимосвязи не обнаружено.

При исследовании *ориентации испытуемых на патриархальное (эгалитарное) устройство семьи*, для которого характерны равенство мужчины и женщины, отношения партнерства, взаимозаменяемость ролей, умение каждого из супругов быть как лидером, так и ведомым; признание права личности ребенка, его права на свободу и инициативу; принятие решений всеми членами семьи, выявлена ориентация мужчин на патриархальное устройство семьи, а женщин – на эгалитарное. В группе мужчин установка на эгалитарную семью имеет в целом низкое значение (средний ранг – 94,64). Среди женщин – большой процент испытуемых, для которых эгалитарное устройство семьи является предпочтительным (средний ранг – 122,78). Различия в мужской и женской выборке статистически значимы – U Манна-Уитни = 4429,0; р = 0,001.

Анализируя различия в возрастных группах, выявлено, что на патриархальное устройство семьи больше ориентированы мужчины возрастной группы 1 (до 35 лет) и 3 (после 40 лет), соответственно средний ранг – 43,57 и 43,33; во 2-й возрастной группе (35–39 лет) средний ранг у мужчин – 59,58. Различия в мужской группе статистически значимые (критерий Краскела–Уоллиса = 7,314; $p = ,026$). В женской группе средний ранг 1-й гр. – 53,14; 2-й гр. – 52,75. После 40 лет у женщин установка на эгалитарное устройство семьи имеет еще большее значение: ее средний ранг равен 82,55 (критерий Краскела–Уоллиса = 18,837; $p = ,000$).

Религиозные женщины ориентированы на эгалитарную семью (коэффициент корреляции Тау-в Кендалла = ,165, $p=0,006$). Этот результат свидетельствует о глубоких изменениях в православных семьях. Мы предполагаем, что возможной причиной высокой ориентации религиозных женщин, особенно третьей возрастной группы, на эгалитарное устройство семьи является внешнее исполнение библейских заповедей, а не смысловое следование им. Это ведет к длительному «смирению» женщин перед главенством мужа. Такое смирение является следствием подавления чувств и потребностей женщины, которые она скрывает, подчиняясь заповеди. Длительное подавление своих чувств и потребностей под влиянием внешних обстоятельств приводит к внутреннему конфликту, который проявляется в протесте по отношению к сложившемуся семейному укладу. Это позволяет женщине выразить свои чувства, проявить потребности, что ведет к изменению модели поведения в семье.

Семейные модели. В исследовании установлено, что большинство родителей, независимо от пола, организуют свою семью дисфункциональным образом, выбирая запутанную семейную модель и хаотическую семейную модель.

Для *запутанной семейной модели* характерно то, что члены семьи делают все вместе, нет своего пространства, различия во мнениях не поощряются и являются угрозой целостности семьи. При оценке своей реальной семьи по показателю «сплоченность» 50 % мужчин и 48,4 % женщин оценили ее как запутан-

ную модель. В исследовании желаемой семейной модели установлено стремление большей части испытуемых (90 % мужчин и 85 % женщин) к созданию дисфункциональной (запутанной) семейной системы. Религиозные супруги склонны к созданию *менее* сплоченной семьи, чем супруги, не имеющие ценностно-смысловой установки на религиозность (Тау-в Кендалла = -,094*, $p = 0,05$). Так как в исследовании установлено общее стремление испытуемых к созданию дисфункциональной (запутанной) семейной системы, некоторая степень снижения сплоченности религиозных супругов может способствовать организации функциональных моделей семьи.

Анализ семейных моделей по показателю «гибкость» выявил, что взрослые члены семьи, независимо от пола, видят семейное взаимодействие в семье как функциональное, выбирая структурированную и гибкую семейные модели. Однако в желаемой ситуации испытуемые (38,54 % мужчин и 46,77 % женщин) стремятся к тому, чтобы изменить модель семьи на хаотическую. *Хаотическое устройство семьи* характеризуется неустойчивым руководством, импульсивными и непродуманными решениями, роли членов семьи неясны и часто смещаются от одного члена семьи к другому, что может привести к проблемному состоянию супружеской системы и девиантному поведению детей. Религиозные супруги выбирают более гибкие семейные модели (Тау-в Кендалла = -,118**, $p = 0,01$). Необходимо заметить, что показатель «гибкость» предполагает признание лидерства и руководства, принятие ответственности и следование своду правил. В православии четко определена иерархия и ответственность мужа-лидера. Повышение гибкости, готовность к распределению лидерства у православных мужчин может свидетельствовать об изменениях в православной традиции. Можно предположить, что религиозные мужчины относятся более гибко к своей роли лидера и ответственного за решения семьи, склонны разделять эту ответственность с супругой, что соответствует высокой значимости ценностно-смысловой установки «идентификация супругов» для большинства испытуемых. Максимально гибкой семейной моделью является хаотическая, для которой свойственно

отсутствие лидера и ответственного за жизнь семьи. Нежелание или боязнь собственной ответственности может быть спровоцировано православной традиций, в которой приучают на все дела брать благословение (одобрение) у Духовника или «уповать» на волю Бога, т. е. снимать ответственность с себя и возлагать ее на другого Лидера – Духовника или Бога.

Для религиозных женщин в браке обнаружена более высокая значимость наличия детей, чем у нерелигиозных (Тау-б Кендалла = ,194; $p = 0,002$). В мужской группе такой связи религиозности и значимости детей не обнаружено.

Отношения между родителями и детьми.

В исследовании при определении взаимосвязи религиозности родителей и отношения родителей к детям мы опираемся на типологию отношений, предложенную А. Я. Варгой [1]. Религиозные родители больше *кооперируются* с детьми (родитель заинтересован в делах ребенка, доверяет ему, старается принять его точку зрения в спорных вопросах). В мужской группе коэффициент корреляции Тау-б Кендалла = ,177; $p = 0,013$; в женской коэффициент корреляции Тау-б Кендалла = ,118; $p = 0,044$. Высокая религиозность родителей обуславливает и особый режим жизни детей. Например, воскресенье проводить на службе в Храме с родителями, а после службы посвящать время Богу, совместному чтению библии и молитве. Все это способствует тому, что родители много времени проводят с детьми в совместной деятельности, что увеличивает показатель кооперации.

Религиозные родители больше *контролируют* детей, используя авторитарные принципы воспитания. Особенно это характерно для отцов, что связано с традиционной патриархальной властью отца и послушанием детей в религиозных семьях.

Религиозные родители больше *инфантилизируют* детей, приписывая им личную и социальную несостоятельность (в мужской группе коэффициент корреляции Тау-б Кендалла = ,474* $p = 0,000$; в женской коэффициент корреляции Тау-б Кендалла = ,243* $p = 0,000$). Религиозные родители больше времени проводят с детьми (утренние и вечерние молитвы, воскресный день). Православные традиции воспитания в детях терпения

и добродетелей рожают у родителей страх в способности детей справиться с ситуациями в жестком социуме. Родители стараются оградить детей от социального окружения, в котором нет «Бога», отдавая детей в православные школы и вузы.

Религиозные отцы хуже *оценивают себя как родителя* (коэффициент корреляции Тау-б Кендалла = ,245 $p = 0,01$); менее способны *безусловно любить* ребенка (коэффициент корреляции Тау-б Кендалла = -,200 $p = 0,01$), что компенсируется способностью к *телесному контакту* с детьми (коэффициент корреляции Тау-б Кендалла = ,373 $p = 0,01$). Религиозные отцы больше *ориентируются на состояние ребенка* при построении с ним взаимодействий (поведенческое проявление), коэффициент корреляции Тау-б Кендалла = ,262 $p = 0,01$. Религиозные мамы испытывают более негативные *эмоции при взаимодействии с детьми* (коэффициент корреляции Тау-б Кендалла = -,173 $p = 0,01$). Религиозные мамы и отцы менее способны к *чувственному восприятию состояния ребенка*, к пониманию его и сопереживанию ему (коэффициент корреляции Тау-б Кендалла = -,221, $p = 0,01$ – мужчины; коэффициент корреляции Тау-б Кендалла = -,138, $p = 0,05$ – женщины).

Выявлено положительное влияние *повышения уровня общей осмысленности жизни и религиозности родителей* на брачно-семейные ценностно-смысловые установки родителей, соответственно, и на внутрисемейные. Установлена прямая корреляционная связь общей осмысленности жизни и религиозности как мужчин (Тау-б Кендалла = ,209 $p = 0,01$), так и женщин (Тау-б Кендалла = ,115 $p = 0,05$). Увеличение уровня общей осмысленности жизни и религиозности приводит мужчин к увеличению значимости своей родительской роли (Тау-б Кендалла = ,377, $p = 0,01$); повышает у мужчин уровень собственной идентификации, социальной активности и готовности быть «психотерапевтом» себе и своей семье (Тау-б Кендалла = -,182 $p = 0,01$); увеличивает ориентацию мужчин на «традиционную семью» и повышает чувство долга (Тау-б Кендалла = ,288 $p = 0,01$); позволяет патриархальным мужчинам быть более внимательными к мнению жен (Тау-б Кендал-

ла = ,165 $p = 0,05$). Увеличение уровня общей осмысленности жизни и религиозности стимулирует женщин к способности оказывать поддержку себе и членам семьи (Тау-б Кендалла = ,104 $p = 0,05$); увеличению значимости семьи и своей исполнительности (Тау-б Кендалла = ,180 $p = 0,01$); ориентирует женщин на патриархальное семейное устройство (Тау-б Кендалла = -,107 $p = 0,05$).

Выводы: в исследовании выявлены специфические взаимосвязи религиозности родителей и внутрисемейного отношения как в брачно-супружеских отношениях, так и в родительско-детских. Религиозные мужчины больше ориентированы на семью. Религиозные женщины ориентированы на эгалитарное устройство семьи, т. е. стремятся к равноправию в семье.

Религиозные родители создают более «гибкие» семейные модели, в которых мужчина имеет меньше власти и ответственности. Религиозность супругов дает им возможность ощущать свою сопричастность и слитность с Богом и в меньшей степени стремиться к дисфункциональному слиянию с членами семьи, строить более функциональные семейные модели по критерию «сплоченность».

Чем выше религиозность родителей, тем сильнее они инфантилизируют детей, ограждая их от социума, в котором «нет Бога». Религиозные родители сильнее кооперируются

с детьми. Высокая религиозность родителей обуславливает особый режим в жизни детей, что способствует большому периоду времени, проводимому родителями с детьми в совместной деятельности, что увеличивает показатель кооперации. У религиозных родителей выше показатели контроля, что связано с традиционно патриархальной властью отца и послушанием детей в религиозных семьях.

Религиозные матери и отцы менее способны к чувственному восприятию состояния ребенка, к пониманию его и сопереживанию ему. Религиозные отцы больше ориентируются на состояние ребенка при построении с ним взаимодействий (поведенческое проявление). Чем выше религиозность отцов, тем более они склонны к телесному контакту с детьми. Однако религиозные отцы менее способны безусловно любить ребенка и хуже оценивают себя как родителя.

Выявлено положительное влияние повышения уровня общей осмысленности жизни и религиозности родителей на внутрисемейные отношения в части собственной идентификации, социальной активности и готовности быть «психотерапевтом» себе и своей семье; повышение у патриархальных мужчин внимания к мнению жен. Увеличение уровня общей осмысленности жизни и религиозности побуждает женщин к проявлению способности оказывать поддержку себе и членам семьи.

Ссылки

1. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. 431 с.
2. Василюк Ф. Е. Исповедь и психотерапия // МПЖ. 2004. № 4. С. 79–90.
3. Сучкова В. О. Психологическая функция религии — обеспечение безопасности для верующей молодежи // Психологические науки. 2008. № 3. С. 84–89.
4. Смирнов М. Ю. О религиоведении, религии и религиозности // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2008. Т. 9, № 2. С. 62–73.
5. Мясичев В. Н. О связи проблем психологии отношения и психологии установки. М.: МПСИ; Воронеж: НПО МОДЭК, 2003. С. 114–121.
6. Marital and Family Satisfaction II Families: What makes them work / D. H. Olson [et al]. California: Sage Publications, Inc., 1989. P. 171–186.
7. Варга А. Я. Структура и типы родительского отношения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1986. 17 с.

Cross-cultural features of the relationship of spouses with different levels of intelligence

E. A. Vinarchik¹

¹Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs, 87 Gorky Street, Vladimir 600000, Russian Federation

Scientific article

The article presents the results of the study of cross-cultural characteristics of the relationship of spouses with different levels of intelligence, and revealed significant differences in the relationship of married couples, due to cultural factors. A number of psychological features of the relationship of spouses with different levels of intelligence was discovered.

Keywords: spouses; family; intelligence; relationships; cross-cultural characteristics

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vinarchik Elena A. | E-mail: elena-vinarchik@rambler.ru
Candidate of Sciences in Psychology, Associate Professor

Кросс-культурные особенности взаимоотношений супругов с разным уровнем интеллекта

Е. А. Винарчик¹

¹Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, ул. Горького, 87, Владимир, 600000, Российская Федерация

УДК: 159.9

Научная статья

В статье представлены результаты исследования кросс-культурных особенностей взаимоотношений супругов с разным уровнем интеллекта и выявлены значимые различия во взаимоотношениях супружеских пар, обусловленные культурными факторами. Обнаружен ряд психологических особенностей взаимоотношений супругов с разным уровнем интеллекта.

Ключевые слова: супруги; семья; интеллект; взаимоотношения; кросс-культурные особенности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Винарчик Елена Анатольевна | E-mail: elena-vinarchik@rambler.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Постановка проблемы исследования. В современном мире ценность семьи как социальной ячейки становится всё меньше. Общество многих стран диктует равноправие полов в достаточно пограничной форме, далекой от «золотой середины». Женщины становятся всё более маскулинными, возлагая на себя абсолютно все сферы семейного и социального порядка. В свою очередь, мужчинам это позволяет нести меньшую ответственность, снимать с себя ряд задач, которые ещё сто лет назад являлись сугубо мужскими [1]. Перекос социальных ролей, степень гармонизации отношений, само понимание слова «семья» – всё это является причинами интереса к изучению кросс-культурных особенностей взаимоотношений супругов в молодых супружеских парах.

Молодые люди и девушки XXI века стремятся к независимости. В одних странах

акцент делается на карьере и социальном статусе, в других – на учебе и материальных благах. Крайне редко можно услышать рассказы молодых людей о своей семье, совместных достижениях, детях. Куда чаще дискуссии о машинах, квартирах, большом заработке [2–3]. Однако браки продолжают заключаться, средний возраст людей, вступающих в брак в России, от 19 до 24 лет, а в западных странах возраст вступления как правильно несколько выше. При построении семьи молодые пары обращают внимание на многое, например на социальное положение партнёра, его материальное положение, внешние критерии, общие интересы, интеллект [4].

Любая молодая семья является малой социально-психологической группой, которая складывается на основе глубоко интимных и доверительных отношений между супру-

гами, а в дальнейшем – между родителями и детьми. Её социальная и общественная активность, а также нравственно-психологическая атмосфера зависят не только от общих условий и закономерностей, но и от тех специфических обстоятельств, в которых семья формируется, живёт и развивается. Среди этих обстоятельств – уровень образования и культура членов семьи, материальное положение, традиции и ценности, которых они придерживаются и на которые ориентируются в своих жизненных планах, место жительства, нравственные убеждения супругов, от которых во многом зависит способность семьи к сплочению. Все эти обстоятельства сильно отражаются на характере отношений в семье, определяя конкретную специфику семейных отношений у разных народов, национальностей [5].

В настоящем исследовании нами предполагается, что существуют кросс-культурные особенности взаимоотношений супругов с разным уровнем интеллекта. Целью исследования стало выявление кросс-культурных особенностей взаимоотношений супругов с разным уровнем интеллекта. В соответствии с целью исследования поставлены следующие задачи: провести анализ современных подходов к проблеме взаимосвязи уровня интеллекта и взаимоотношений в супружеских парах; выявить зависимость особенностей взаимоотношений от кросс-культурных факторов.

Методики и организация исследования.

Исследование проводилось в 2016–2018 гг. в Болгарии и России среди пар, состоящих в браке от 1 года до 3 лет, не имеющих детей. В исследовании приняли участие 50 супружеских пар. Среди них – 50 девушек в возрасте от 21 года до 24 лет и 50 молодых людей в возрасте от 22 до 26 лет. Методиками исследования послужили: тест «Диагностика межличностных отношений» (ДМО) Т. Лири; тест «Трансактный анализ» Э. Берн; вербальный тест интеллекта Г. Айзенка; тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра (TSI) [6].

Результаты и их обсуждение. Первым этапом исследования стала диагностика

психологических особенностей взаимоотношений супругов России и Болгарии, сопоставление их уровней интеллекта, степени гармонизации отношений, изучение ролей, занимаемых супругами в паре.

Результаты вербального теста интеллекта Г. Айзенка мы рассматривали отдельно у мужчин и отдельно у женщин. Для пар из России были выявлены следующие особенности. Наивысший показатель в тесте выявлен у мужчин по первому субтесту, который включает в себя совокупность словесных, числовых и зрительно-пространственных заданий. Это говорит о быстрой включаемости мужчин в работу. Далее показатели по каждому из субтестов постепенно снижаются. Это можно объяснить утомляемостью, а также снижением мотивации мужчин по мере прохождения теста и с истечением времени. Показатели женщин на протяжении теста более стабильны, находятся примерно в одних числовых рамках, показатели первого субтеста также выше остальных, что говорит о быстрой включаемости, полной отдаче на первом этапе исследования. Наименьший показатель по субтесту зрительно-пространственные способности. В целом было выявлено, что среднее значение по всему вербальному тесту Г. Айзенка у женщин в семейных парах России выше, чем у мужчин.

Что касается результатов, полученных по данному тесту среди мужчин семейных пар Болгарии: наивысший показатель выявлен по четвертому субтесту. Данный субтест диагностирует уровень развития операции абстрагирования. При решении задач субтеста необходимо определить абстрактные свойства предметов посредством тех взаимоотношений, в которые эти предметы вступают. Хороших результатов при решении данного субтеста добиваются испытуемые, имеющие большой словарный запас. На результаты этого субтеста большое влияние оказывает культурный уровень семьи, а также социального окружения. Таким образом, по результатам выполнения данного субтеста можно судить об уровне развития абстрактного мышления, богатстве словар-

ного запаса. Показатели по выборке женщин семейных пар Болгарии на протяжении теста также более стабильны, как и у женщин отечественных пар. Показатели первого субтеста выше остальных. Наименьший показатель также по субтесту зрительно-пространственные способности. По результату вербального теста Г. Айзенка среди пар Болгарии выявлено, что средние значения по выборкам мужчин и женщин примерно одинаковы.

Следующим шагом стало исследование интеллекта испытуемых с помощью теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра (TSI). В данном тесте мы получили следующие результаты по выборке пар России. Показатели таких субтестов, как «дополнение предложений», «исключение слова», «арифметические задачи», «пространственное воображение», «пространственное обобщение», «память, мнемические способности», выше у женщин. Это говорит о том, что у женщин лучше развиты чувство реальности, самостоятельность, чувство языка, индуктивное речевое мышление, способность быстро решать поставленные проблемы, конструктивные геометрические способности, конструктивность теоретических и практических способностей, а также высокая способность к запоминанию, осмысленному воспроизведению. Показатели мужчин, в свою очередь, преобладают по таким шкалам, как «анalogии», «обобщение». Это говорит о том, что у мужчин выше уровень обстоятельности мышления, подвижность и непостоянство мышления, понимание отношений, а также способность к абстракции, образованию понятий и умственная образованность в целом.

Исследование интеллекта испытуемых с помощью теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра (TSI) среди семейных пар Болгарии дало следующие результаты. Показатели таких субтестов, как «дополнение предложений», «исключение слова», «пространственное воображение», «пространственное обобщение», «память, мнемические способности» выше у женщин.

Результаты диагностики у мужчин преобладают по таким шкалам, как «анalogии», «обобщение», «арифметические задачи», «числовые ряды». Это говорит о том, что у мужчин выше уровень обстоятельности мышления, проявление преимущественно аналитико-синтетических математических способностей (в задачах представлено много числовых ориентиров), развитие словесно-логического мышления. Снова можно отметить тенденцию к схожим результатам по данному тесту у женщин и мужчин.

Обобщая методики на интеллект, нужно сказать о выявившемся различии, а именно среди отечественных пар было выявлено 4 блока: мужчина с высоким уровнем интеллекта – женщина со средним уровнем интеллекта; мужчина с высоким уровнем интеллекта – женщина с высоким уровнем интеллекта; мужчина со средним уровнем интеллекта – женщина со средним уровнем интеллекта; мужчина со средним уровнем интеллекта – женщина с высоким уровнем интеллекта.

Среди пар Болгарии блоков по разнице в уровне интеллекта партнеров было выявлено только 3: мужчина с высоким уровнем интеллекта – женщина со средним уровнем интеллекта; мужчина с высоким уровнем интеллекта – женщина с высоким уровнем интеллекта; мужчина со средним уровнем интеллекта – женщина со средним уровнем интеллекта.

В результате обработки методики «Исследование коммуникативно-характерологических тенденций (Т. Лири)» касательно пар России были получены следующие результаты: выявлено, что 71 % пар состоит в партнёрских отношениях. Отношения в паре строятся на принципах партнерства: равные права, равные обязанности, всегда есть возможность договориться. В этом союзе и мужчина и женщина – активные, деятельные, энергичные, оба стремятся к саморазвитию, каждому важно найти себя в любимом деле. Муж и жена обо всем договариваются, начиная от распределения обязанностей и расписания и заканчивая

принципами воспитания детей. Нередко такие пары имеют отдельный бюджет. У 18 % других пар России были выявлены матриархальные отношения, где мужчины считают себя в отношениях введомыми, а роль лидера сознательно присваивают жене, и у 11 % пар в отношениях ведущую роль занимает муж, отношения патриархальные.

Среди пар Болгарии выявлен показатель в 75 % пар, которые состоят в партнёрских отношениях. В группе супружеских пар Болгарии матриархальные отношения между партнёрами выявлены не были: матриархальные отношения не характерны для молодых людей и девушек возраста от 20 до 26 лет.

В целом по результатам данной методики можно отметить, что для молодых людей и девушек как России, так и Болгарии характерны: альтруизм в отношениях, склонность к сотрудничеству и кооперации, гибкость и поиск компромисса при решении проблем; что касается конфликтных ситуаций, то это: эгоистические черты, ориентация на себя, склонность к соперничеству, тип сильной личности.

Было также выявлено, что среди семейных пар России у 40 % существует взаимное несоответствие между ожиданиями партнёра, его взглядами на супруга и принятием супруга себя, а именно в парах существует перекладывание ответственности, роль «лидера» в отношениях сознательно присваивается другому. Что касается пар Болгарии, то здесь данная особенность выявлена лишь в 12 % пар.

В отечественных супружеских парах в 20 % случаев существует несоответствие относительно образа мужчин: представления мужчин о себе не соответствует представлениям женщины, в то время как самопринятие женщины и представление о ней мужчины совпадают. А в 8 % пар ситуация обратная: представление женщин о себе не соответствует с оценкой супруга, в то время как самопринятие мужчины и представление о нём женщины совпадают. Среди болгарских пар данные показатели также отличны: в 24 % случаев существу-

ет несоответствие касательно образа мужчин и в 12 % – образа женщин.

Соответствие представлений партнёров друг о друге среди пар России было равно 32 %; в данном случае можно говорить о гармонизации отношений партнёров. Отметим, что среди пар Болгарии данный показатель гораздо выше и равен 52 % от общего числа болгарских пар.

Результаты методики Берна у российских пар говорят о том, что роли, которые выполняют супруги, соответствуют партнёрским отношениям: в 80 % пар супруги принимают роль «взрослого», что говорит о готовности к взаимопомощи и о сотрудничестве. Партнёры с данной ролевой позицией принимают решения преимущественно обдуманно, без эмоций, способны объективно оценивать действительность по информации, полученной в результате собственного опыта. Взрослый играет роль как бы арбитра между Родителем и Ребенком. Взрослый анализирует информацию и решает, какое поведение наиболее соответствует данным обстоятельствам, от каких стереотипов, например, желательнее отказаться.

В 20 % пар один из партнёров принимает на себя роль «дитя». Дитя – это та наша часть личности, которая сохранилась от детства и содержит в себе воспоминания, которые были связаны с ранними детскими впечатлениями и переживаниями. Каждый человек хранит в душе восприятие себя как ребенка, то есть в определенных ситуациях независимо от возраста ощущает себя мальчиком или девочкой. В эгосостоянии Дитя – все наши влечения: есть, пить, веселиться, любить, гулять, общаться и т. д. Комфортно себя чувствовать можно лишь тогда, когда удовлетворены все потребности нашего «дитя». Нужно отметить, что такая ролевая позиция как «родитель» не была выявлена ни в одном случае, что, возможно, является характерным для данной возрастной категории молодых людей и девушек.

Исследуя пары Болгарии, было выявлено: в 64 % пар супруги принимают роль «взрослого», лишь в 12 % пар один из партнёров

принимает на себя роль «дитя». Заметным отличием от российских пар является тот факт, что среди пар Болгарии выявлены супруги, принимающие на себя роль Родителя. Родительское «Я», состоящее из правил поведения, норм, позволяет индивиду успешно ориентироваться в стандартных ситуациях, «запускает» полезные, проверенные стереотипы поведения, освобождая сознание от загруженности простыми, обыденными задачами. Кроме того, родительское «Я» обеспечивает с большой вероятностью успеха поведение в ситуациях дефицита времени на размышления, анализ, поочередное рассмотрение возможностей поведения. Родитель в субъекте отвечает за его совесть и занимает верхний ярус личности, являясь самым хрупким звеном. Например, в процессе алкогольного опьянения первым отключается Родитель, что может проявляться в развязности, безнравственности.

Следующим нашим шагом стала оценка различий между двумя выборками по уровню признака. Для этого нами использовался U-критерий Манна-Уитни. После расчета было выявлено, что в зону значимости попали следующие шкалы: II и VIII шкалы теста Лири Т., все шкалы теста Берна Э., а именно: шкала Взрослый, шкала Родитель, шкала Дитя; в тесте на интеллект Айзенка третий субтест; в тесте на интеллект Амтхауэра седьмой субтест.

По II шкале теста Лири Т. – Эгоистичность (уверенность в себе – самоуверенность – самовлюбленность) – было выявлено, что среди болгарских пар данная характеристика выражена сильнее, показатели выше, чем среди пар России. Это говорит о том, что супругам болгарских пар характерно стремление быть над партнером, расчетливость, независимость, эгоистичность и некоторая черствость. Ориентация на себя и склонность к соперничеству объясняет более автономные взаимоотношения супругов пар Болгарии, чем пар России.

VIII шкала теста Лири Т. – Альтруистичность. Результаты данной шкалы выше также у пар Болгарии по сравнению с парами Рос-

сии. Это говорит о склонности людей к деликатности, терпимости к недостаткам, умению прощать; об активности по отношению к окружающим, временами навязчивость в своей помощи. Нужно отметить, что наличие завышенных результатов по данной шкале может свидетельствовать о наличии «маски», скрывающей личность противоположного типа (этим можно объяснить сочетание шкалы Эгоистичность и шкалы Альтруистичность). В настоящее время в Болгарии повсеместно декларируется толерантность и альтруизм во всех сферах и отношениях. Быть толерантным – общественная необходимость.

Следующая шкала, по которой было выявлено значимое различие – шкала Взрослый теста Берна Э. Показатели по данной шкале выше у супругов пар России. Это свидетельствует о характерной рациональности, объективности, сниженном проявлении эмоций. Супругам свойственны сотрудничество, готовность к диалогу, взаимопомощь, трезвость рассуждений, свобода от предрассудков.

Показатель шкалы Родитель теста Берна Э. также оказался в зоне значимости. Результаты по данной шкале выше среди пар Болгарии. Данное эгосостояние предоставляет возможность эффективно действовать в качестве реальных родителей. Реакции, характерные для этого состояния, автоматичны, действия и решения шаблонны, консервативны. Всё новое и изменчивое воспринимается трудно. Сохранность традиций и культуры – один из характерных признаков Родительского «Я». Нужно отметить, что среди пар России не выявлена ни одна пара, в которой у кого-либо из супругов Родительское «Я» было бы ведущим эгосостоянием. Родительское «Я» обеспечивает с большей вероятностью успеха поведение в ситуациях, когда необходимо быстрое решение и время на размышление ограничено.

По третьей шкале теста Берна Э. – Дитя – также выявлен значимый показатель. Результаты показателей пар России выше, чем у пар Болгарии. Это означает, что среди супругов российских пар чаще встречается

Эго-состояние Дитя. Сферы, за которые это состояние ответственно, – интуиция, эмоциональные реакции, опрометчивые поступки, всё биологическое и инстинктивное. Для данного «Я» характерно желание постоянного получения радостей и удовольствий от жизни, нерациональное использование ресурсов, отсутствие понимания последствий своего поведения. Детское «Я» следует за чувствами и эмоциями, отвечает за творчество, креативность, стремится к получению острых впечатлений. Дитя выходит на первый план, когда человек не чувствует в себе сил для самостоятельного решения проблемы, если не способен преодолеть трудности без чужого вмешательства. На поведение в целом влияют чувства из детства.

Хотелось бы отметить результаты тестов на интеллект, также были выявлены значимые показатели по ряду шкал. Так, по третьему субтесту методики Айзенка среди пар России показатели этой шкалы выше, чем среди пар Болгарии. Высокие показатели по данному (третьему) субтесту среди супругов пар России говорят о том, что результаты методики на интеллект носят более стабильный характер, сохранение мотивации к выполнению заданий успешно сохраняется более длительное время, менее характерна утомляемость к выполнению однотипных заданий.

Последней шкалой со значимым результатом U-критерия явилась шкала седьмого субтеста (пространственное воображение) теста структуры интеллекта Амтхауэра Р. Показатели данной шкалы выше среди пар России, это говорит о высоких общенаучных и естественно-технических знаниях, практической направленности интеллекта, комбинаторных способностях. Поиск решения в задачах данного субтеста строго диктуется их условиями и не предусматривает выход за границы. Деятельность испытуемого подчиняется строгой логике решения. Но стоит отметить, что речь идет не о вербальной логике. Решение образных задач требует другого вида логики, при которой схватывание наглядной ситуации происходит одновременно

и осознание ее не сопровождается развернутыми словесными рассуждениями. В данном субтесте происходит мысленное вращение испытуемым образов в пределах одной плоскости. Оперирование этими образами включает сознательное их удержание в памяти, планирование их на основе предстоящей деятельности, обобщение в образной форме. На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что субтест ПВ диагностирует отдельные способности в структуре пространственного мышления. При выполнении данного субтеста имеет место в основном проявление способности к оперированию двумерными образами.

В результате проведенного исследования можно сказать, что, наряду с психологическими гендерными различиями, существующими в пределах любой отдельной культуры, существуют также и психологические гендерные различия между культурами. При этом степень проявлений, направление развития и сама природа таких различий также могут изменяться от культуры к культуре.

Выводы

1. В отечественных семейных парах у женщин уровень интеллекта выше, чем у мужчин. В семейных парах Болгарии результаты примерно одинаковые.

2. Было выявлено, что все пары схожи по показателям: это альтруизм в отношениях; склонность к сотрудничеству, кооперации; гибкость и поиск компромисса при решении проблем; эгоистические черты, ориентация на себя, склонность к соперничеству; тип сильной личности.

3. Среди семейных пар России у 40 % существует взаимное несоответствие между ожиданиями партнёра, его взглядами на супруга и принятием себя. У семейных пар Болгарии данная особенность выявлена лишь в 12 % пар.

4. В отечественных парах супруги чаще принимают роль «взрослого», чем в парах Болгарии.

Ссылки

1. Берн Э. Люди, которые играют в игры. Игры, в которые играют люди. М.: Эксмо, 2009. 576 с.
2. Винарчик Е. А. Психологическая роль семьи в жизнедеятельности современного юноши // Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы: сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. В. А. Зобков. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2016. С. 87–93.
3. Кольшклина Т. Б., Маркова Е. В. Отражение ценностных ориентаций потребителей в рекламной коммуникации // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4 (22). С. 144–150.
4. Амтхауэр Р. Тест структуры интеллекта (TSI) / Елисеев О.П. Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2010. 245 с.
5. Айзенк Г. Ю. Понятие и определение интеллекта // Вопросы Психологии. М.: Наука, 1995. 320 с.
6. Современные методы психологической диагностики: практикум / О. В. Филатова, Н. Ю. Литвинова, Е. А. Винарчик; Владим. гос. ун-т. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2011. 296 с.

Orphanage as an organization for the integration of health and education

D. S. Pavlova¹, Y. V. Filippova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Scientific article

Article presents the results of an empirical study that reveals features of the corporate culture of the orphanage. The author relates the corporate culture of the orphanage with the typical notions of corporate cultures in healthcare and education.

Key words: corporate culture; orphanage; healthcare; education

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Pavlova Daria S. | Email: dapa3005@gmail.com
Master

Filippova Julia V. | Email: yuliafil@me.com
Candidate of Sciences in Psychology, Associate professor

Организационная культура Дома ребенка как учреждения интеграции сфер здравоохранения и образования

Д. С. Павлова¹, Ю. В. Филиппова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 159.9

Научная статья

В статье представлены результаты эмпирического исследования, посвященного изучению специфики организационной культуры дома ребенка. Автор соотносит организационную культуру дома ребенка с типичными представлениями об организационных культурах в учреждениях здравоохранения и образования.

Ключевые слова: организационная культура; здравоохранение; образование; дом ребенка

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павлова Дарья Сергеевна | Email: dapa3005@gmail.com
Магистр психологии

Филиппова Юлия Владимировна | Email: yuliafil@me.com
Кандидат психологических наук, доцент

Специфика работы домов ребенка заключается в том, что формально они относятся к учреждениям здравоохранения, фактически же представляют собой организацию промежуточного типа между учреждениями здравоохранения и образования, т. к. сочетают в себе функции как первых (лечение, реабилитация, профилактика заболеваний у поступающих детей), так и вторых (развитие познавательной, эмоционально-волевой сфер ребенка, его социализация и адаптация к жизни в обществе в целом и семье в частности). Поэтому целью исследования было определение специфики организационной культуры дома ребенка и ее соотнесение со сложившимися представлениями о типичных организационных культурах в учреждениях образования и здравоохранения.

подавляющее большинство работ и исследований организационной культуры посвяще-

но бизнес-предприятиям. Данная тема начала активно разрабатываться в США и Западной Европе в 70-е годы XX века [1]. Работы, ориентированные на анализ культуры организаций бюджетной сферы, среди отечественных авторов встречаются значительно реже.

По данным зарубежных авторов, организационная культура западных учреждений здравоохранения характеризуется следующими признаками [2–6]:

- ярко выраженной экономической и политической стратификацией различных категорий персонала учреждений здравоохранения, в рамках которой наиболее квалифицированный персонал занимает выраженные лидирующие позиции;
- активным участием наиболее квалифицированной части персонала в разработке управленческих решений;

- профессиональным принципом структурного деления, существенно затрудняющим коммуникации за пределами своей узкопрофессиональной группы;

- высокой степенью зависимости эффективности деятельности учреждения здравоохранения от личностных характеристик ключевых специалистов;

- выраженным либеральным стилем руководства в нижнем и среднем уровнях управления, предоставляющим специалистам высшей квалификации достаточно большую свободу в принятии решений.

В последние десятилетия стали систематически появляться исследования организационной культуры отечественных учреждений образования и здравоохранения, в которой обнаруживаются признаки авторитарной и бюрократической культур [3–5, 7–9]. Наличие в организационной культуре признаков авторитарной культуры авторы [1, 3] объясняют высоким уровнем зависимости бюджетных организаций и их первых руководителей от органов госуправления. Этому также способствуют слабая финансовая и материально-техническая база, несостоятельность традиционных подходов к управлению (пережитки советского менталитета, преобладание бюрократических и авторитарных стратегий управления, отсутствие или неразвитость системы кадрового менеджмента), всеобщая толерантность, тенденция приоритета потребления и отстраненности личности от решения общих задач [9].

Исследователи также отмечают значительную составляющую бюрократической культуры в учреждениях здравоохранения [3]. Это обусловлено высокой степенью персональной ответственности врачей и среднего медицинского персонала, жестким разделением труда и характерным для подобного рода организаций преобладанием формальных правил и процедур.

В последнее время в отечественной медицине и в сфере образования наблюдается тенденция к формированию рыночных отношений [8]. Инновационный подход предполагает ориентацию на личность клиента (роль которого играет ученик/воспитанник или пациент) и удовлетворение его потребностей. Очевидно, это требует качественных изменений

во взаимоотношениях персонала с клиентом, а также друг с другом. Понимание организационной культуры учреждения дает возможность сформировать благоприятный психологический климат в коллективе, укрепить как горизонтальные, так и вертикальные деловые связи между сотрудниками, что позволяет сделать подход к клиенту (пациенту, ученику или воспитаннику) более структурированным и последовательным, а деятельность различных специалистов в отношении одного клиента организовать в слаженную междисциплинарную систему [4].

Для анализа ситуации в организации дома ребенка нами была выбрана известная типология организационной культуры К. С. Камерон и Р. Э. Куинна, т. к. представленные в ней варианты наиболее полно, на наш взгляд, отражают особенности такого типа учреждений, в то время как остальные теории развиваются, в основном, в рамках менеджмента, социологии организаций и психологии управления.

В соответствии с типологией Э. Шейна [1] разработаны основные критерии оценки организационной культуры дома ребенка и выбраны необходимые показатели для ее измерения внутри учреждения (табл. 1).

Основной целью исследования стало выявление специфических особенностей организационной культуры домов ребенка, определение способов ее оптимизации методами психологической интервенции.

Для поэтапного достижения цели были выделены следующие задачи:

1. Определить особенности развития организационной культуры учреждения здравоохранения и ключевые элементы, определяющие ее соответствие (эффективность) миссии учреждения и его основным целям;

2. В ходе эмпирического исследования элементов организационной культуры выявить характер и тесноту взаимосвязей между элементами и их взаимовлияние при формировании сложившегося типа организационной культуры;

3. В системе формирующего эксперимента разработать программу оптимизации сложившейся организационной культуры учреждения здравоохранения с использованием методов психологической интервенции [10].

Соотношение структурного содержания организационной культуры и применяемых диагностических средств

Уровни структуры ОК (Э. Шейн)	Показатели	Методики	
«Поверхностный уровень». Внешние проявления организационной культуры	Язык организации, правила и традиции, наблюдаемое поведение	Тест К. Томаса, включенное наблюдение	Методика К. Камерона – Р. Куинна
«Подповерхностный». Осознаваемые компоненты организационной культуры	Ценности, нормы, инструкции, стандарты поведения, стратегии и схемы восприятия	Методика Е. В. Марковой, А. В. Карпова, анализ документации	
«Глубинный». Базовые предположения, не осознаваемые самими членами организации	Базовые предположения, верования, установки	Метод «Метафора»	

Общая выборка составила 54 человека (женщины) в возрасте от 25 до 67 лет, стаж работы в данном учреждении от 0,5 года до 23 лет. В исследовании приняли участие педагогический состав (воспитатели, специалисты) и медицинский персонал (врачи, медицинские сестры, санитарки) учреждения.

Были использованы следующие методы и методики психодиагностики:

1. Камерон К., Куин Р. Диагностика организационной культуры (OCAI) тест-матрица конкурирующих ценностей [11];

2. Карпов А. В., Маркова Е. В. Методика диагностики стиля принятия управленческих решений [12];

3. Методика исследования стиля поведения в конфликте Кеннета Томаса (адаптация Н. В. Гришиной) [13];

4. Наблюдение за трудовым процессом;

5. Изучение архивов и документации.

Для статистической обработки данных исследования использовался пакет IBM SPSS Statisticts в рамках пробного периода. Были использованы следующие статистические методы:

1. Критерий Шапиро – Уилкса для проверки гипотезы о нормальном распределении полученных данных;

2. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена для оценки силы и направленности связи между различными параметрами организационной культуры;

3. Метод корреляционного отношения Пирсона для измерения тесноты взаимосвязи

и степени воздействия параметров организационной культуры друг на друга;

4. Т-критерий Вилкоксона для проверки различий между реальной и предпочитаемой культурами.

По результатам проведенной методики OCAI можно сказать, что реальную организационную культуру Дома ребенка сотрудники оценивают как преимущественно бюрократическую, в наименьшей степени в оценках представлена адхократическая культура. В условиях бюджетного учреждения здравоохранения преобладание данного типа культуры является традиционным явлением для нашей страны, что подтверждается данными научной литературы. Преобладающие типы ОК расположены ближе к полюсу стабильности и контроля на одном из двух континуумов. Подобное расположение характерно для большинства российских учреждений здравоохранения, т. к. их деятельность строго контролируется вышестоящими организациями, четко поставлена система отчетности и документации, хорошо развита система разделения труда с учетом различной специализации медицинских работников подобных учреждений. При этом наблюдается смещение в сторону рыночного типа ОК по второму континууму, который отделяет критерии, подчеркивающие внутреннюю ориентацию, интеграцию и единство, от критериев, ассоциируемых с внешней ориентацией, дифференциацией и соперничеством. В последнее время в отечественной медицине и образовании

наблюдается тенденция к формированию рыночных отношений. Инновационный подход предполагает ориентацию на личность клиента (роль которого играет ученик/воспитанник или пациент) и удовлетворение его потребностей. Ориентация на внешнюю среду происходит и по причине повышенного внимания общественности к деятельности учреждений подобного типа, особенно после периодических случаев нарушения полномочий сотрудниками медицинских и образовательных учреждений, активно освещаемых в СМИ.

С учетом специфики учреждения дома ребенка, а именно его промежуточного положения между учреждениями здравоохранения и образования, переход к рыночному типу культуры недостаточно удовлетворял бы его основную миссию и новую политику, обозначенную государством, а именно переходу на семейный тип воспитания. В данном случае наиболее эффективным было бы смещение по континуу-

му, определяющему гибкость и стабильность, в сторону большей многогранности и пластичности, а на континууме, определяющем интеграцию и дифференциацию, сохранить положение ближе к полюсу, подчеркивающему внутреннюю ориентацию, интеграцию, единство, сплоченность и согласованность.

Выделенные особенности учреждения и перспективные направления развития дома ребенка осознают и сами сотрудники. Это выражается в предпочитаемых ими типах культуры.

В профиле предпочитаемой организационной культуры преобладает клановый тип. Остальные три типа, кроме доминирующего, представлены примерно в равной степени, за некоторым преобладанием бюрократического.

Были выявлены статистически значимые различия между реальным и предпочитаемым профилями сложившейся в учреждении организационной культуры.

Таблица 2

Сравнение реальной и предпочитаемой организационной культуры по Т-критерию Вилкоксона

ОК	Средние значения		Критерии		Уровень значимости
	Реальная	Предпочитаемая	U	Z	P
Клановая	21,16	40,97	129	5,01	0,001
Адхократическая	14,87	16,31	220,5	2,18	0,05
Рыночная	21,87	19,32	411	2,36	0,05
Бюрократическая	41,92	22,35	6	6,16	0,001

Таким образом, сотрудники осознают, что наиболее эффективной, с учетом специфики учреждения и нового требования законодательства, будет являться клановый тип организационной культуры. Политика нововведений касается в основном реформирования учреждения в соответствии с семейным типом воспитания. Однако создание условий, приближенных к семейным, в группах невозможно без изменения отношения персонала к процессу воспитания детей. При доминировании бюрократической культуры основной упор делается на соблюдение правил, распорядка, режимных моментов, строгой документальной отчетности и т. п., что формализует отношение работников к выполняемым ими функциям, фокус внимания направлен прежде всего на оценку их деятельности руководством. Клановая

культура переносит фокус внимания на взаимоотношения персонала с воспитанниками и друг с другом. При этом не снижается значение руководства в процессе координации деятельности сотрудников, но происходит некоторое изменение этой роли: руководство воспринимается не как жесткий контролер действий и блюститель порядка, а как наставник, родитель, пример для подражания. Такое отношение снижает страх и негатив в отношении руководства, а также способствует повышению личной ответственности за свои профессиональные действия, повышению инициативности и внутренней замотивированности, что позволяет уделять больше внимания установлению близких эмоциональных отношений с воспитанниками, а не ориентации на оценку руководством и формальное исполнение обязанностей.

Одна из первостепенных идей реформирования – повышение эмоциональной отзывчивости персонала Дома ребенка – получает максимально возможную реализацию именно при клановой организационной культуре.

В результате обработки данных методики диагностики преобладающих стратегий принятия управленческих решений, с точки зрения сотрудников домов ребенка (методика А. В. Карпова, Е. В. Марковой), были получены следующие результаты (рис. 1).

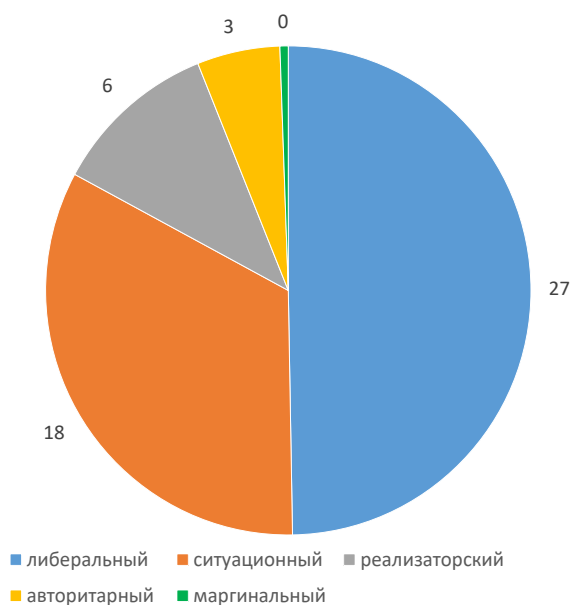

Рис. 1. Соотношение стилей управленческих решений в выборке испытуемых

На авторитарно-либеральном континууме стилей принятия управленческих решений полученные в ходе исследования значения находятся ближе к полюсу «Либерализм». Это говорит о том, что работники обращают внимание на такие особенности поведения руководства, как требования к исполнению формальных правил без вовлечения в их содержательную сторону, недостаточная активность в поддержании и развитии каких-либо новых проектов. При принятии управленческих решений большую роль оказывают сторонние факторы, например вышестоящие органы, низкая вовлеченность в процесс жизнедеятельности учреждения; наблюдается тенденция делегировать ответственность третьим лицам. Причиной может являться повышенное чувство тревоги руководства, вызванное необходимостью постоянно принимать ответ-

ственные решения, т. к. дело касается здоровья и благополучия детей, оставшихся без попечения родителей. Это влечет за собой откладывание и отсрочку решений. При выборе вариантов главная забота руководства состоит в том, чтобы не сделать ошибки. Следствие этого – перекалывание ответственности (в том числе на подчиненных) и затягивание процесса принятия решения. Данные предположения подкрепляются и тем, что на континууме, отражающем поведение в ситуации принятия решения, средние значения находятся ближе к полюсу «избегание ситуации принятия решения».

Таким образом, сочетание описанных выше координат, дает возможность оценивать стиль принятия управленческих решений как в основном либеральный. В таком случае можно говорить о тенденции к дальнейшей трансформации стиля в сторону ситуационного, который был бы наиболее гармоничным и эффективным для данного типа учреждения. Он предполагает переход к принятию решений на локально-коллегиальном уровне, который характеризуется изменением функциональной роли руководителя в их принятии. Эта роль состоит в координации, управлении процессом коллегиального принятия решения, в организации этого процесса (а не в самостоятельной реализации решений). Они также закрепляются в оптимальном стиле реализации процессов выбора. Соответственно, такой подход, с одной стороны, снижает личную ответственность за принятые решения, а как следствие, и понижает уровень тревожности руководителя. С другой стороны, усиливается личная вовлеченность руководителя в происходящие в учреждении процессы, что дает возможность ему более четко координировать трудовой процесс.

При помощи рангового коэффициента корреляции, а также метода корреляционных отношений была произведена оценка силы, тесноты и направленности связей между параметрами, определяющими преобладающие стили принятия управленческих решений и существующими в учреждении типами организационной культуры (табл. 3).

Параметр «Властность» находится в значимой положительной связи с такими типа-

ми ОК как «Клановая» и «Бюрократическая» и в значимой отрицательной связи с типами ОК «Рыночная» и «Адхократическая». Это объясняется различием роли руководителя в каждой организационной культуре. Если в клановой и бюрократической культурах руководитель непосредственно вовлечен в различные сферы деятельности учреждения, на-

правляет и координирует работу сотрудников, то в рыночной и адхократической культуре допускается более либеральное руководство, разделение с подчиненными происходит скорее не по иерархическому принципу, а функциональному. Руководитель рассматривается как генератор новых идей, соперник, пример для подражания, предприниматель.

Таблица 3

Матрица интеркорреляций стилей принятия управленческих решений и типов организационной культуры (ранговый коэффициент корреляции Спирмена)

Оценка	Тип организационной культуры	Властность	Поведение в проблемной ситуации
Реальная	Клановая	0,27**	0,29**
	Адхократическая	-0,34**	0,11
	Рыночная	-0,68****	-0,29**
	Бюрократическая	0,36***	-0,22
Предпочитаемая	Клановая	-0,26*	0,06
	Адхократическая	-0,09	-0,13
	Рыночная	0,01	-0,14
	Бюрократическая	0,38***	-0,09

0,23* - тенденции достоверной связи на уровне значимости $p < 0,10$

0,27** - корреляции на уровне значимости $p < 0,05$

0,35*** - корреляции на уровне значимости $p < 0,01$

0,44**** - корреляции на уровне значимости $p < 0,001$

При определении тесноты связи между типами организационной культуры и показателями стилей управления было установлено, что в основной массе именно особенности сложившейся организационной культуры обуславливают преобладающий стиль управления. В частности, преобладание бюрократической культуры обуславливает выбор либерального стиля управления. Таким образом, для перехода к клановому типу ОК необходима работа в первую очередь с персоналом учреждения.

Знание специфики поведения в конфликтных ситуациях позволяет более полно описать сложившуюся в учреждении организационную культуру, а определение силы и тесноты связи с преобладающим стилем управления – ответить на вопрос, может ли стиль управления обуславливать выбор стратегий поведения в конфликтных ситуациях между сотрудниками. В процессах ПУР наиболее полно и рельеф-

но проявляются различные закономерности и явления управленческой деятельности. Так, например, конфликты, имеющие место в организации, резче и отчетливее всего проявляются именно в критические моменты, связанные с принятием того или иного решения; переходят из «вялотекущей» в «острую» форму.

Если сопоставить преобладающие стратегии поведения в конфликте (избегание, компромисс, приспособление, сотрудничество) со стилями управления в порядке убывания их представленности в учреждении (либеральный, ситуационный, маргинальный, реализаторский) и основными типами организационной культуры, то получим вполне соответствующее выдвинутой гипотезе соотношение (табл. 4).

Для оценки статистической значимости полученного соотношения был применен корреляционный анализ Спирмена (табл. 5) и метод корреляционного отношения Пирсона.

Соотношение элементов организационной культуры и ее типов

Стратегия поведения в конфликте	Стиль управления	Тип организационной культуры
Приспособление	Либеральный	Бюрократическая
Компромисс	Ситуационный	Клановая
Избегание	Маргинальный	Адхократическая
Сотрудничество	Реализаторский	Рыночная
Соперничество	Авторитарный	Авторитарная

Матрица интеркорреляций стратегий поведения в конфликтных ситуациях и стилей принятия управленческих решений (ранговый коэффициент корреляции Спирмена)

?	Властность	Поведение в проблемной ситуации
Соперничество	0,31**	0,08
Сотрудничество	0,22	0,01
Компромисс	-0,07	-0,23*
Избегание	-0,17	0,18
Приспособление	-0,31**	-0,08

0,23* - тенденции достоверной связи на уровне значимости $p < 0,10$

0,27** - корреляции на уровне значимости $p < 0,05$

0,35*** - корреляции на уровне значимости $p < 0,01$

0,44**** - корреляции на уровне значимости $p < 0,001$

Параметр «Властность» находится в значимой положительной связи со стратегией поведения в конфликте «Соперничество» ($p < 0,05$) и в значимой отрицательной связи со стратегией «Приспособление» ($p < 0,05$). На основании метода корреляционного отношения можно оценить степень взаимовлияния этих факторов: стратегия поведения «Приспособление», ярко выраженная в стилевых характеристиках поведения сотрудников, находится в тесной взаимосвязи с либеральным стилем принятия управленческих решений. Выраженность такой стратегии, как приспособление, может являться отражением преобладания внешней мотивации сотрудников и слабо выраженной личной инициативы, низкой заинтересованности в модернизации. Сотрудники скорее придерживаются установленного порядка, чем проявляют собственную инициативу относительно модернизации учреждения, вплоть до состояния выученной беспомощности с установкой «от нас ничего не зависит». В соответствии с этим доминирующий стиль приня-

тия управленческих решений не предполагает активных действий по стимуляции инициативности и заинтересованности сотрудников, а также повышения внутренней мотивации. Логично предположить, что при сохранении сложившейся ситуации процесс модернизации учреждения может занять длительное время и потребует большой активности руководства. Эти данные подтверждаются и наличием статистически значимой связи такой стратегии, как соперничество с уровнем властности. Соперничество предполагает личную активность сотрудников, заинтересованность в получении выгоды, склонность к риску и желание выиграть. Данная стратегия совершенно не характерна для исследуемого учреждения, поскольку специфика деятельности предполагает установление и сохранение связей сотрудников с детьми и друг с другом, а не их конфронтацию. В соответствии с этим либеральный стиль принятия решений минимизирует риск возникновения ситуации соревновательности между сотрудниками, хотя

это могло бы быть полезно для повышения их личной заинтересованности в деятельности, инициативности и желания более качественно исполнять свою деятельность для получения определенных вознаграждений.

При анализе взаимосвязей между стратегиями поведения в конфликтной ситуации и оценкой типа организационной культуры учреждения было выявлено, что наибольшим количеством статистически значимых связей с представленными типами организационной культуры имеют две стратегии поведения, а именно соперничество и компромисс.

Компромисс является наиболее конструктивной стратегией поведения в условиях исследуемого учреждения, т. к., с одной стороны, обязывает сотрудников к выполнению установленного в учреждении режима и соблюде-

нию правил ведения документации, а с другой стороны, дает сотрудникам возможность проявления собственной инициативы, выражения и обмена мнениями, их обсуждения, а также вовлеченность в процесс модернизации учреждения и возможности реализоваться в нем.

Таким образом, наиболее значимыми при оценке особенностей организационной культуры учреждения являются такие стратегии поведения, как приспособление и соперничество, т. к. они оказывают наибольшее влияние на сложившийся стиль управления и компромисс как возможный способ перехода от бюрократического типа культуры к клановому.

Проведенное нами исследование позволило сделать следующие выводы относительно сложившейся в Доме ребенка организационной культуры.

Таблица 6

Матрица интеркорреляций стратегий поведения в конфликтных ситуациях и типов организационной культуры (ранговый коэффициент корреляции Спирмена)

Оценка	Тип организационной культуры	Соперничество	Сотрудничество	Компромисс	Избегание	Приспособление
Реальная	Клановая	-0,26*	0,10	0,36***	-0,34**	-0,03
	Адхократическая	-0,39***	-0,10	0,42***	0,16	0,03
	Рыночная	-0,50****	-0,33**	0,32**	0,14	0,42***
	Бюрократическая	0,71****	0,33**	-0,58****	0,01	-0,38***
Предпочитаемая	Клановая	0,32**	-0,11	-0,44****	0,03	0,05
	Адхократическая	-0,24*	-0,09	0,33**	0,04	0,06
	Рыночная	-0,43***	-0,20	0,59****	0,17	0,02
	Бюрократическая	0,15	0,26*	0,02	-0,32**	-0,16

0,23* - тенденции достоверной связи на уровне значимости $p < 0,10$

0,27** - корреляции на уровне значимости $p < 0,05$

0,35*** - корреляции на уровне значимости $p < 0,01$

0,44**** - корреляции на уровне значимости $p < 0,001$

Организационная культура учреждения сочетает в себе особенности учреждений здравоохранения и образования, находясь на их стыке: преобладает авторитарная и бюрократическая культура, что соответствует современным представлениям об организационной культуре российских учреждений здравоохранения и образования. В качестве желаемого типа культуры выступает клановая культура, в ко-

торой максимально отражены требования нового законодательства к модернизации учреждений подобного типа, в частности повышение эмоциональной отзывчивости персонала к воспитанникам и приближение условий их содержания к семейным.

Стратегии поведения персонала в проблемных ситуациях как элемент организационной культуры выражены, в частности,

преобладанием стратегии приспособления и минимальной долей стратегии соперничества, что обусловлено такими особенностями организационной культуры, как строгий контроль качества деятельности учреждения со стороны вышестоящих организаций, наличие большого количества отчетной документации, необходимость соблюдения режимных моментов.

Описанные особенности организационной культуры учреждения обуславливают преобладание в ней либерального управления с возможностью перехода к демократическому стилю в случае грамотно построенных действий, направленных на оптимизацию организаци-

онной культуры. Выявленные особенности организационной культуры учреждения способствуют повышению тревожности персонала, низкой степени личной вовлеченности в процесс модернизации, неудовлетворенности процессом коммуникации с коллегами и руководством, что связано с высоким уровнем зависимости бюджетного учреждения от органов государственного управления. Этому также способствуют неразвитость системы кадрового менеджмента, всеобщая толерантность, снижение эмоциональной вовлеченности в трудовой процесс вследствие высокого профессионального выгорания.

Ссылки

1. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство / пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. СПб., 2002. 336 с.
2. Хафизова Э. Р., Садовой М. А., Тощая Е. Г. Современная кадровая политика в здравоохранении // Правовые, экономические и организационные аспекты модернизации здравоохранения Российской Федерации: материалы научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во НГМУ, 2010. С. 154–159.
3. Соловьева А. В. Подготовка менеджеров сестринского дела // Высшее образование в России. 2008. № 7. С. 147–150.
4. Хафизова Э. Р. Инновационный подход к формированию корпоративной культуры в медицинском учреждении // Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета». 2012. 4 (8). С. 35–43.
5. Подготовка специалистов в области сестринского дела: оценка качества, пути его повышения / П. А. Душенков [и др.] // Медицинская сестра. 2005. № 2. С. 38–42.
6. Barginere C., Franco S., Wallace L. Succession Planning in an Academic Medical Center Nursing Service // Nursing administration quarterly. 2013. № 37. P. 67–71.
7. Грязнов А. Н., Дырин С. П., Рогов М. Г. Особенности управления персоналом в учреждениях здравоохранения // Казанский медицинский журнал. 2006. № 1. С. 70–72.
8. Коровина О. Ю. Организационная культура в сфере образования: методические материалы в помощь слушателям курсов повышения квалификации / науч. ред. А. В. Золотарева. Вологда: ВИРО, 2006. 64 с.
9. Шакуров Р. Х. Социально-психологические основы управления: руководитель и педагогический коллектив. М., 1990. 208 с.
10. Соловьева А. В. Специфика формирования корпоративной культуры // Проблемы педагогического образования / под ред. В. А. Сластенина, Е. А. Левановой. М., 2007. С. 84–92.
11. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / под науч. ред. И. В. Андреевой. СПб.: Питер, 2002. 320 с.
12. Карпов А. В., Маркова Е. В. Стилиевые особенности процесса принятия управленческих решений // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 3 (37). С. 80–86.
13. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2008. 384 с.

The significance of perceptual complexity in the «9 dots» problem

P. N. Markina^{1,2}, A. V. Chistopolskaya¹, N. Yu. Lazareva¹

¹Yaroslavl State University P. G. Demidova, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

²Institute of Psychology RAS, 13 Yaroslavskaya Str., Moscow 129366, Russian Federation

Scientific article

The article discusses the perceptual source of the complexity of the «Nine Dots» problem. A review of studies in which perceptual clues did not have a facilitating effect on the solution of this problem and selective analysis of methods is given. Interpretation of the hint method suggests that many studies in which the authors sought to influence only the perceptive component also affect other sources of complexity, for example, cognitive and motor. An experiment with a completely perceptual clue is described, in which the vast majority of participants cope with the task, from which it is concluded that perceptual complexity plays a large role in solving the «Nine Dots» problem.

Keywords: insight solution; insight; «Nine Dots»; perceptual complexity; perceptual hint; hint

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Markina Polina N. | E-mail: alxetar@gmail.com; kein17@mail.ru
Postgraduate student

Chistopolskaya Alexandra V. | E-mail: chistosasha@mail.ru
Candidate of Sciences in Psychology, Senior Lecturer

Lazareva Natalya Yu. | E-mail: lazareva_natasha93@mail.ru
Postgraduate student

Funding: RFBR, Project № 18-313-00123.

Значимость перцептивной сложности в задаче «9 точек»

П. Н. Маркина^{1,2}, А. В. Чистопольская¹, Н. Ю. Лазарева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

²Институт психологии РАН, ул. Ярославская, 13, Москва, 129366, Российская Федерация

УДК 159.9

Научная статья

В статье рассматривается перцептивный источник сложности задачи «Девять точек». Приводится обзор исследований, в которых перцептивные подсказки не оказали фасилитирующего эффекта на решение этой задачи и подборный разбор методов. Интерпретация метода подсказки позволяет предположить, что многие исследования, в которых авторы стремились оказать воздействие только на перцептивную составляющую, оказывают воздействие и на другие источники сложности, например когнитивный и моторный. Описывается эксперимент с полностью перцептивной подсказкой, в котором подавляющее большинство испытуемых справляется с задачей, из чего делается вывод, что перцептивная сложность играет большую роль в решении задачи «Девять точек».

Ключевые слова: инсайтное решение; инсайт; «Девять точек»; перцептивная сложность; перцептивная подсказка; подсказка

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркина Полина Николаевна | E-mail: alxetar@gmail.com; E-mail: kein17@mail.ru
Аспирант

Чистопольская Александра Валерьевна | E-mail: chistosasha@mail.ru
Кандидат психологических наук, старший преподаватель

Лазарева Наталья Юрьевна | E-mail: lazareva_natasha93@mail.ru
Аспирант

Финансирование: РФФИ, проект № 18-313-00123.

Введение. Сложно сказать, насколько давно учёное сообщество интересуется процессом обнаружения инсайтного решения, но мы до сих пор не знаем полного ответа на вопрос, каким образом оно происходит. В ходе длительной истории изучения некоторые задачи приобрели статус инсайтных, т. е. таких, которые с высокой долей вероятности провоцируют инсайтное решение. На их материале чаще всего исследуется процесс инсайтного решения. Одна из классических инсайтных задач – «Девять точек». Испытуемому предъявляются девять точек, расположенных

в форме квадрата, и от него требуется соединить все девять точек четырьмя прямыми линиями, не отрывая карандаш от бумаги. Ответ предполагает выход линий за пределы квадрата, который формируют точки. Задача хорошо подходит для исследования, поскольку её решение, как правило, включает преодоление тупика, обнаружение принципа решения сопровождается «Ага!-реакцией», решающие чувствуют себя некомпетентными справиться с заданием, пока внезапно для самих себя не обнаружат ответ. Особенно удобна задача как материал инсайтных исследований тем,

© Маркина П. Н., Чистопольская А. В., Лазарева Н. Ю., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

что её решение развёрнуто во времени и поэтапно представлено на бумаге. Кроме того, задача сложна, иногда её решают 0 % испытуемых [1]. Поэтому для изучения её решения хорошо подходит методический приём подсказки. В целом логику его применения можно описать так: если подсказка оказала значимый фасилитирующий эффект, значит, она оказала разрушающее воздействие на один или несколько источников трудности, и, значит (что наиболее важно), мы можем понять, в чём заключается сложность решения задачи, и эксплицировать это на инсайтное решение, приблизиться к построению его модели.

С точки зрения С. Ольссона, сложность решения задачи «Девять точек» объясняется необходимостью преодоления ограничения, накладываемого на образ цели – испытуемому кажется, что он должен оставаться в пределах квадрата, формируемого точками [2].

С. Ольссон является представителем так называемого специфического подхода, который утверждает несводимость инсайтного решения к каким-либо другим. Тем не менее большинство исследований, проведённых на материале этой задачи, выполнены в рамках неспецифического подхода. Его сторонники считают, что даже такая сложная инсайтная задача, как «Девять точек», решается пошагово, с применением эвристик (например, [3]). В статье [4] авторы, следуя вычислительной модели, предполагали, что главная сложность заключается в том, что испытуемым сложно отказаться от стратегии максимизации – стремления зачёркивать максимальное количество точек каждой линией. Кроме того, сложность задачи объясняется тем, что требуется предсказать свои действия на четыре шага вперёд (в терминах Э. Кроникла и коллег, иметь горизонт планирования, равный четырём), что недоступно практически всем людям. В своём эксперименте они предъявляли «Девять точек» с «тенью» ответа, и при таком условии только 16 % испытуемых смогли справиться с задачей, то есть перцептивная подсказка не оказала должного влияния на эффективность решения.

Взгляд сторонников вычислительной модели противопоставляется гештальтистскому (и специфическому), где главной трудностью считается перцептивное ограничение – не-

способность решателей начать поиск ответа вне пределов квадрата. Чаще всего исследователи не пробуют создать свою модель решения этой задачи, а стараются опровергнуть эту трудность. Так, исследователи подсказывали испытуемым выйти за пределы квадрата [5], говорили, что все способы решить задачу, оставаясь в пределах квадрата, исчерпаны (решили только 3 из 15 испытуемых за 10 попыток), изображали часть ответа – диагональную линию (решили 9 из 13 испытуемых за 5 попыток [1]) и тренировали испытуемых выходить за пределы квадрата (решила только половина испытуемых) [1].

Выводтакихисследований–основнаясложность задачи «Девять точек» – не перцептивная, а когнитивная. Но мы считаем, что многие авторы не учитывают, что они часто смешивают перцептивную и когнитивную составляющие, поскольку подсказка даётся на когнитивном уровне. Например, говорить испытуемому выйти за пределы квадрата – это когнитивно воздействовать на перцептивную сложность. Возможно, неэффективность таких подсказок можно объяснить тем, что метод подсказки должен совпадать с материалом, источником сложности. Поэтому воздействовать на перцептивные сложности следует перцептивно, а на когнитивные – когнитивно. Но в вышеприведённых исследованиях мы видим, что перцептивные подсказки давались когнитивно [1, 5] или моторно [1], что сложно интерпретировать в контексте противопоставления когнитивной и перцептивной сложности, и со смешением всех трёх выделенных в этом тексте видов, т. е. когда давалась часть ответа, т.е. диагональная линия. Хороший пример совпадения метода и вида подсказки мы находим в исследовании с тенью правильного ответа [4]. Но, с одной стороны, эту подсказку можно считать слишком «сильной»: она может сбивать испытуемых и они будут искать «подвох», что приведёт к усложнению задачи в когнитивном аспекте. С другой стороны, «стрелка» с точки зрения гештальтизма является худшей формой по сравнению с квадратом. И в таком случае она не будет составлять конкуренцию перцептивной форме организации элементов задачи – квадрату.

Гипотеза. Мы предположили, что перцептивная подсказка, лишённая когнитивного

аспекта, будет повышать эффективность решения задачи «Девять точек».

Дизайн и методика. В своем эксперименте мы расположили фигуры Каниза в местах поворотов линий, так чтобы они визуальнo создавали нужную для решения фигуру (треугольник), не нарушая исходные условия. Тем самым мы дополнили хорошую гештальт-форму квадрата другой хорошей формой – треугольником.

Мы сформировали два подвида такой подсказки: в одном условии фигуры расположены точно в местах, через которые должна проходить линия правильного ответа, в другом – они отдалены от нужного места расположения линий на небольшое расстояние.

Каждому испытуемому давалось 100 попыток и 30 минут времени.

Результаты (предварительные). 75 % (9 из 12) испытуемых, решавших задачу «Девять точек» с фигурами Каниза, расположенными в отдалении от места проведения линий, справились с задачей. Также справились с решением 91 % (21 из 23) испытуемых группы, в которой фигуры Каниза были расположены точно в месте проведения линий. Следует сказать, что максимальное количество попыток решения равнялось 30.

Обсуждение. Собранных данных уже достаточно для формулировки предварительных выводов, но необходимо увеличить выборку и включить в неё контрольные группы: в од-

ной – испытуемые будут решать классический вариант «Девяти точек», во второй – фигуры Каниза будут задавать неверное направление линий. Кроме того, по полным данным планируется подробная статистическая обработка, включающая проверку предположения о совпадении направления фигур-подсказок и линий ответа, расчёт соотношения времени решения и количества попыток.

В эксперименте мы проверили гипотезу о том, что перцептивная подсказка, предъявленная перцептивным методом, улучшает решение задачи «Девять точек». Из чего, пока с осторожностью, поскольку эксперимент находится на стадии проведения, можем сделать вывод, что большая часть сложности задачи заключается в её перцептивной организации (в сравнении с когнитивной).

Мы склонны также поддерживать выводы многих исследователей о том, что перцептивная организация незначительно влияет на сложность решения, поскольку их экспериментальные процедуры влияли и на когнитивную, и на моторную составляющие задачи, т. е. когнитивным или моторным образом преподнесенная подсказка не фасилитирует решение, а значит, сложность задачи может состоять в перцептивной организации.

Вывод. Значительную сложность задачи «Девять точек» составляет её перцептивная организация.

Ссылки

1. Weisberg R. W., Alba J. W. An examination of the alleged role of «fixation» in the solution of several «insight» problems // *Journal of experimental psychology: general*. 1981. V. 110. № 2. P. 169.
2. Ohlsson S. Information-processing explanations of insight and related phenomena // *Advances in the psychology of thinking*. 1992. V. 1. P. 1–44.
3. MacGregor J. N., Ormerod T. C., Chronicle E. P. Information Processing and Insight: A Process Model of Performance on the Nine-Dot and Related Problems // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 2001. № 1 (27). P. 176–201.
4. Chronicle E. P., Ormerod T. C., MacGregor J. N. When insight just won't come: The failure of visual cues in the nine-dot problem // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology: Section A*. 2001. V. 54, № 3. P. 903–919.
5. Burnham C. A., Davis K. G. The nine-dot problem: Beyond perceptual organization // *Psychonomic Science*. 1969. V. 17, № 6. P. 321–323.

Factors of organizational culture in determining of manager's styles of business communication: professional specifics and the role of the environment

V. V. Vilches-Nogerol¹, A. S. Mashkova^{1,2}

¹Moscow Technological University, 78 Vernadsky Ave., Moscow, 119454 Russian Federation

²Gradient Company

Research article

The article describes styles of business communication (SBC) in two groups of managers of different companies (85 people and 40 people). Hypotheses: 1) Styles of business communication (SBC) of subjects, representatives of the same profession, are characterized by similar composition and a measure of the severity of the components of style. 2) SBC of subjects, representatives of the same profession, working in different organizational environments, will have a number of differences in the structures of styles, as the severity of the components of the style. The data of statistics methods confirm the working hypothesis about the difference in the revealed styles specific for a particular group.

Keywords: styles of business communication; managers; interaction; corporate culture; environmental factor

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vilches-Nogerol Veronika V. | E-mail: belikveronika@gmail.com
Postgraduate student

Mashkova Anna S. | E-mail: ania_12@mail.ru
Postgraduate student

Funding: RFBR, Project № 19-013-00550.

Факторы организационной культуры в детерминации стилей делового общения менеджеров: специфика профессии и роль среды

В. В. Вильчес-Ногерол¹, А. С. Машкова^{1,2}

¹Московский технологический университет, пр-т Вернадского, 78, Москва, 119454, Российская Федерация

²Компания «Градиент»

УДК 159.922

Научная статья

В статье описаны стили делового общения (СДО) в двух группах менеджеров разных компаний (85 чел. и 40 чел.). Гипотезы: 1) стили делового общения (СДО) субъектов, представителей одной профессии, характеризуются сходством состава и мерой выраженности компонентов стиля; 2) СДО субъектов, представителей одной профессии, работающих в разных организационных средах, будут иметь ряд различий в структурах стилей, в мере выраженности компонентов стиля. Данные факторного анализа и t-сравнения подтверждают рабочие гипотезы о различиях в выявленных стилях, специфичных для конкретной группы.

Ключевые слова: стили делового общения; менеджеры; взаимодействие; корпоративная культура; фактор среды

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вильчес-Ногерол Вероника | E-mail: belikveronika@gmail.com
Валерьевна | Аспирант

Машкова Анна Сергеевна | E-mail: ania_12@mail.ru
Аспирант

Финансирование: РФФИ, проект № 19-013-00550 «Стили делового общения: пространство и стратегии взаимодействия, ресурсы успешности субъектов».

Введение. Представители социономических профессий (в частности, менеджеры, руководители низового, среднего, высшего звена) являются наиболее уязвимым звеном в аспектах разных «издержек» труда в современных организациях. В связи с этим видится актуальным последовательное изучение стилей, в том числе *стилей делового общения (СДО)*. Использование работником эффективных СДО, адаптированных к конкретной среде, способствует нивелированию негативных воздействий среды, условий профессиональной деятельности; более продуктивному выполнению рабочих задач, адекватному взаимодействию в рабочих коллективах [1–4]. Ранее про-

веденные исследования показали, что стили как комплексные структуры детерминированы множеством внешних и внутренних факторов микро-, мезо- и макросреды, что предполагает последовательное обширное и детальное исследование этих факторов и детерминант.

Организация исследования. Цель – сравнительный анализ и выявление особенностей СДО субъектов, работающих в разных организационных средах. Предмет – стили делового общения (СДО) менеджеров современных коммерческих компаний. Гипотезы: 1) стили делового общения (СДО) субъектов, представителей одной профессии, характеризуются сходством состава и мерой выраженности ком-

понентов стиля; 2) СДО субъектов, представителей одной профессии, работающих в разных организационных средах, будут иметь ряд различий в структурах стилей, в мере выраженности компонентов стиля.

Методы исследования: опрос экспертов, психодиагностика (тест-опросники «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» и «Опросник способов совладания» Т. Л. Крюковой, тест-опросники 16-РФ Р. Б. Кеттелла, опросник «Уровень субъективного контроля»), исследовательская методика – опросник «Стили делового общения» (СДО) В. А. Толочка [5]. Исследование проводилось на двух выборках: а) менеджеры по продажам компании «Пронто Медиа Холдинг» – 85 чел.; б) административно-управленческие работники различных сфер – 40 чел. Для анализа данных использовались описательные статистики, корреляционный и факторный анализ, t-сравнение для независимых групп (пакет статистических программ SPSS 10).

Результаты исследования. Согласно результатам факторного анализа в каждой выборке были выделены шесть факторов с собственным значением больше 1,00; объясняющая дисперсия составила от 50,5 до 58,0 % соответственно, что является удовлетворительным результатом. Анализируемые переменные имели нормальное распределение, асимметрия и эксцесс по большей их части не выходили за пределы (1,00).

В первой выборке *менеджеров (85 чел.)* выделенные шесть факторов интерпретировались как им соответствующие стили (табл. 1).

1-й фактор в соответствии с его образующими компонентами и мерой их выраженности был назван «Формальный независимый стиль». Такой стиль предполагает опору на аргументированную позицию, а также невербальные средства; ведущие функции общения в стиле – получение информации и саморазвитие. Часто взаимодействие осуществляется субъектом в высоком темпе, «прессингуя» партнера. Активность партнера при этом поощряется, партнер располагает временем для решения вопроса. Таким образом, имеет место следование неким «правилам» для выстраивания взаимодействия, однако очевидны ориентации на получение выгоды в первую очередь для себя; отсутствие страте-

гий, способствующих продуктивному сотрудничеству. Поощрение партнера происходит, скорее, «по умолчанию» как поддержка интенсивности взаимодействия.

2-й фактор представляет «Мягкий уклончивый стиль». Он раскрывается с помощью следующих стилевых составляющих: это предпочтение спокойной динамики развития процесса взаимодействия; информационная функция – одна из доминирующих в общении, выделение критериев ожидаемых результатов; работа с деловой документацией; обращение к партнеру с просьбой. Для данного стиля не характерны демонстрация силы, дальняя психологическая дистанция, привлечение других к решению вопроса. Таким образом, демонстрируется достаточно пассивный, но не агрессивный тип поведения, скудный в отношении стратегий коммуникации, эмоциональной составляющей, ориентации на партнера.

3-й фактор – «Силовой дистантный стиль». Сотрудники, использующие такой стиль, демонстрируют твердость, отводят для коммуникации максимальное время, часто работают по телефону. Имеет место использование разных стратегий взаимодействия (соперничество, содействие), а также включение силовых методов, привлечение других, но без дальнейшего поощрения партнера. Данный стиль можно обозначить как сугубо индивидуалистический, взаимодействие формализовано и происходит эпизодически.

4-й фактор – «Активный несистемный стиль». В качестве основных стилевых составляющих выступают: коммуникативная функция, выделение четких критериев ожидаемых результатов, стратегия сотрудничества, высокая активность и высокий темп взаимодействий. Данный стиль представляет собой плохо структурированный набор компонентов, которые не могут обеспечить полноценное продуктивное взаимодействие, эмоционально и технически обедняют стиль общения.

5-й фактор – «Свободный стиль» – предполагает организацию субъектом своего времени, работу с документацией. Но в целом подобное рабочее поведение чаще хаотично, без использования должных стратегий и функций, способствующих конструктивному взаимодействию.

Статистики факторного анализа СДО менеджеров (85 чел.)

Стилевые компоненты	Факторы (факторный вес)					
	1	2	3	4	5	6
Коммуникативная функция	-0,20		0,22	0,58		
Стратегия компромисса						0,69
Умеренная динамика развития процесса		0,62		-0,26		0,43
Демонстрация силы		-0,74	0,23	-0,24	-0,23	
Аргументация	0,73					
Использование невербальных средств в общении	0,57					0,36
Угрозы, санкции	-0,39					0,66
Информационная функция	0,45	0,50		0,20		
Стратегия уклонения	-0,35			-0,63	-0,27	
Дальняя психологическая дистанция		-0,67				0,37
Организация времени	0,23			0,21	0,64	
Использование чётких критериев		0,45		0,42	0,27	
Обозначение проблемы в целом			0,31	-0,43		
Использование деловых писем		0,76				
Функция эмоциональной взаимосвязи						0,48
Стратегия соперничества	0,26	0,24	0,37	0,40	-0,38	0,26
Максимальное время взаимодействия	0,26		0,73	-0,24		
Использование документов		0,28	0,33		0,72	
Демонстрация твердой позиции			0,55	0,38	0,37	
Фиксация времени						0,41
Стратегия содействия	0,35		0,32			
Функция управления взаимодействиями	0,22	-0,30			0,325	0,53
Стратегия сотрудничества	0,29			0,44		0,23
Высокий темп взаимодействий	0,445	-0,253		0,42	-0,45	
Обращение с просьбой к партнеру	0,42	0,47	-0,34			0,26
Поощрение	0,73		0,23			
Предоставление времени партнеру	0,72	0,22				
Постановка конкретных целей	0,76				0,34	
Функция саморазвития	0,60			0,33	0,39	
Стратегия приспособления	0,21		0,68			
Высокая активность	0,37		0,20	0,53		-0,24
Привлечение других к решению вопроса		-0,80	0,36			
Доверительная беседа	0,67	0,26	0,23			
Переговоры по телефону		-0,21	0,81	0,22		
Постановка чётких задач	0,53				0,57	

6-й фактор – «Жесткий компромиссный стиль» – представляет собой синтез компромиссной стратегии и жесткости в виде угроз и т. п. Эмоциональная составляющая в общении играет значимую роль, однако субъект, использующий такой стиль, скорее избегает вза-

имодействия. Доминирует также стремление к изменению поведения других людей.

Согласно факторным нагрузкам, во второй выборке менеджеров (40 чел.), также шесть выделенных факторов мы рассматриваем как шесть СДО (табл. 2).

Статистики факторного анализа СДО менеджеров (40 чел.)

Стилевые компоненты	Факторы (факторный вес)					
	1	2	3	4	5	6
Коммуникативная функция	0,26	-0,33			0,62	
Стратегия компромисса	-0,32					0,26
Умеренная динамика развития процесса	-0,22					-0,60
Демонстрация силы			0,33			0,48
Аргументация	0,40	-0,23	0,22			
Использование невербальных средств в общении	0,27		0,69	0,27		
Привлечение других к решению вопроса	-0,32	0,22	-0,46	-0,276	0,35	
Информационная функция		0,20			0,33	
Стратегия уклонения			-0,33		0,39	
Дальняя психологическая дистанция	-0,27			-0,25	-0,21	
Организация времени		-0,20	0,46	-0,25		-0,23
Использование чётких критериев	0,67					-0,34
Обозначение проблемы в целом	0,23	-0,71		0,35		
Использование деловых писем			-0,23		0,29	-0,59
Функция эмоциональной взаимосвязи			0,21	0,41	0,68	
Стратегия соперничества		0,48		0,25		0,53
Максимальное время взаимодействия				0,40	-0,43	0,22
Организация пространства			0,59			
Использование документации		0,78				
Фиксация времени	0,49	0,42	0,33	-0,24	0,21	
Стратегия содействия		0,26	0,24	0,28	0,44	
Функция управления взаимодействиями	0,51	0,32			0,44	0,31
Стратегия сотрудничества				0,66		
Высокий темп взаимодействий	0,41			0,35		
Обращение с просьбой к партнеру		-0,40		-0,26	0,50	0,27
Демонстрация твердой позиции			0,43			0,25
Поощрение	0,28			0,631		
Постановка конкретных целей	0,75			-0,22		0,24
Функция саморазвития	0,39		0,34		0,33	0,25
Стратегия приспособления	0,46		-0,36	0,31		-0,34
Высокая активность	0,62					
Угрозы	0,26		0,36	-0,24	-0,23	
Доверительная беседа	-0,28			0,61		
Переговоры по телефону		0,62				
Постановка четких задач	0,70					

1-й фактор, согласно входящим в него переменным и факторным «весам», назван «Конструктивный жёстко-формальный стиль». Субъект проявляет высокую активность, акцентированную на формулирование и следование четким критериям постановки цели,

решения задач и пр., при сравнительно бедном репертуаре техник общения (действий общения). Как правило, фиксирует время общения; стремится к управлению взаимодействиями. Такая комбинация компонентов может обеспечивать эффективность

в плане решения рабочих вопросов, однако явно проигрывает в отношении формирования адекватных межличностных взаимодействий.

2-й фактор – «Избегающий стиль (дистантное общение)» – характеризуется склонностью уделять больше внимания письмам, телефонным звонкам, чем непосредственно «живому» взаимодействию с партнером; избегать обсуждения проблем, как и неформального общения; неумением организовать оптимальное пространство и время общения; склонностью соперничать во взаимодействиях с другими.

3-й фактор – «Импульсивный индивидуалистический стиль». Субъект ориентирован на невербальное общение; системен в отношении организации времени и пространства. Стиль представляет собой хаотичную смесь взаимодействия, обедненную надежными стратегиями и функциями для формирования и поддержания эффективной коммуникации. Иногда имеет место демонстративное поведение, ориентированное на внешние предъявления угрозы, проявление силы и т. п.

4-й фактор – «Либеральный стиль» – характерен для субъекта, ориентированного на сотрудничество, поощрение, доверительную беседу, использование близкой психологической дистанции; но при этом поведение непоследовательно, отсутствует оперирование четкими критериями постановки цели, решения задач; он невнимателен к организации пространства и времени в процессах взаимодействия с партнером; не реализует никакие конструктивные функции общения.

5-й фактор – «Мотивация потребности в сопричастности» (по Д. МакКлеланду). Для субъекта, в поведении которого доминирует данный стиль, свойственна ориентация на взаимодействие. Ключевая роль уделяется поддержанию коммуникации как таковой при демонстрации эмоциональной близости с партнером, готовности к содействию. Однако такой сотрудник не утруждает себя организацией времени и пространства взаимодействия, не оперирует четкими критериями постановки цели и решения задач. Предполагаем, что данный стиль может и быть эффективным в плане формирования доверительного общения, но в качестве делового стиля его едва ли можно назвать конструктивным.

6-й фактор – «Квази-силовой стиль». Субъект характеризуется суетливостью в общении, ригидностью поведения, склонностью к соперничеству, к «демонстрации силы»; его стиль плохо структурирован (не конструктивен, одни компоненты не поддерживают другие); слабо выражена активность, умение организации пространства и времени взаимодействия с партнером: не отличается умением выделять и оперировать четкими критериями постановки цели, решения задач; общение характеризуется спонтанностью во «взаимодействиях» с другими.

Рассмотрим результаты t-сравнения двух групп. Статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) наблюдаются по следующим стилевым компонентам: это демонстрация силы; угрозы; стратегия уклонения; дальняя психологическая дистанция; организация времени; использование документации; демонстрация твердости; предоставление времени партнеру для решения вопроса; использование телефона; постановка четких задач.

Обсуждение результатов. Общим у менеджеров двух выборок были сходные профессиональные функции, различным – организационная культура, перспективы работы в компании и, вероятно, стадии жизненного цикла компаний. Первую выборку составили менеджеры по продажам компании «Пронто Медиа Холдинг». Их функциональными обязанностями являются: размещение рекламы на сайтах и взаимодействие с клиентами (т. е. с представителями других организаций и частными лицами). Рабочая деятельность происходит в условиях офиса открытого типа и ненормированного графика, общение между коллегами осуществляется преимущественно виртуально и/или на ежедневных общих совещаниях. Представители первой выборки работали в «плохо организованной» корпоративной культуре, «заточенной» лишь на увеличение продаж сотрудниками и на их конкурентные дистантные взаимодействия. Такие жесткие условия социальной микро- и мезосреды провоцируют становление и доминирование неэффективных стилей: фактически все стили имеют неконструктивную основу и недостаточно развитую структуру (в виде активного использования разных стратегий, функций, условий и действий), которая фактически пре-

пятствует формированию эффективного взаимодействия с партнером.

Во вторую выборку входили представители различных сфер: банковской, информационных технологий, оптовой и розничной торговли, производственной, рекламной сферы бизнеса, страховых, а также строительных компаний. Функциональными обязанностями менеджеров всех компаний являются: управление сотрудниками, находящимися в непосредственном подчинении (подбор новых сотрудников, организация и управление работой действующего коллектива, мотивация, обучение, принятие решений по увольнению и карьерному продвижению сотрудников и ротации). Отличительной особенностью банковской, производственной и строительной сфер по отношению к другим сферам бизнеса является соблюдение жестких регламентов работы (графики работ, контроль рабочего времени, режим труда); регламент работ остальных компаний более гибок, допускает возможность корректировки рабочего времени, режима труда и графика работ.

У менеджеров второй группы мы можем говорить о трех неэффективных стилях из шести выделенных: это «Избегающий стиль (склонность к дистантному общению)»; «Мотивация потребности в сопричастности»; «Квази-силовой стиль». Другие три стиля можно отнести к условно эффективным: «Конструктивный жёстко-формальный стиль», «Импульсивный индивидуалистический стиль», «Либеральный стиль». В первой группе менеджеров организационная культура представляет собой жёсткую, формализованную модель, направленную на ограниченное и дистантное взаимодействие с коллегами; все шесть выявленных стилей нами признаны неэффективными.

Результаты факторного анализа подтверждаются результатами t-сравнения. Выделенные компоненты стилей со статически значимыми различиями также обусловлены различной корпоративной средой. Избегание и сравнительно редкое использование силовых методов, угроз и т. п.; опору на постановку чётких задач, демонстрацию твёрдости, предоставление времени партнёру для решения вопроса, организацию времени, скорее всего, можно объяснить наличием большего

управленческого опыта у респондентов второй группы менеджеров. Подобные изменения стиля с приобретением опыта руководства можно находить и в литературных источниках [2, 6]. Для сравнения: прибежание к стратегии уклонения, к поддержанию дальней психологической дистанции, использование телефона и т. п. оказались более характерными для первой группы менеджеров – сотрудников компании в последних стадиях ее жизненного цикла.

Исходя из вышесказанного делаем вывод, что именно специфика корпоративной культуры играет важную роль: при жёсткой, плохо организованной рабочей среде для формирования конструктивных стилей нет благоприятной почвы. В случае системно выстроенной, но диффузной корпоративной культуры можно говорить лишь об условно эффективных стилях. Гипотезы исследования подтвердилась.

Выводы:

1. Становление и закрепление типовых стилей делового общения (СДО) менеджеров современных коммерческих организаций сопряжено с условиями их труда (должностными обязанностями, отношениями в рабочих группах, особенностями корпоративной культуры и пр.). СДО менеджеров как представителей одной профессии характеризуются определенным сходством состава и мерой выраженности компонентов стиля. Вместе с тем у менеджеров, работающих в разных организационных средах, имеют место и различия в структурах их стилей, а также в мере выраженности компонентов стиля;

2. При факторном анализе в первой выборке менеджеров (85 чел.) выделяются шесть хорошо интерпретируемых факторов, характеризующих соответствующие стили делового общения субъектов. Содержательно, в соответствии с составом переменных и их «факторными весами», выделенные факторы как стили получили название: «Формальный независимый стиль», «Мягкий уклончивый стиль», «Силовой дистантный стиль», «Активный несистемный стиль», «Свободный стиль», «Жесткий компромиссный стиль». В первой группе все выявленные стили признаны неэффективными;

3. При факторном анализе во второй выборке менеджеров (40 чел.) также выделены шесть хорошо интерпретируемых факторов, характеризующих стили; в соответствии с составом переменных и их «факторными весами» они названы: «Избегающий стиль (склонность к дистантному общению)», «Мотивация потребности в сопричастности», «Квази-силовой стиль»; «Конструктивный жёстко-формальный стиль», «Импульсивный индивидуалистический стиль», «Либеральный стиль». Из них первые три признаны неэффективными; три последних – условно эффективными стилями делового общения;

4. Спонтанно формируемые стили субъектов нередко оказываются неэф-

фективными и не конструктивными психологическими системами. При жёсткой корпоративной культуре, где занижается роль коммуникации, транслируется дистантное взаимодействие, нацеленное на конкуренцию и реализацию только рабочих задач, минимизируется роль личностного и профессионального роста, едва ли можно говорить об использовании конструктивных стилей. В случае с оптимально организационной культуре с «прозрачными», регламентированными нормами оценки субъектов, нормами их взаимодействия, наличием возможностей для карьерного и личностного развития вероятность становления и закрепления конструктивных стилей будет выше.

Ссылки

1. Белик В. В. Стили делового общения как индикатор корпоративной культуры компании // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 123–125.

2. Карпов А. В., Маркова Е. В. Стилиевые особенности процесса принятия управленческих решений // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 3 (37). С. 80–86.

3. Кашапов М. М. Психология творческого мышления. М.: ИНФРА-М, 2017. 436 с.

4. Толочек В. А., Тимашкова Н. А., Денисова В. Г. Профессиональное становление субъектов педагогической деятельности: позитивные и негативные изменения // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2014. № 1. С. 16–32.

5. Толочек В. А. Социализация в квадрате: локализация феномена «акме» и его вероятные детерминанты // Мир психологии. 2005. № 4. С. 50–64.

6. Маркова Е. В. Индивидуально-типологические закономерности стилей управленческих решений и их диагностика: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2001. 24 с.

Locus of control as a metacognitive process subject's professional activities

V. B. Tokareva¹

¹Yaroslavl State Pedagogical University after K. D. Ushinsky, 108/1 Republican str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

Scientific article

In this article, the locus of control is considered as a metacognitive process in a subject of professional activity. It is argued that, based on past experience, a subject can influence the nature of decision-making, and, consequently, plan its activities as a whole.

Keywords: locus of control; responsibility; metacognitive processes; competence

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tokareva Valentina B. | E-mail: valya.tokareva@bk.ru
Senior lecturer

Локус контроля как метакогнитивный процесс профессиональной деятельности субъекта

В. Б. Токарева¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

УДК 159.955.4
Научная статья

В данной статье локус контроля рассмотрен как метакогнитивный процесс у субъекта профессиональной деятельности. Приводятся доводы о том, что, основываясь на прошлом опыте, субъект может воздействовать на природу принятия решения, а следовательно, и планировать свою деятельность в целом.

Ключевые слова: локус контроля; ответственность; метакогнитивные процессы; компетентность

Информация об авторах

Токарева Валентина Борисовна | E-mail: valya.tokareva@bk.ru
старший преподаватель

Одной из задач современного образования является вопрос о грамотном обучении специалистов, а именно о формировании навыка самостоятельного усваивания новых знаний, для развития которого огромную роль играют метакогнитивные процессы. Именно поэтому метакогнитивные процессы в настоящее время остаются особым классом психических процессов, представляющих собой новый первоочередной уровень психической реальности. «Общим, то есть родовым, признаком этих процессов является то, что все они направлены на регуляцию и координацию других – так называемых “первичных” когнитивных процессов» [1]. Тем самым «понятие метакогнитивности связано с выходом за рамки традиционных когнитивных процессов, поскольку они могут быть направлены на реализацию базовых регулятивных функций как по отношению к собственно познанию, так и по отношению организации деятельности в целом» [2].

В организации профессиональной деятельности существует проблема выделения отдельных профессионально важных качеств, так как эффективность субъекта может достигаться за счет множества личностных характеристик, а для развития в профессиональной сфере специалисту необходимо иметь ряд осо-

рых компетенций, которые позволят ему выделиться из целого ряда сотрудников. Особый род компетенций представляют метакомпетенции. Они включают в качестве базового качества рефлексия как механизм высших уровней развития познания [3].

Рефлексия может выступать в качестве многоаспектного и унитарного процесса. Этому свидетельствуют многочисленные исследования. Существует множество систем рефлексивных процессов, которые соединяются в специфический класс всей системы процессов. Свою процессуальность рефлексия может проявлять в гетерогенном характере процессуальных форм – это, в принципе, и является решением для разгадки механизмов самого процесса рефлексии. Существуют также различные процессуальные выражения. По мнению А. В. Карпова, это самоощущение, самовосприятие, аутопредствление, а также мышление о мышлении [4]. Одной из особенностей рефлексии является то, что все процессы, входящие в ее состав, выравнены и не превозносятся над другими. Рефлексия может выступать в различных формах. Это – социорефлексия, ауторефлексия, эмоциональная рефлексия и когнитивная рефлексия, каждая из которых приравнивается к интегральным метапроцес-

сам, синтезируемым в регулятивной и когнитивной рефлексии.

Одной из метакомпетенций в своем исследовании В. С. Чернявская выделяет локус контроля [5], где на основе методик М. М. Кашапова «Самооценка метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности» [6] и А. К. Осницкого «Определение интернальности и экстернальности» автор статьи доказывает взаимосвязь данных опросников и полагает, что уровень субъективного контроля как интегративная характеристика способствует разрешению противоречий – быть активным или нет в деятельности, содействует принятию результативных решений.

Недостатком данного исследования мы считаем пассивное участие локуса контроля в выстраивании эффективной стратегии организации профессиональной деятельности самого субъекта. По нашему мнению, локус контроля обязан занимать главенствующую позицию при принятии решения и регулировании своей активности. Так, принятие ответственности за события в своей жизни дает возможность субъекту координировать не только профессиональную сферу, но и остальные, например сферу межличностного общения и так далее.

Ответственность – это способность человека отвечать за конструктивные и деструктивные проявления себя самого и другого человека. Два взаимодополняющих аспекта этого феномена: ответственность за самого себя и за другого человека. На эмоциональном уровне ответственность за самого себя переживается как беспокойство, тревога, побуждающие к самостоятельным действиям и анализу их последствий. Ответственность за другого переживается как беспокойство, тревога, побуждающие выступать инициатором, стимулятором и контролером действий другого человека.

В структуре действия можно выделить такие компоненты, как принятие решений, реализация, контроль и коррекция. Эти компоненты неразрывно связаны друг с другом. Вследствие этого можно говорить о том, что локус контроля как некий процесс оценивания ситуации, действий субъекта является ценностно-ориентированным показателем, без которого не обходится любая деятельность. Он проникает во все компоненты структуры и действия, тем самым давая возможность личности как таковой проявлять свою активность. Перед субъектом деятельности будет всегда стоять выбор принятия

ответственности за свои решения, за использование ресурсов включаться в деятельность либо относиться к своей профессиональной деятельности «спустя рукава». Это может охарактеризовать локус контроля как особый метапроцесс.

В метапроцессах существует дифференциация на метакогнитивные и метарегулятивные. Метакогнитивные процессы разделяют на некоторые группы по критериям направленности на тот или иной процесс. В данном случае это так называемые метакогнитивные автопроцессы: мышление о мышлении – метамышление, память о памяти – метапамять [7].

Существуют также операционные механизмы «первичного» процесса, которые касаются других процессов – «мышление о памяти», «представление о памяти» [7].

Еще одна группа может называться метакогнитивные гетеропроецессы. К ним относятся психические процессы, операционные средства которых реализуются по отношению к другому классу. Это можно определить как сопряжение регулятивных и когнитивных процессов. Выделяется также группа метарегулятивных процессов, которые разделяются на «авто» и «гетеро» процессы. На основе базовых регулятивных процессов выступают интегральные гетеропроецессы. По мнению А. В. Карпова к ним относятся такие процессы, как принятие решения, целеобразование, планирование, контроль и самоконтроль [8]. Смысл базовых качеств состоит в том, что они являются структурообразующими в плане синтеза всех иных качеств [9]. Они могут выполнять функцию первичных процессов и быть их целостными обобщением. Интегральные процессы могут выступать инструментами образовывания и координации самих себя. В соответствии с вышеизложенным локус контроля можно считать интегральным процессом.

Локус контроля является как метакогнитивным, так и метарегулятивным гетеропроецесом, так как происходит координация психики субъекта внутри разных групп процессов по операциональному содержанию. Субъект, оценивая ситуацию (когнитивный момент), делает выбор, как выполнять свою деятельность (регулятивный момент): продолжить выполнение работы, тем самым нести ответственность за свою деятельность, либо затратить минимум усилий, перекинув ответственность на окружающих и проявить низкую активность в отношении профессионального задания.

В процессе исследования такой психической реальности, как локус контроля, были организованы разнообразные экспериментальные исследования. Были сделаны выводы, что субъекты с высоким экстернальным локусом контроля чаще всего откликаются на непредвиденные события с испугом, настороженностью. Субъекты с интернальным локусом контроля воспринимают неожиданные моменты более адекватно, все чаще с некой иронией. Организуя свою деятельность, экстерналы больше основываются на прошлом, в отличие от интерналов, которые отдают предпочтение будущему. Основываясь на результатах предыдущих исследований, стоит полагать, что локус контроля может выступать не только как метапроцесс, но и как состояние личности. В исследованиях авторов по социальной психологии ответственность рассматривается как феномен, который связан с уровнем функционирования группы, характером совместной деятельности. Доказано, что субъекты с экстернальным локусом контроля менее уверены в себе, склонны подстраиваться под мнение коллектива. Интерналы чувствуют себя более хладнокровно и не боятся выражать свою точку зрения [10]. В контакте с другими людьми интерналы менее поддаются манипулированию и устойчивы к нападкам окружающих; адекватно оценивают свое поведение. Воспринимаемая информация интерналом основывается на истинном интересе к ней, что позволяет оставаться ему в хорошем настроении духа.

Основным аспектом ответственности является возможность выбора. Согласно Л. С. Выготскому, свобода воли заключается в осознании необходимости выбора; при этом особую значимость приобретает «свободный выбор между двумя возможностями, определяемый не извне, но изнутри» [11]. Для того чтобы сделать выбор, субъекту необходимо быть в состоянии устойчивости к возникающим в жизни событиям, тем самым иметь интернальный локус контроля. По нашему мнению, в «состоянии интернальности» субъект может снять противоречие двух выборов, в данном случае остаться в позитивной форме существования.

В классическом понимании локус контроля является устойчивым свойством личности, сформированным в процессе его социализации. В теории социального научения локус контроля имел центральное место. Локус контроля – это личностная переменная, *это обобщенные ожи-*

дания человека относительно того, в какой степени *подкрепления* зависят от его собственного поведения (интернальный локус), а в какой – контролируются силами извне (экстернальный локус контроля) [12]. Выполняя какую-либо деятельность, субъект контролирует сам себя, либо контролируется своим окружением. В первом случае Дж. Роттер обозначает это как интернальный локус контроля, а втором – как экстернальный локус контроля.

Каждый тип локуса контроля имеет свою характеристику. Люди с интернальным типом локуса контроля уверены, что источник управления находится внутри самого человека, что он сам может осуществлять высокий уровень личного контроля. Второй случай отражает проявление экстернального локуса – веры, что жизнью человека в большей степени управляют внешние силы, такие как случай, судьба или поведение других людей.

Локус контроля формируется в процессе социализации и становится в дальнейшем устойчивым личностным качеством [13]. В процессе становления личность имеет три сферы развития: деятельность, общение, самосознание [13]. Освоение различных деятельностей в процессе социализации, а затем успешное воспроизводство освоенных деятельностей, с точки зрения отечественных социальных психологов, являются наиболее значимыми показателями эффективной социализации. Поэтому, принимая большую часть ответственности на себя, человек наиболее включен в процесс социализации, имеет множество контактов, отвечает за свои поступки во взаимодействии либо в деятельности, тем самым входит в различные социальные группы.

В своих работах М. Г. Мацкевич и А. В. Родионова пишут, что в некоторых своих проявлениях локус контроля может выступать в форме каузальных атрибуций. Они видят локус контроля как общий (базовый) уровень, который задается человеку характеристиками той культуры, в рамках которой происходит его социализация (ее способами миропонимания, нормативными предписаниями и ценностями). Это глубоко усвоенное представление определяет и его отношение к себе и миру, и почти все наиболее значимые намерения и поступки, и большую часть навыков повседневной жизни. Ощущение (не обязательно осознанное) доминирующей причинности собственной судьбы и ответственности самого человека за основ-

ные события своей жизни, сформировавшееся в определенном возрасте, в дальнейшем почти в неизменном виде сопровождает человека практически всю жизнь [14].

Трудовая деятельность, согласно мотивационно-волевой концепции Д. Узнадзе, – целесообразная и целенаправленная деятельность. Любая трудовая активность, обладая временными и пространственными операциональными характеристиками, подразумевает процесс целеполагания, взвешивания альтернативных форм деятельности, воображения ситуации в будущем в аспекте возможных исходов поведения, принятия решения (волевой акт), создания установки поведения и осуществления поведения. Оценивание ситуации в пользу интернального и экстернального локуса кон-

троля субъектом деятельности дает возможность полагать, что в дальнейшем на основании этого решения будет строиться и сама деятельность. Это доказывает, что локус контроля является также профессионально-важным качеством.

Подводя итог, можно сказать, что локус контроля – та психическая реальность, которая регулирует весь функционал субъекта деятельности и по праву является метакогнитивным процессом профессиональной деятельности субъекта. Тенденции развития современного профессионального образования таковы, что необходимо создавать условия для формирования у каждого обучающегося компетенции для раскрытия его потенциала и самореализации [15].

Ссылки

1. Карпов А. В. О содержании понятия метакогнитивных способностей личности // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2013. №4 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-soderzhanii-ponyatiya-metakognitivnyh-sposobnostey-lichnosti> (дата обращения: 16.01.2020).
2. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 784 с.
3. Метаева В. А. Рефлексия как метакомпетентность // Педагогика. 2006. № 3. С. 56–61.
4. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: ИП РАН, 1984. 482 с.
5. Чернявская В. С., Малахова В. Р. Развитие мета-компетенций у студентов: кросс-технологии // Сборник научных трудов «SWORLD» по материалам международной научно-практической конференции. 2012. Т. 11, № 2. С. 75–79.
6. Кашапов М. М., Скворцова Ю. В. Разработка методики самооценки метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности // Ярославский психологический вестник. Вып. 14. М.; Ярославль: «Российское психологическое общество, 2005. С. 65–70.
7. Карпов А. В. Мышление и метамышление // Практическое мышление / под ред. А. В. Карпова, Ю. К. Корнилова. Ярославль: ЯрГУ, 2007. С. 31–82.
8. Карпов А. В. Психология менеджмента: учебное пособие. М.: Гардарики, 2005. 584 с.
9. Маркова Е. В. Структурная организация личностных характеристик субъектов управленческой деятельности, реализующих различные стили принятия решений // Ярославский психологический вестник. 2016. № 34. С. 80–87.
10. Социальная психология: учебное пособие для студентов всех профилей, обучающихся по направлению 050100 «Педагогическое образование». Часть I / Н. Б. Трофимова [и др.]; под общ. ред. Г.С. Степановой. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2014. 368 с.
11. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1983. Т. 3. 245 с.
12. Фрейдджер Р., Фейдимен Д. Большая книга психологии. Личность: теории, упражнения, эксперименты. 5-е междунар. изд. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. 864 с.
13. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Психология». 2-е изд, доп. и перераб. М.: Изд-во МГУ, 1988. 432 с.
14. Мацкевич М. Г., Родионова А. В. Локус контроля и атрибуция ответственности (на примере общероссийских опросов и опроса петербургских студентов) // Петербургская социология сегодня. 2009. № 1. С. 289–324.
15. Гущина Т. Н. Проблема индивидуализации подготовки специалиста в условиях профессиональной организации // Ярославский педагогический вестник. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-individualizatsii-podgotovki-spetsialista-v-usloviyah-professionalnoy-organizatsii> (дата обращения: 17.01.2020).